

МАЙ | 2024

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

писанка

Модель нашего мира

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

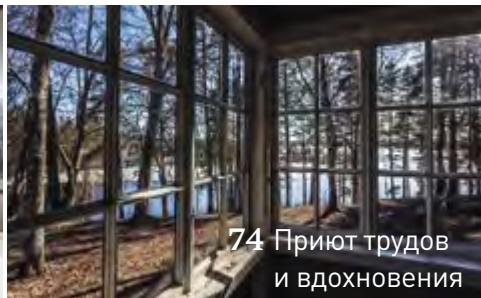
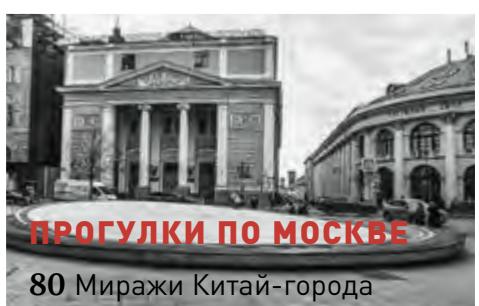
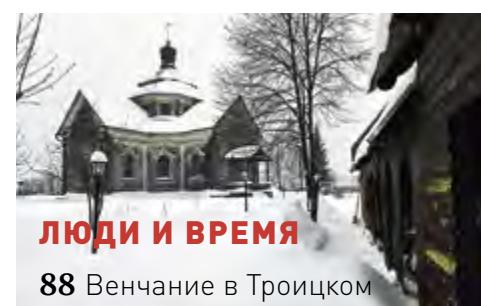
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИНТЕРВЬЮ**04** Русский мир профессора Кима**ИСТОРИЯ****12** Хроники Древней Руси**20** Корсиканская тень Наполеона**НАСЛЕДИЕ****28** Самый русский китайский писатель**ПАСХАЛЬНЫХ****34** Пасхальных дел мастер**ТРАДИЦИИ****42** Дарящие радость**48** Секрет придворного фотографа**54** Ода северному шелку**КУЛЬТУРА****64** Каменная летопись XVI века**74** Приют трудов и вдохновения**ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ****80** Миражи Китай-города**ЛЮДИ И ВРЕМЯ****88** Венчание в Троицком

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Ирина ИВИНА
Алексей КАРПОВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Людмила МАЗУР
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: +7 (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели Бушуевой

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИТОРОВИЧ**
Министр
иностранных
дел РФ
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения РФ
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры РФ

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования РФ

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многстороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям МИД РФ
(председатель
правления фонда)

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
и связей
с общественностью
Минпросвещения
РФ

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки РФ

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
музеев
и внешних связей
Минкультуры РФ

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

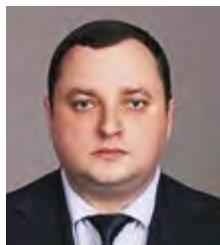
СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ТОЛСТОЙ
ВЛАДИМИР
ИЛЬЧ**
Советник
президента РФ
(председатель
наблюдательного
совета фонда)

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностранных дел РФ
(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)

**ГРИБОВ
ДЕНИС
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
просвещения РФ

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры РФ

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по межрегиональ-
ным и культурным
связям с зарубеж-
ными странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования РФ

**НЕВЕРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества
Независимых
Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по между-
народному
гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по приграничному
сотрудничеству

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций РФ

**ТОРКУНОВ
АНАТОЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

РУССКИЙ МИР ПРОФЕССОРА КИМА

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БРОНЗОВЫЙ АНДРЕЙ РУБЛЕВ ГЛЯДИТ НА НЕВЫСОКОГО ТЕМНОВОЛОСОГО ЧЕЛОВЕКА, ИДУЩЕГО В КОРИДОРЕ ЧЕРНЫХ ЛИПОВЫХ СТВОЛОВ К БЕЛЫМ СТЕНАМ СПАСО-АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ. «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА» НАПИСАНО НА КРАСНОМ ПОЛОТНИЩЕ, РАСТЯНУТОМ НАД ВОРОТАМИ, ВЕДУЩИМИ К САМОМУ ДРЕВНЕМУ ИЗ СОХРАНИВШИХСЯ В МОСКВЕ ХРАМОВ. ПРОФЕССОР КИМ ХЁН ТХЭК СКАЗАЛ, ЧТО ЕМУ – КОРЕЙЦУ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ И КАТОЛИКУ ПО ВЕРОИСПОВЕДАНИЮ – НЕПРОСТО ПОНЯТЬ МИР РУССКОЙ ИКОНОПИСИ, И МЫ РЕШИЛИ ПОКАЗАТЬ ЕМУ ОДНУ ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ИКОН В СТОЛИЦЕ.

Кажется, древнерусское искусство – едва ли не единственное недостающее звено в богатой деталями картине Русского мира профессора из Южной Кореи. Его русский язык чист и напоминает ту слегка старомодную, безупречную речь, на которой говорили русские эмигранты первой волны. Глубокое знание русской культуры вылилось в длинный список почетных должностей, званий и наград. Ким Хён Тхэк – профессор кафедры русского языка и литературы Университета иностранных языков Хангук в Сеуле, председатель Корейского института евразийских исследований, глава Ассоциации славистов Республики Корея, вице-президент Корейско-российского общества культуры и искусства, приглашенный преподаватель МГИМО. В tandemе с коллегой он составил первый в Корее корейско-русский словарь, десять лет организовывал ежегодные конкурсы по русскому языку для корейских студентов, перевел на корейский язык множество книг по русской литературе, награжден медалью Пушкина и орденом Дружбы за вклад в распространение русской литературы и культуры в Корее. Правильный собеседник для того, чтобы попробовать разобраться, каким видится Русский мир представителям культуры, столь отличной от нашей.

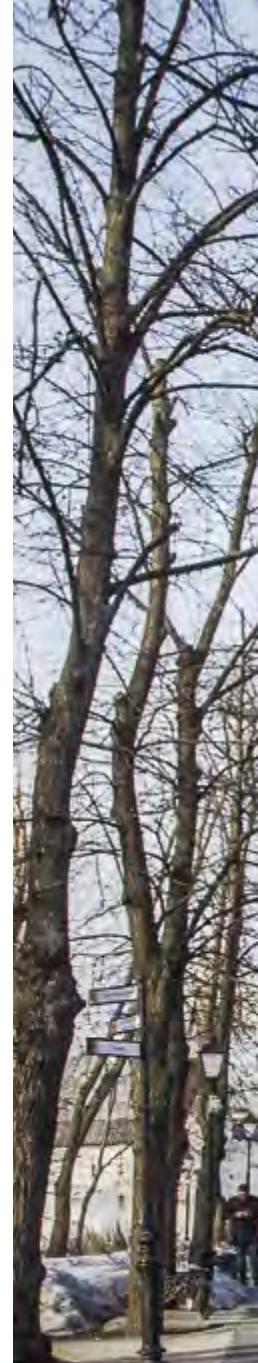
– Как произошло ваше знакомство с русским языком и русской культурой?

– В конце 1960-х – начале 1970-х годов я ходил в среднюю школу. Тогда Советский Союз по идеологическим причинам был запретной страной для жителей южной части Кореи. Но именно со школы

ними годами связаны два эпизода, которые определили мой интерес к России. Первый – с американским кинофильмом «Доктор Живаго». В конце 1960-х годов я посмотрел его в кинотеатре, и он произвел на меня очень сильное впечатление. Сюжет был интересен, но я не понимал, на каком историческом фоне разворачиваются события. Еще в фильме были ландшафты. Не знаю, где американцы снимали «Доктора Живаго», но открывшиеся огромные просторы заворожили меня. Корея – страна маленькая, а здесь все происходило с иным размахом. Наконец, в фильме был снег. Падающий снег, равнины, покрытые снегом, занеженные деревья, дома – пейзажи завораживали. Так, влюбившись в этот фильм, я познакомился с Пастернаком и Россией.

Надо сказать, что в конце 1960-х в Корее телевизоры были только в очень богатых семьях. В моей родной деревне телевизор был всего один, и все собирались перед его экраном. Я увидел высадку американских космонавтов на Луну. А потом узнал, что, оказывается, русские уже побывали в космосе и американцы хотели с ними конкурировать. Я понял, что СССР – еще и технологически высокоразвитая страна. Было понятно, что на этом огромном, закрытом для нас пространстве происходит что-то очень интересное и серьезное.

В школе я изучал английский язык, вторым иностранным был немецкий. Но случайно я услышал, что директор нашей школы учился в Харбине и знает русский язык. Директор никогда не говорил об этом, потому что тогда русский был языком врагов. В 1960–1970-е слово «коммунизм» было запретным в Южной Корее. После корейской войны

коммунизм в нашей стране считался опасной идеологией. Мы ничего не знали о нем. Не было никаких книг, не было контактов с СССР. Но среди корейских подростков были те, кто всерьез интересовался Россией. Я был одним из таких мальчиков. Тогда я решил: если поступлю в университет, то буду изучать историю вашей страны. Но такой предмет, как «история России», в то время в Корее не преподавали. Потому я решил начать с изучения русского языка. В 1974 году я поступил в Университет иностранных языков Хангук в Сеуле. Созданный сразу после окончания корейской войны, в 1954 году, он был единственным вузом в Корее, где систематически преподавали русский язык. Занятия по русскому вели преподаватели родом из Северной Кореи. Первый мой учитель, профессор Дон Ван, был изумительным человеком. Он учился в Харбине и свободно владел русским, китайским и японским языками.

После окончания университета я служил в армии, где преподавал русский будущим корейским офицерам. А через три года уехал в США, чтобы продолжать изучение русской культуры в аспирантуре. Шесть лет я учился в Канзасском университете в Лоуренсе. Я писал диссертацию на тему «Три со-

ветских писателя и Новый Завет: влияние Михаила Булгакова на творчество последующих советских писателей». Затем я вернулся в Корею.

– *Как шло ваше познание русской культуры во время работы над диссертацией?*

– В Канзасском университете была очень хорошая библиотека. Там хранилась изумительная коллекция старинных русских книг, в том числе полное собрание журнала «Вестник» пушкинского времени. Чтобы защитить диплом, за четыре года мы должны были пройти полный курс русской литературы – от средневековой до советского времени, прочитать всех основных классиков прозы и поэзии.

– *С кого вы начали?*

– С Пушкина. Точнее, мы изучали и Карамзина, но все самое главное в русской литературе началось для меня с Пушкина, к тому же мой руководитель был пушкинистом. А дальше – по хронологии: Лермонтов, Гоголь, Тургенев и так далее. Учиться было интересно еще и потому, что в то время в университет приглашали читать лекции советских писателей – Сергея Павловича Залыгина,

Валентина Григорьевича Распутина, была возможность лично познакомиться с живыми классиками. У меня даже остались кассеты лекций, на которой Валентин Григорьевич Распутин читает свой рассказ «Уроки французского». Также в США преподавали эмигранты из СССР, и они помогли мне проникнуться русской культурой, когда невозможно было самому поехать учиться в Советский Союз.

— Окном в русскую культуру для вас стал русский язык. Что вам нравится в нем больше всего? Что казалось наиболее сложным?

— Что русский язык очень красивый, я понял в тот момент, как только на первом уроке услышал речь своего преподавателя. Мой первый учитель говорил по-русски свободно, почти как носитель языка. Он служил в японской армии и несколько лет находился в плена в Сибири. Русский язык мне очень понравился своим приятным звучанием. При этом он очень сложный. Мне кажется, я до сих пор не до конца понимаю, когда и какую приставку надо использовать с глаголом. «Закончить», «окончить», «докончить» — для меня почти все равно, какой из этих глаголов выбрать. А есть еще и виды глаголов. Вид глагола и приставка — лично для меня это самые большие трудности. Но именно эти сложные формы придают русскому языку особую пластичность. Форма слов легко изменяется, порядок слов также довольно гибок. Благодаря им язык обретает большую свободу.

— Кто из русских писателей и поэтов стал для вас открытием в студенческие годы?

— В студенческие годы помимо поэзии мне очень понравилось, если так можно выразиться, «прозрачное» направление русской прозы — Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов. Читать этих писателей для иностранцев легче, чем, скажем, Достоевского. Но как бы легко это ни казалось, внешне простой и прозрачный стиль при ближайшем рассмотрении содержит пласти скрытых смыслов. И когда мы начинаем переводить этих писателей на корейский, богатство подтекста теряется. Возникают большие трудности с переводом. Например, Лермонтов. Мы говорим, что русская литература — очень глубокая, и, на мой взгляд, эта глубина в значительной степени началась с Лермонтова. Его проза написана простым и ясным языком, но в ней — сложные вопросы о связи человека с Богом, о бытии. Лермонтов поразил меня. В «Герое нашего времени» Лермонтов гениально показывает отношения между людьми, чутко улавливает психологические и эмоциональные оттенки состояния своих героев и точно их передает. Даже когда он описывает природу, у меня было чувство, будто я сам сижу на берегу моря. Только гениальный писатель может заставить читателя так ярко представлять описываемый им мир. В Америке же я открыл для себя другое направление русской литературы, стилистически более сложное, орнаментальное — Гоголя, Достоевского, Андрея Белого, Исаака Бабеля, Юрия Олешу.

Еще одним откровением для меня стали «Записки охотника» Тургенева. Для корейцев мир, описываемый Тургеневым в этих рассказах, принадлежит иной культуре, но воссоздан он так, будто все происходит с тобой. Я родился в деревне и могу представить себе, о чем рассказывает Тургенев, – как ни странно, жизнь корейской и русской деревни имеет немало общего. Тургенев передает подлинный деревенский колорит через восприятие образованного человека. Лишь иногда в образе рассказчика он позволяет показать свое подлинное лицо – и одновременно так органично описывает жизнь крестьян. Это изумительно!

Еще одно произведение, крайнеозвучное жителям Кореи, – «Пиковая дама» Пушкина. Повесть написана двести лет назад, а у многих корейских молодых людей я вижу черты Германна. Повесть остается живой даже в наше время. Она близка не только русским, но и – через хороший перевод – корейским читателям.

– Что, на ваш взгляд, дали русские писатели корейскому читателю? Помогли ли в понимании чужой культуры, мира в целом, чего-то важного в себе?

– Сложный вопрос, но интересный. Я не просто читатель, я владею русским языком и занимаюсь переводом русской литературы. Когда я читаю произведения русских писателей, то представляю себе жизнь в России в то время. Начинаю понимать, как люди действовали, думали, относились друг к другу. Одновременно сопоставляю жизнь в России и в Корее, попутно обнаруживая сходства и различия. Несоответствия заставляют думать, анализировать, рассматривать привычное с неожиданного ракурса и открывать новые смыслы. Это обогащает мышление, в чем и заключена ценность знакомства с чужой культурой. Не зря говорят: до конца понять свою культуру можно, лишь сравнив ее с чужой. Тогда выявляешь важные смыслы. И становишься более открытым и терпимым к другим, потому что готов признать разницу традиций и менталитетов.

– Вам довелось слушать лекции замечательных русских писателей – Валентина Распутина, Сергея Залыгина. Какое впечатление они произвели на вас?

– Я был на выступлении Распутина в 1987 году. Валентин Григорьевич поразил меня. Отдавая дань уважения своей малой родине, он сказал: «Я не россиянин, я – сибиряк». Я был поражен, потому что до этого ничего не знал о Сибири. Слушая лекцию Распутина, я понял, что Россия состоит из очень разных частей, что люди, ощущая свою принадлежность к общей культуре, к большой стране, любят и гордятся своей малой родиной. Тогда в первый раз я задумался, насколько многообразна и богата русская культура, объединяющая множество культур и сохраняющая их яркую уникальность.

– Любопытно, что для выступления перед зарубежной аудиторией Распутин выбрал рассказ «Уроки французского». Такой простой по сюжету и глубокий по смыслу...

– Во время выступления Валентин Григорьевич рассказал, что много лет спустя, уже став известным писателем, он встретился со своей учительницей, Лидией Ивановной (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2010 год, статья «Учительница французского»), и напомнил ей об эпизоде, легшем в основу рассказа. Лидия Ивановна сказала, что не помнит такого события. И тогда Распутин сформулировал очень глубокую мысль: тот, кто сделал другому хорошее, может забыть об этом. Тот, кто этот дар получил, никогда о нем не забывает. И я начал думать о том, что такое память. Что именно мы отпускаем, а что навсегда остается в нас? Этот рассказ простой по сюжету, но сложный с лингвистической точки зрения, там многоплановый языковой уровень. Основные произведения

этого автора переведены, пользуются любовью корейского читателя. «Прощание с Матерью» – этот сюжет встречался и в истории Кореи – здесь также затапливали деревни во время строительства плотин. Идея потери корней корейцу понятна. И идея Родины – тоже: у нас страна по-прежнему разделенная. При этом она очень быстро развивается. Что-то очень быстро уходит в прошлое, и мы забываем о нем, как будто этого не было.

– Какова сегодня ситуация с изучением русского языка в Корее?

– До 1990 года, когда были установлены дипломатические отношения между нашими странами, в Корее было только три вуза, где преподавали русский язык. А после установления дипломатических отношений сразу в 40 вузах открыли кафедры российских ведений. В 1990-е годы русский язык стал очень популярным среди корейских абитуриентов. Появились школы, где тоже преподавали русский язык. Я подсчитал: в стране было около 300 крупных специалистов по России, русской литературе и русскому языку.

Так сложилось, что первые поколения русистов, как мой первый учитель, получили образование в Харбине или в северной части Корейского полуострова, и только люди моего поколения в послевоенный период начали изучать Россию и русский язык в Южной Корее. А после установления дипломатических отношений многие способные корейские студенты и аспиранты учились в России, где защищали дипломы. Потом они вернулись и составили следующее талантливое поколение.

Сейчас немного другие обстоятельства. После пандемии, после ситуации на Украине популярность русского языка не такая, как тридцать лет назад. В вузах в Сеуле у нас сохраняются кафедры, и мы набираем способных абитуриентов, а в провинциальных центрах популярность русского языка снижается. Но хотя массовая популярность русского языка падает, идет встречное движение. Я вижу, что в ведущих вузах у сильных студентов появляется серьезнейший интерес к изучению России. Парадокс в том, что некоторые антироссийские настроения есть, но одновременно появляется и новый интерес к вашей стране. Коллега с кафедры истории Сеульского национального университета сказала мне, что появились очень серьезные молодые студенты, которые хотят специализироваться на истории России. Они считают, что нам в Корее надо изучать Россию, потому что, может быть, мы не совсем представляем, что у вас происходит. И у них появляется желание выучить русский язык, чтобы иметь доступ к первоисточнику.

– Поменялось ли из-за антироссийской кампании в СМИ отношение к России в научной среде?

– Ученые-гуманитарии думают несколько иначе, чем политологи. Насколько я знаю, специалисты в области русской филологии и истории более

свободны от предрассудков. Когда мы говорим об изучении литературы, языка, искусства, нам легче найти точки соприкосновения.

У нас в Корее сложилось несколько иное мнение о России по сравнению с западным миром. Объясню. До конца XIX века Корея была закрытой страной. Только во время японской оккупации мы начали обращать внимание на внешний мир. И первой западной культурой, с которой соприкоснулась корейская интеллигенция, была русская культура – литература, музыка, драматургия. Поэтому самые известные корейские писатели говорят, что очень многим в своем становлении они обязаны русской литературе. Как правило, русскую литературу они читали в переводах. Кто-то в японском, кто-то в корейском. С самого зарождения новой корейской литературы и музыки Россия заняла в этом процессе первое место.

В прошлом году в Корее отметили юбилей Рахманинова. По всей стране прошли посвященные ему концерты. В Корее есть национальное радио, которое транслирует только классическую музыку, и один день оно полностью посвятило произведениям Рахманинова. В отличие от Запада в Корее не произошло отмены русской культуры. И когда я включаю корейское радио, часто слышу там и русскую классическую музыку, и русские романсы.

Кстати, в Корее очень высоко ценят традиции советской мультипликации, в которой нет жестокости, коммерциализации. Поучительные сюжеты, представленные через прекрасные рисунки.

Хорошо известна в Корее и русская реалистическая школа живописи. Многие знают работы Ильи Репина. Что касается иконы, эта культура

нам не близка. Хотя в прошлом году католические священники организовали в Корее выставку иконы. Хорошая выставка, но зрителей было не очень много. Пока корейцы не готовы оценить это искусство. Кто-то должен объяснить корейскому зрителю, почему иконы – это важно.

– Вы сказали, что русская литература повлияла на формирование новой корейской литературы. Как именно?

– Новая корейская литература начала складываться только в 1910–1920-е годы. Традиция написания произведений на корейском языке была на начальном этапе своего становления, это был момент, когда корейская литература нового времени только начинала формироваться, первые корейские писатели должны были у кого-то учиться. И поскольку во время японской оккупации они в школе учили японский язык, они читали русскую литературу в японских переводах, хотя и были люди, которые могли читать русскую литературу в оригинале. Читали Чехова, Толстого, Достоевского, Горького и начинали писать свои произведения под их влиянием. Например, у корейского писателя Хён Чжингона есть очень известный рассказ «Удачный день». Можно сразу определить, что он написан под влиянием рассказа Чехова «Тоска». Романы Толстого

«Анна Каренина», «Воскресение» повлияли на творчество таких писателей – основателей традиций современной корейской литературы, как Ли Гвансу и других. Корейские поэты искали новые стихотворные формы, и некоторые нашли их в виде стихотворений в прозе Тургенева.

– А кто из русских писателей больше всего популярен в Корее?

– Ответ будет очевидным. Достоевский и Толстой – два этих писателя имеют огромное значение для корейской культуры, поэтому их переводят снова и снова. Сегодня Достоевский и Толстой в Корее переведены полностью. Самые известные их романы переводятся как минимум раз в пять лет, на них есть постоянный спрос.

– Кто из них ближе корейским читателям?

– Толстой. Корейцы в книге ищут ориентиры на жизненном пути. Достоевский только ставит вопросы, и ты должен сам найти ответы. Но большинство корейских читателей склонны к иному ходу мыслей: «Покажите, куда нам идти, как нам жить?» Поэтому выбирают Толстого.

Лет десять назад новый перевод басен Толстого стал в Корее бестселлером. У меня была своя гипотеза причины такого успеха. «Мы совсем потеряли дорогу, – считают корейцы, – мы не знаем,

куда мы идем. В душе хаос. А в этих коротких рассказах простыми словами кто-то нам объяснил, что правильно, а что нет». Так что Толстой очень известен в Корее. А самые известные его романы – «Анна Каренина» и «Воскресение». У Достоевского чаще всего читают «Преступление и наказание». Этот роман вне конкуренции. Есть люди, которые очень любят Чехова. И хотя Чехова нельзя сравнивать по популярности с Достоевским и Толстым, уверен, что он занимает третье место. Что касается литераторов XX века, то Пастернак и Солженицын были переведены в Корее до того, как между нашими странами установились дипломатические отношения. Переводить диссидентов было можно, но не разрешено было переводить советских писателей, например Булгакова.

Сегодня все советские классики XX века переведены на корейский. А вот русские писатели XXI века в Корее не очень известны. В 2023 году в Корею приезжали несколько российских писателей. Мы переводили фрагменты из их произведений, чтобы корейцы познакомились с их творчеством. И хотим продолжить эту традицию. Таким образом литературные мосты между нашими странами будут укрепляться, чтобы в Корее знали о современной русской литературе, а русские читатели – о современной корейской. Я встречал много ваших молодых переводчиков, которые переводят с корейского на русский. Взаимный обмен в области современной литературы актуален.

– Расскажите о ваших научных интересах. Какие писатели привлекают ваше внимание?

– В русской литературе есть замечательная традиция коротких рассказов – Чехов, Бунин, Каракозов и даже Солженицын с его «Крохотками» и ранними рассказами. Именно к этой традиции принадлежит писатель, творчество которого я изучаю – Варлам Шаламов. У меня слов нет, какой это мощный писатель. Я выбрал для изучения Шаламова, потому что был в шоке, когда прочитал его. Второй мой личный интерес – Исаак Бабель. Я читал Бабеля в США, когда был аспирантом. Думаю, никто среди иностранцев не пытался с такой настойчивостью проникнуть в бабелевские строчки, как я. Я так любил его сложный стиль. И два моих любимых писателя прямо противоположны. Шаламов – антипод Бабеля. У Шаламова очень мощные рассказы. Я раньше думал, что Достоевский показал самое дно человеческого существа, но Шаламов идет еще глубже. Иногда он удивляет поэтическими строчками. Когда я читаю его маленький рассказ «Стланник», передо мной будто встает живая душа среди мрачного мира смерти. Но вот мои аспиранты не очень любят читать и анализировать Шаламова, на молодых он производит слишком тяжелое впечатление. Нельзя сказать, что Шаламов мне близок, но без него я не могу полностью почувствовать этот мир. Он показал мне невозможный мир, и я благодарен ему за это. Шаламов затронул пределы трагедии. Храбрый человек.

– Почему вы считаете Шаламова антиподом Бабеля?

– Бабель как-то признался, что переписывает каждый рассказ раз по двенадцать, разрабатывая каждое предложение. А Шаламов пишет будто одним штрихом. И текст у него сильнее. Я завидую нашим русским друзьям, потому что в их национальной литературе есть такой широкий диапазон, такое разнообразие звезд.

– Как вы определили для себя особенности русского менталитета? В чем он близок корейскому и чем отличается?

– Русские люди очень любознательны. Когда в аудитории находятся русские студенты, они прямо задают провокационные вопросы, говорят что думают, а корейские студенты считают, что надо оказать уважение пожилому человеку. Также русские – очень щедрый и эмоциональный народ. И еще – они многонациональный народ, это резко отличает вас от корейцев.

А общее между россиянами и корейцами в том, что они – патриоты. У вас и у нас чувство – прежде разума и рациональности, мы все признаем важность семьи, человеческих отношений. Поэтому нам легко понимать друг друга.

– Вам удалось путешествовать по России, познакомиться с русскими людьми, с их бытом?

– Я счастливый человек, потому что смог посмотреть страну и познакомиться с ее природой. Меня поразила русская равнина. Корея – страна горная. Мы говорим, что у нас высокое небо, но я заметил, что в России небо не высокое, а широкое. Это совсем новый опыт для меня. По дороге в Рязань я попросил своего друга остановить машину, потому что хотел просто выйти и смотреть на эту равнину. Мне также посчастливилось путешествовать по Транссибирской магистрали от Владивостока до Петербурга, на теплоходе я прошел по Волге от Москвы до Астрахани, став другим человеком после этих поездок. Они заставляют забыть о пустяках и сосредоточиться на главном. Под Красноярском я посетил Дом-музей Виктора Астафьева. Енисей поразил меня, я почувствовал, какая она, Сибирь. Возможность увидеть своими глазами разнообразие русской природы стало огромным подарком для корейского русиста.

Я провел две недели на даче под Рязанью в Мещёре у Анатолия Андреевича Кима, моего близкого друга, русского писателя корейского происхождения. Там я познакомился с жителями этой деревни. Они меня удивили чистым русским говором. Скромные, добрые люди. В деревне я видел другую Россию – ту, о которой я читал в произведениях русских классиков.

Напоследок профессор Ким рассказал случай, который, по его мнению, доказывает, сколь велико в Корее влияние русской культуры:

– В Корее есть известный композитор – Хван Бёнги. Он сочинял музыку для традиционного корейского струнного инструмента каягым. Раньше он был юристом, не имел музыкального образования. Просто любил музыку. Во время корейской войны в городе Пусан он услышал музыку Игоря Стравинского к балету «Весна священная». И был восхищен сочетанием традиционных русских мотивов в инновационной форме. Он решил заняться традиционной корейской музыкой, преобразуя ее так же, как Стравинский преобразовал русскую музыку. Одно из своих произведений он посвятил Стравинскому. Понимаете, корейский юрист, рядовой любитель музыки случайно услышал Стравинского, и тот перевернул его мир. Поразил так, что Хван Бёнги стал самым известным корейским композитором. Разве это не лучшее доказательство соприкосновения наших культур? ●

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

ГОД 944-Й (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Из «Повести временных лет»: «Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю – восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире.

Послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр своих и сановников. Привели русских послов и велели говорить и записывать речи обоих сторон на хартию».

Более или менее точно определить время заключения нового русско-византийского договора несложно. В летописи он помещен под 6453 годом. Но здесь использован не русский, «мартовский», а византийский, «сентябрьский» стиль счета лет, соответствующий 944/945 году. С греческой стороны договор заключали императоры Роман I, его зять и соправитель Константин Багрянородный и сын и соправитель Стефан. Но император Роман I Лакапин был свергнут 16 декабря 944 года.

Следовательно, договор должен датироваться временем с 1 сентября (начало 6453-го сентябрьского года) до 16 декабря 944 года; скорее всего, сентябрем-октябрем, так как поздней осенью и в начале зимы плавание по Черному морю для русских судов было невозможно.

В состав представительного русского посольства вошли послы и «гости» – купцы. Послы представляли интересы не только самого Игоря, но и, по отдельности, членов княжеского рода – «всякого князья», по выражению документа; «гости» же – интересы городов, городских общин. Вслед за именем посла самого Игоря – некоего Ивора – в документе следуют имена послов совсем еще маленького Игорева сына Святослава и княгини Ольги. Всего же договор с русской стороны подписали 55 человек – 25 послов и 30 «гостей» (если мы правильно реконструируем список их имен, по-разному приведенный в разных редакциях «Повести временных лет»). И только из текста этого договора нам ста-

новится известно о других представителях княжеского рода, помимо Игоря, Святослава и Ольги. Оказывается, у Игоря имелись племянники («нетии», то есть, вероятно, «сестриччи», сыновья его оставшейся нам неизвестной сестры) – еще один Игорь и Акун; к числу членов княжеского рода принадлежали также некие Улеб, Володислав, Предслава... Все эти лица в тексте самой «Повести временных лет» не упоминаются, и мы о них ничего не знаем.

«...Мы, от рода русского, послы и гости (далее идут имена. – Прим. авт.) ... посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого князя, и от всех людей Русской земли. И от тех поручено обновить ветхий (то есть старый, прежний. – Прим. авт.) мир... и утвердить любовь между греками и Русью. Великий князь наш Игорь, и князья, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, и к Константину, и к Стефану – к великим царям греческим, утвердить любовь с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все лета, пока сияет солнце и весь мир стоит. А если помыслит кто от страны Русской нарушить этот договор, то те из них, которые приняли крещение, да примут возмездие от Бога Вседержителя, осуждение на погибель во весь век будущий, а те из них, которые не крещены, да не получат помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся щитами своими, и да посечены будут мечами своими и от стрел и от иного оружия своего, и да будут рабами в весь век будущий...».

Между прочим, текст русско-византийского договора 944 года сохранил самое раннее свидетельство о существовании в Киеве христианской общины. Как видим, русы-христиане входили в состав посольства и пользовались в нем такими же правами, как и русы-язычники.

Далее следуют пункты договора, то есть те условия, на которых был заключен мир. Некоторые из них полностью или частично повторяют положения предыдущего русско-византийского договора, 911 года. Однако по многим позициям Русь оказалась в менее выгодном положении, нежели прежде – при князе Олеге, победителе греков. Достаточно сказать, что из 15 или 16 статей договора 944 года 8 или 9 – то есть более половины! – носят в той или иной степени ограничительный характер в отношении Руси или предусматривают более льготные условия для греков.

Так, ограниченны по сравнению с прежним русско-византийским договором оказались права русских купцов, прибывающих в Константинополь: если прежде послам и купцам достаточно было предъявить печати – золотые для послов и серебря-

Копия русско-византийского договора 944 года.
Радзивилловская летопись.
XV век

ные для купцов, – то теперь от них требовалась особая грамота князя, в которой сообщалось бы точно, сколько всего послано кораблей и с кем именно:

«...и из тех грамот уведаем мы, что с миром пришли. Если же без грамот придут и схвачены будут нами, то будем держать их, пока не возвестим князю вашему; если же не дадутся нам в руки и будут сопротивляться, то будут убиты и да не взыщется смерть их от князя вашего».

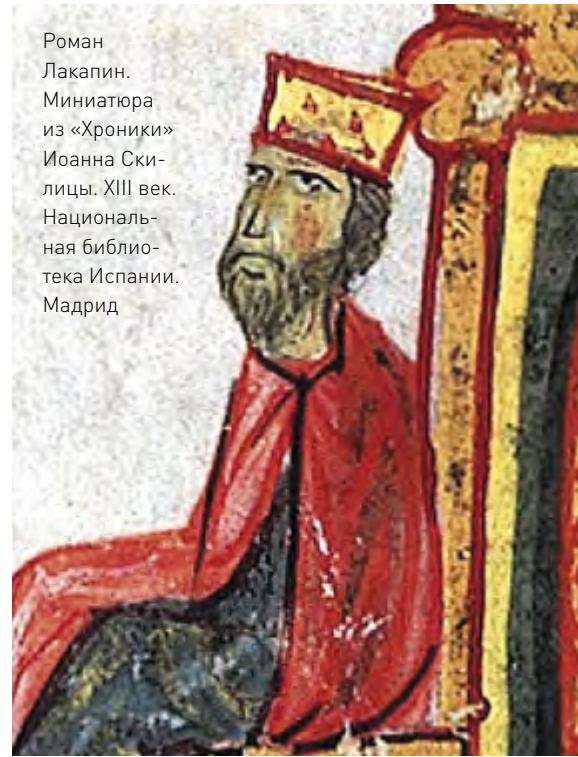
Как и прежний договор князя Олега, новое соглашение строго регламентировало пребывание русов в столице империи. Однако из договора исчезло прежнее положение, по которому русы могли вести торговлю в столице империи, «не платяще мыта ни в чем же», то есть не уплачивая пошлины. Купцы не имели права покупать паволоки (византийские шелковые ткани) дороже, чем на сумму 50 «золотников» (номисм), – «и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им». Кроме того, русы обязаны были осенью, с завершением навигации на Черном море, покинуть Царьград.

Несколько статей договора были посвящены «Корсунской стране», то есть крымским владениям Византии, «и елико же есть городов на той части». Русскому князю прямо воспрещалось воевать «на тех странах, и та страна не покоряется вам», как сказано в тексте. Более конкретно об угрозе Херсону (Херсонесу) и обязанностях русских защищать этот город говорилось в другой статье договора:

«Если придут черные болгары и будут воевать в стране Корсунской, то велим князю русскому не пускать их...»

Вероятно, имеется в виду какой-то народ тюркского происхождения, но какой именно, неясно. Известно лишь, что ко времени составления договора эти «черные болгары» были союзниками хазар. Так русско-византийский договор обозначил еще один поворот во внешней политике Древнерусского государства – от союза с Хазарией, пришедшего на смену русско-хазарской войне, вновь к враждебным действиям против хазар в союзе с Византией. (И опять вспоминается письмо «Кембриджского анонима» о союзе «царя русов» с императором Романом – см.: «Русский мир.ru» №3 за 2024 год, статья «Хроники Древней Руси».)

Роман
Лакапин.
Миниатюра
из «Хроники»
Иоанна Ски-
лицы. XIII век.
Националь-
ная библио-
тека Испании.
Мадрид

Согласно одной из статей договора, русам было запрещено зимовать вблизи устья Днепра – в Белобережье и на острове Святого Ефесия¹. Этот пункт договора нельзя расценить иначе, как серьезное внешнеполитическое поражение Игоря – ведь прежде на острове Святого Ефесия располагалась опорная база русов. Изменились по сравнению с прежним договором и условия найма русских на военную службу императора ромеев. Если прежде император лишь гарантировал, что готов принять русских наемников, «елико их придет», то теперь речь шла об обязательствах киевского князя предоставить императору столько воинов, сколько потребуется уже ему. «...Да пишу к великому князю вашему, – говорилось в договоре от имени «царя», – и пошлет

Святая София.
Стамбул

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

¹ Свое название остров получил по имени херсонского епископа, который скончался здесь на обратном пути в Херсонес еще в IV веке. Остров отождествляют либо с современным островом Березань напротив дельты Днепра, либо с западной частью Кинбурнской косы, которая в древности представляла собой остров, омываемый лиманом, морем и рукавом Днепра.

к нам, елико же хочем, и оттоле уведают иные страны, какую любовь имеют греки с Русью».

«...Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, на ней же изображен крест и имена наши написаны, а на другой – [имена] послов ваших и гостей ваших. А когда послы наши, царей, выедут, пусть проводят их к великому князю русскому Игорю и к людям его; и те, получив хартию, пусть присягнут, что будут истинно соблюдать то, о чем мы договорились и что написали на этой хартии, на которой написаны наши имена.

Мы же, кто из нас крестились, клялись церковью Святого Ильи в соборной церкви (Константинопольской Святой Софии. – Прим. авт.) в предлежащении честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать ничего; а кто нарушит из страны нашей – князь ли, или иной кто, крещеный или некрещеный, – да не получит помощи от Бога и да будет рабом в весь век будущий и да заколот будет своим оружием. А некрещенная русь кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи свои и прочее оружие – да клянутся, что все то, что написано на хартии этой, будет соблюдено Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми страны Русской во все будущие годы и всегда.

Если же кто из князей или из людей русских – христиан или не христиан – нарушит то, что написано на хартии этой, то достоин будет от своего оружия умереть и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что преступил клятву свою...».

Послы греков прибыли в Киев той же осенью, вместе с посланцами самого Игоря, вернувшимися из Константинополя. Теперь самому Игорю и людям из его ближайшего окружения предстояло принести клят-

Князь Игорь и его подданные-язычники присягают на холме перед фигурой Перуна, а подданные-христиане – у церкви Святого Ильи. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век

ву на тексте договора перед послами «царя Романа». И вновь мы видим в окружении Игоря христиан, присягавших по христианскому закону в киевской церкви Святого Ильи. Сам же Игорь, как и большинство его дружины, оставался язычником и присягал по языческому закону – на своем оружии.

«Назавтра призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и положили оружие свое, и щиты, и золото; и присягали Игорь и люди его – сколько было поганых среди руси. А христианскую русь водили к клятве в церкви Святого Ильи, что над Ручьем... то была соборная церковь, ибо многие были среди варягов христиане. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, и челядью, и воском...».

Договор 944 года сыграл без преувеличения выдающуюся роль в истории Древнерусского государства, на десятилетия определив магистральное направление его развития. Русь прочно вошла в число союзников Византийской империи, и это обстоятельство станет решающим в последующем выборе веры князем Владимиром.

Говоря о событиях этого года, нельзя не упомянуть еще об одной военной кампании русов. Сведения о ней сохранились исключительно в восточных источниках.

Приведем выдержку из «Книги испытаний народов» персидского историка и государственного деятеля Ибн Мискауэйха (ум. 1030), писавшего на арабском языке. Известие датировано 332 годом хиджры (сентябрь 943-го – август 944-го).

«В этом году вышло войско народа, известного под именем русов, к Азербайджану, направилось к Барда'а, овладело им и забрало в плен его население...»

АЛЕКСАНДР БУРДЫ

Этот народ велик, они крупного телосложения, у них большая сила. Не знают они отступления, и ни один человек из них не обратится в бегство, пока не убьет или не будет убит сам. Каждый из них носит оружие и прикрепляет к себе большую часть ремесленных орудий, состоящих из топора, пилы, молота и прочего. Сражаются они с помощью копья и щита, носят меч и привешивают к себе палицу (?) и оружие наподобие кинжала. Сражаются пешими, особенно те, прибывшие. И так приплыли морем, которое примыкает к их стране, пересекли его до большой реки, известной под именем Кура... Когда прибыли они к Куре, направились к ним наместник Марзбана¹ и правитель города Барда'a, и было с ними 300 человек дейле-

митов², а с ними примерно столько же бедняков и курдов. Поднял он народ, и вышло с ним добровольцев около 5 тысяч для войны с теми (русами). Напали на них, не зная их силы, и считали, что они побегут путем армян и византийцев. А когда выстроились в ряд воины, то не прошло и часа, как бросились русы ужасной атакой, разбили войско и взяли в плен добровольцев и все войско, кроме дейлемитов. Они устояли еще час и были уничтожены все, кроме тех, кто был верхом на лошади. Преследовали русы убегающих до города, и бежали все, кто имел какие-нибудь средства передвижения, хотя бы верблюда; все военные и гражданские. Покинули они город, поселились в нем русы и завладели им...».
(Перевод Т.М. Калининой)

Барда'a – центр области Арран (Кавказской Албании), расположенный на реке Тертер, правом притоке Куры, в нескольких километрах от современной Барды, районного центра Азербайджана. Это был один из красивейших и богатейших городов Кавказа – «Багдад Кавказа», как именовали его в то время. Увы, после разорения русами город так и не смог возродиться к прежней жизни, и к рубежу XII–XIII веков географы описывали Барда'a как незначительное селение, окруженное развалинами – свидетелями былого величия...

Поначалу же, захватив Барда'a, русы постарались не ссориться с местным населением, потребовав от него лишь покорности. Однако постоянные стычки с мусульманскими войсками ожесточили их, и дело кончилось тем, что почти все мужское

Мост через реку Тертер-чай в современной Барде (Азербайджан). Датируется VI–VII веками

¹ Марзбан ибн Мухаммад, правитель Азербайджана (941/42–957).

² Жители горной части Прикаспия, известные как профессиональные и высококлассные воины.

население города было перебито, за исключением немногих убежавших или сумевших выкупить себя за большие деньги. По сведениям сирийского историка XIII века Абу-л-Фараджа (Бар-Гебрея), в городе было убито 20 тысяч мужчин. Что же касается женщин и подростков, то все они оказались в руках русов, которые, по словам Ибн Мискавейха, «распутничали с теми и другими и превратили их в рабов» (или, как сказано у арабского историка начала XIII века Ибн ал-Асира, «выбрали из женщин тех, кто им понравился»).

Военные действия продолжались до конца лета или осени 945 года. Русы совершили рейды и в соседние области, в частности к городу Мараге, отстоявшему довольно далеко от Барда'а. Наконец в одной из стычек Марзбану удалось заманить русов в засаду; тогда погибло 700 человек, включая их «главу», вождя войска. После этого русы отступили в город, однако мусульманам по-прежнему не удавалось одолеть их.

По словам Ибн Мискавейха, наибольший ущерб причинили

Кольчуги русских дружиинников.
Новгородский музей-заповедник

русам даже не вражеские воины, а непривычная для них пища – созревшие в местных садах фрукты: якобы по этой причине среди них началась эпидемия, унесшая множество жизней. Более внятную, хотя и схожую версию происшедшего привел армянский историк X века Моисей Каганкатавци, который провел всю свою жизнь по соседству с Барда'а. По его словам, «женщины города, прибегнув к коварству, стали отравлять русов; но те, узнав об этой измене, безжалостно истребили» их.

Когда русы наконец убедились, что удержаться в городе им не удастся, они решили оставить Барда'а.

«...Вышли они ночью из крепости, в которой преbyвали, и несли на своих плечах все, что могли, из имущества, драгоценностей, превосходной одежды, и сожгли оставшееся. И вели женщин, юношей и девушек столько, сколько хотели. Направились к Куре, а там были наготове корабли, на которых они вышли из своей страны, на них корабельщики и 300 человек русов. Поделились с ними частью своей добычи, и уехали от них, и удалились. Избавил Аллах мусульман от дел их».

Игорь, конечно же, не имел к этой военной акции никакого отношения. Возможно, русы, напавшие на Барда'а, вообще явились не из Киева и не из пределов Древнерусского государства, но из какого-то совсем иного региона. Но возможно и другое. Историки давно уже предположили, что на Кавказ могла уйти та часть Игорева войска, которая изначально выступила вместе с Игорем в поход на Византию, но осталась недовольна заключенным миром и пожелала добить трофеи и славу уже без своего предводителя. Во всяком случае, даты обоих военных предприятий очень близки и не исключают такого предположения.

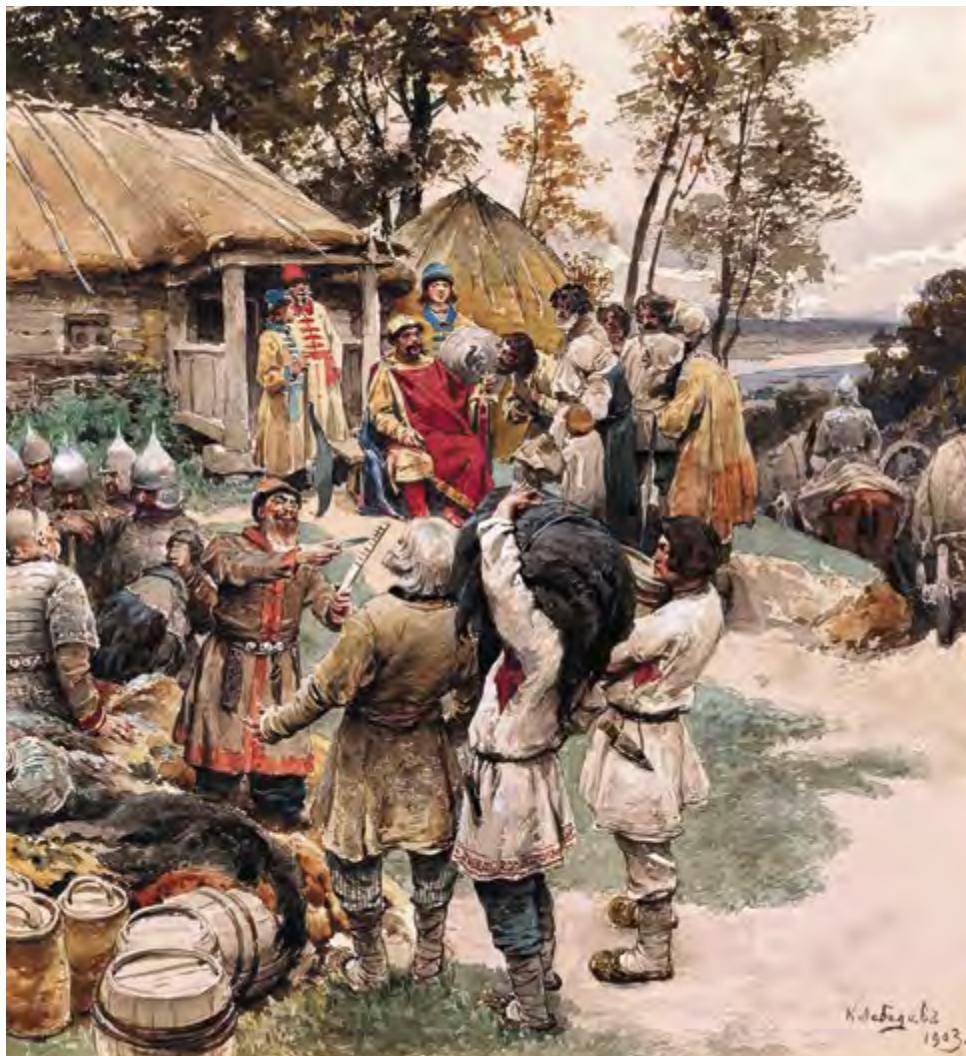
Голова
Богородицы.
Фрагмент фрески
IX-X веков.
Государственный
музей-
заповедник
«Херсонес
Таврический»

ГОД 945-Й

Из «Повести временных лет»:
 «Игорь же начал княжить
 в Киеве, мир имея ко всем
 странам. И пришла осень,
 и начал замышлять на
 древлян, желая взять с них
 большую дань».

Практически теми же словами, что и об Олеге, начинается в летописи рассказ о гибели князя Игоря. Снова: «И приспе осень...» Между тем осень, и именно поздняя осень, – это еще и время традиционного княжеского полюдья – ежегодного объезда князем подвластной ему территории, во время которого происходил сбор дани: своеобразный ритуал «кормления» князя и его дружины. «Зимний и суровый образ жизни... росов таков, – писал всеведущий император Константин Багрянородный. – Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья. – Прим. авт.) выходят со всеми росами (здесь: дружиной. – Прим. авт.) из Киева и отправляются в поллюдия...». А далее он назвал и те земли славян («славинии»), куда отправляются князья, и первой упомянул землю древлян: «...а именно – в славинии вервианов (древлян. – Прим. авт.), другувитов (дреговичей. – Прим. авт.), кривичей, севериеv (северян. – Прим. авт.) и прочих славян, которые являются пактиотами (данныками, или, точнее, младшими союзниками. – Прим. авт.) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев».

Древлянская земля располагалась к западу от Киева, по течению рек Тетерев, Уж, Случь. Сюда в ноябре 945 года и направился Игорь вместе со своей дружиной. Но ведь «древлянская дань» была передана Игорем Свенельду! Этот воевода обладал, по-видимому, исключительным влиянием и исключительными полномочиями при Игоре. А после него еще при трех правителях Киева – Ольге, Святославе и Ярополке! И можно

Князь Игорь
 собирает дань
 с древлян
 в 945 году
 (полюдье).
 Картина кисти
 К. Лебедева.
 1903 год

думать, что древлянская дань была собрана Свенельдом еще прежде Игоря. Так что поход Игоря к древлянам с самого начала был не вполне легитимным.

«В то же лето сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельдовы разоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойди, княже, с нами за данью; и ты добудешь, и мы». И послушал их Игорь, пошел в Древлянскую землю за данью. И прибавил к прежней дани [новую], и насилие творили мужи его. Взяв дань, пошел в город свой. Когда же шел обратно, поразмыслив, сказал дружине своей:

– Идите с данью домой,
 а я возвращусь, похожу еще.
 Отпустил дружину свою до-
 мой, с малой же дружиной
 возвратился, желая большего
 богатства.

Услыхали же древляне, что обратно идет, надумали с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Почто идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И, выйдя из града Искорostenя, убили древляне Игоря и дружину его, потому что было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искорostenя града в Древлянской земле и до сего дня».

Древляне больше других воевали с киевскими князьями. Было время, когда они главенствовали над полянами: «обижали» их, по выражению летописца. Олег, а затем Игорь подчинили их своей власти. Но во внутренних де-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

лах Древлянская земля была самостоятельна. Она управлялась своими князьями; с Киевом древляне находились в договорно-подчиненных отношениях (являлись «пактиотами росов», по терминологии Константина Багрянородного).

А потому древляне восприняли появление (или возвращение?) Игоря как нарушение обычая, договоренности, существовавшей между ними. Они готовы были выплатить дань, то есть предоставить обычный ежегодный «корм» князю и его людям – но именно как добровольное исполнение взятых на себя обязательств. И если поначалу они восприняли Игоря как «своего» князя, соединенного с ними узами взаимного договора, подтвержденного ритуальным «кормлением», то теперь, по исполнении этого ритуала, Игорь потерял статус «своего», превратился для древлян в «чужого», в «хищника», не защищенного никаким обычаем.

Сравнение Игоря с «волком», «хищником» – очень показательно. В столкновении Игоря с древлянами налицо столкновение двух начал в становлении Древнерусского государства, двух различных взглядов на суть княжеской власти вообще и ежегодное княжеское полюдье в частности. Древляне видели в последнем прежде всего исполнение ритуала. «Кормление» князя и его дружины было регламентировано обычаем и потому законно; при соблюдении установ-

ленных обычаем норм князь и пришедшая с ним дружина пребывали в полной безопасности. Игорь же подошел к тому же полюдью с иной стороны, увидел в нем средство обогащения, способ удовлетворить растущие запросы свои и дружины. Два этих подхода – традиционный, отживающий свое, и новый, условно говоря, «экономический» – оказались несовместимы, что и привело к трагической развязке.

Подробности расправы, учиненной древлянами, приводит византийский историк Лев Диакон, живший в конце X века. В шестой книге своей «Истории», рассказывая о войне между князем Святославом Игоревичем и императором Иоанном Цимис-

Гривны
дротовые.
XI–XIII века.
Псковский
государственный
музей-
заповедник

Подвеска
со знаком
Рюриковичей.
XI век.
Псковский
государственный
музей-
заповедник

хием в 969–970 годах, он вспомнил и о «жалкой судьбе» отца Святослава. Правда, место древлян как убийц Игоря в сочинении византийского историка заняли «германцы» – возможно, из-за некоторого созвучия названий двух народов в греческом языке. О «древлянах», одном из славянских племен, византийский историк вообще вряд ли что-нибудь слышал.

«...Не упоминаю я уж о его жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев (?), он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое».

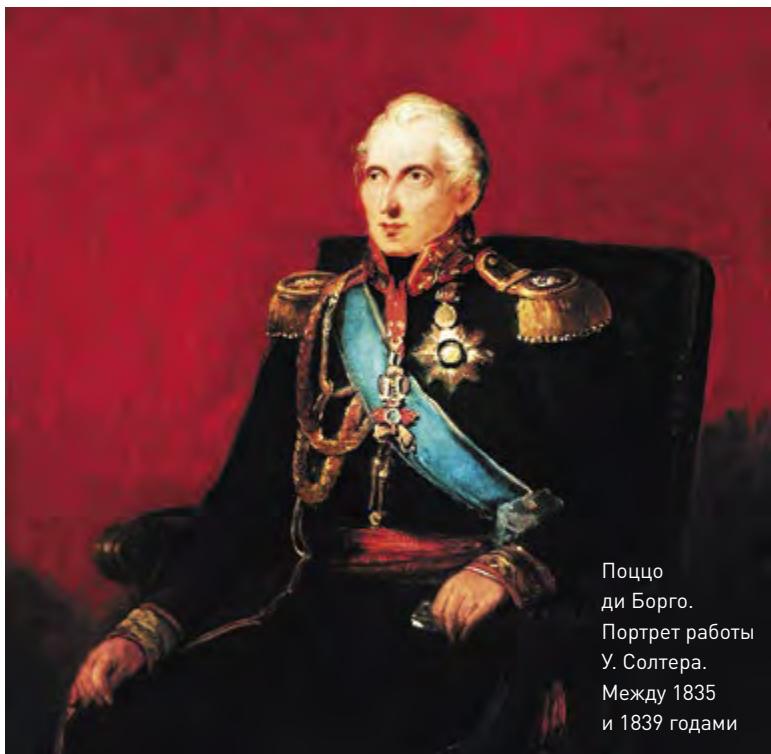
(Перевод М.М. Копыленко)

Во времена, о которых идет речь, подобная казнь воспринималась прежде всего как позорная, как казнь вора, расхитителя чужого добра. Арабский дипломат Ахмед Ибн Фадлан, описавший обычаи разных народов, встретившихся ему на пути в Волжскую Болгарию в 921–922 годах, сообщил о том, что именно так казнили воров и прелюбодеев, а прелюбодеяние у большинства народов считалось частной формой воровства. «Если относительно кого-либо они открывают какое-нибудь дело, – писал он о кочевниках-торках (гузах), – то они разрывают его на две половины, а именно: они сужают промежуток между ветвями двух деревьев, потом привязывают его к веткам ипускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их разрывается» (перевод А.П. Ковалевского). Очень похоже с ворами и прелюбодеями поступали и другие тогдашние соседи Руси – волжские болгары; знали подобную казнь и сами русы. Страшное в своей подробности описание арабского дипломата точно отражает то, что случилось с Игорем. Древляне поступили с ним так, как поступали с вором – «волком» и «хищником», по их собственному выражению. Так погиб Игорь, главный неудачник начальной русской истории. Киев остался без своего князя.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

КОРСИКАНСКАЯ ТЕНЬ НАПОЛЕОНА

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВОЙ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

КАК-ТО, БУДУЧИ НА КОРСИКЕ НА НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ГРАФУ ШАРЛЮ-АНДРЕ ПОЦЦО ДИ БОРГО, Я ОКАЗАЛАСЬ В ГОСТЯХ У ОДНОГО ИЗ СЕМЕЙСТВ ПОЦЦО ДИ БОРГО. В ДОМЕ, РАСПОЛОЖЕННОМ В ГОРАХ И ПОСТРОЕННОМ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ФУНДАМЕНТЕ ЗДАНИЯ, ГДЕ КОГДА-ТО ЖИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭТОГО ДРЕВНЕГО КОРСИКАНСКОГО РОДА, ПРЯМО НАПРОТИВ ВХОДНОЙ ДВЕРИ ВИСЕЛ ПОРТРЕТ ШАРЛЯ-АНДРЕ ПОЦЦО ДИ БОРГО КИСТИ ЗНАМЕНИТОГО АНГЛИЙСКОГО ЖИВОПИСЦА ДЖОРДЖА ДОУ. «О, У ВАС ТАКОЙ ЖЕ ПОРТРЕТ, КАК В ГАЛЕРЕЕ ГЕРОЕВ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ!» – ВОСКЛИКНУЛА Я. «НЕТ, ЭТО ТАМ ТАКОЙ ЖЕ, КАК У НАС», – ПАРИРОВАЛ ГЕРЦОГ РЕНЬЕ ПОЦЦО ДИ БОРГО. КАК ИЗВЕСТНО, ХУДОЖНИКИ НЕРЕДКО ПИСАЛИ НЕСКОЛЬКО ОДИНАКОВЫХ КАРТИН. КСТАТИ, ХОЗЯЙКА ЭТОГО ГОСТЕПРИИМНОГО ДОМА, БАРБАРА, ДОЧЬ ГРАФА ПОЦЦО ДИ БОРГО – ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА ГЕРЦОГА РЕНЬЕ И ПЛЕМЯННИЦА МАРИНЫ ВЛАДИ.

О

ДНАКО ВЕРНЕМСЯ В начало XIX столетия. «Бродячий дипломат»

Шарль-Андре Поццо ди Борго оказался на русской службе, понимая, что это лучшая ставка в его жесткой политической игре с Наполеоном. В январе 1805 года он приступил к своим новым обязанностям, продолжая при этом получать английскую пенсию. В течение нескольких месяцев его новый статус держался в тайне. В Петербурге он засел за подробное письменное изложение своих взглядов по основным вопросам внешней политики, представив императору Александру I две записки об отношениях между Францией и Россией, этюд о состоянии Швейцарии, а также замечания о делах Испании.

В дальнейшем Поццо ди Борго выполнял ряд дипломатических поручений в Европе, став в октябре 1805 года государственным советником, а в ноябре 1806-го получив чин полковника. В марте 1807 года ему была поручена англо-русская миссия: представлять Российскую империю на переговорах с Османской империей, что вызвало у многих русских недоумение. Адмирал Павел Чичагов, например, жаловался по этому поводу императору Александру I, однако царь ответил, что Поццо ди Борго «имел таланты, которые он уже неоднократно проявлял». Переговоры еще не завершились, когда пришло известие о встрече Александра I с Наполеоном в Тильзите и заключении мира между Россией и Францией. Дружбу с Бонапартом корсиканцу было вынести тяжело; он немедленно написал императору письмо, в котором отказывался от всех милостей, полученных от русского правительства, и просил позволения покинуть

РУССКИЕ В ПАРИЖЕ И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Хозяйка влиятельного парижского салона мадам Адель де Буань, знавшая Поццо ди Борго со времен его пребывания в Вене, в своих мемуарах приводит забавный эпизод, относящийся как раз к этому периоду. Однажды «двери гостиной распахнулись, и на пороге появился человек в форме русского генерала, который начал вальсировать вокруг стола, напевая: «О, мои друзья, мои дорогие друзья!» Первым делом мы подумали, что перед нами сумасшедший, но потом мой брат воскликнул: «Это же Поццо!» Это был действительно он. Но сообщение было таким затрудненным при императорском режиме, что, несмотря на близость между нами, мы даже не подозревали о том, что он был на русской службе».

2 апреля Поццо ди Борго был пожалован в генерал-адъютанты и аккредитован при французском дворе в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра императора Александра I. Возвращение к парижанам, обнародованное от имени союзников после занятия Парижа, было составлено Поццо ди Борго, император лишь внес в него поправки. Вместе с Александром I и графом Карлом Васильевичем Нессельроде, который 10 августа 1814 года был назначен статс-секретарем и управляющим Коллегией иностранных дел, они обсуждали условия мира с Францией с главой Временного правительства князем Шарлем-Морисом Талейраном. Внешне положение Поццо ди Борго было блестящим: наполеоновская империя пала, ее создатель был отправлен на остров Эльбу. Для Поццо, непримиримого противника Бонапарта, во Франции Бурбонов была открыта дорога к высшим государственным постам. Сам Талейран ходатайствовал за «истинного француза, хотя и уроженца Корсики». Однако Поццо ди Борго при первой возможности покидает Францию и направляется в Россию.

Встреча
Александра I
с Наполеоном
на Немане
у Тильзита
13 [25] июня
1807 года.
Гравюра
Ф.-Л. Күше
по оригиналу
Свебаха

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Россию до лучших времен. Обещая быть верным слугой России, он окончил письмо словами, которые в 1810 году были пророческими: «Настает день, когда все, связанные сердцем и судьбой с Россией, будут иметь случай разделять ее опасности, и я надеюсь участвовать в деле ее торжества под руководством Вашего Величества».

Поццо ди Борго обосновался в Великобритании, откуда присыпал частные донесения, записки и отчеты о своих разговорах с министрами. Только в конце 1812 года он смог вернуться в Санкт-Петербург, откуда направился в армию вслед за императором, приняв участие в Заграничных походах. Он оказался в Северной армии кронпринца Швеции Жана Бернадота, участвовал в ряде сражений, в том числе в знаменитой Битве народов под Лейпцигом, и за свои заслуги получил чин генерал-майора.

Представляя интересы России на Шатильонском конгрессе, ко-

торый проходил 5 февраля – 19 марта 1814 года, Поццо ди Борго позволил себе известную самостоятельность и, несмотря на колебания Александра I, решительно выступил за реставрацию во Франции династии Бурбонов. Он был убежден, что для стабильности Европы нужна сильная Франция. Более того, как писал сам Наполеон в своих мемуарах, именно Поццо ди Борго предложил Александру I направить войска союзников прямо на Париж. Именно Поццо ди Борго от имени всех союзных держав был послан в Великобританию к Людовику XVIII с предложением короны (с будущим королем Людовиком XVIII он познакомился еще в 1805 году в Митаве, где тот был в эмиграции. – Прим. авт.). Когда новые успехи коалиции привели короля в Париж, вместе с ним прибыл и его «советник-надзиратель», наделенный полномочиями генерального комиссара при французском правительстве.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Венский
конгресс
1814–1815 годов.
Гравюра

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Возвращение с Эльбы.
Иллюстрация из книги У.-М. Слоана «Жизнь Наполеона Бонапарта»

ется в Вену, где тогда вершились судьбы Европы. Осторожный и проницательный корсиканец слишком хорошо знал своего врага и не верил в его скорую политическую смерть. Проявив похвальное рвение, он тем не менее успел за время короткого пребывания в Вене изрядно испортить отношения с Александром I, протестуя против «излишнего либерализма» императора, постоянно напоминая ему о Наполеоне и требуя «убрать деспота на достаточное расстояние» от Европы. Кроме того, Поццо ди Борго осмелился не согласиться с царем по вопросу о политическом устройстве Польши. Александр I желал даровать царству Польскому либеральную конституцию и установить там режим широкой автономии. А Поццо ди Борго он поручил разработать Конституционную хартию для Польши. Однако вместо хартии Поццо представил государю «Записку», в которой не побоялся выступить против идей государя. Он просчитывал ситуацию на несколько ходов вперед и понимал, к чему может привести такое решение. Документ начинался так: «Государь! Ваше императорское величество поручило мне представить Вам мои рассуждения по вопросу, касающемуся судьбы будущего устройства Польши. Я счел своим долгом повергнуть к Вашим стопам плод моих раздумий, движимый... опасениями, которые мне внушает важность и сложность этого вопроса». Тогда даже говорили о неминуемой отставке советника, выражавшего свои взгляды с непривычной при дворе свободой.

Портрет дюка де Ришельё

Д. Дайтон. Битва при Ватерлоо, атака Второй кавалерийской бригады. Между 1815 и 1817 годами

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

СТО ДНЕЙ, ВАТЕРЛОО И ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

Ход событий подтвердил наихудшие опасения: Наполеон оказался на свободе, совершив свой знаменитый «Полет орла». После чего именно Поццо было поручено сопровождать Людовика XVIII в безопасный бельгийский Гент. А потом он добился полномочий представителя русского императора при англо-пруссском экспедиционном корпусе и отправился туда, где решалась судьба его противника и врага всей Европы – на поле Ватерлоо. Он участвовал в этой эпохальной битве (единственный из российских генералов!), отличился в ней и был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Затем, несмотря на легкое ранение, он устремился в Париж, чтобы ускорить вторую Реставрацию. Опять-таки, по словам самого Наполеона, именно

Шарль-Андре предложил отправить его на остров Святой Елены, расположенный в Атлантике, в 1,8 тысячи километров от ближайшего берега.

Утвердившись во главе российского посольства в Париже, Поццо ди Борго оказался в уникальном положении: наряду с выполнением своих формальных обязанностей он остался личным посредником между Людовиком XVIII и Александром I, не без основания претендующим на роль главного представителя союзной коалиции во Франции.

Сто дней дорого обошли Франции: на нее была возложена контрибуция, до уплаты которой на территории страны должны были находиться оккупационные войска. Поццо ди Борго выступил против превращения Франции во второстепенную державу. По его совету король Людовик XVIII обратился к Александрю I с письмом, в котором был готов отречься от престола, если ценой являлось национальное унижение. Текст заявления был написан Поццо ди Борго.

В результате Александр I согласился с тем, что условия Второго Парижского трактата должны быть смягчены, но настоял, что главой французского кабинета станет знаменитый дюк де Ришельё, многолетний генерал-губернатор Одессы и Новороссийского края. С герцогом Ришельё у Поццо ди Борго сложится настоящий дипломатический tandem.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«РАЗВЕ НАМИ ВСЕ ЕЩЕ УПРАВЛЯЕТ КОРСИКАНЕЦ?»

Первые годы Реставрации, когда Франция оживала на глазах, были пиком дипломатической карьеры Поццо ди Борго. 15 января 1816 года он стал графом и пэром Франции, а 5 марта 1817-го получил чин генерал-лейтенанта. Будучи «почти подданным» французского короля, он нередко вмешивался в вопросы внутреннего управления. Его влияние было столь велико, что один из чиновников в разговоре с Талейраном даже заметил: «Разве нами все еще управляет корсиканец?»

Этому важному положению во французском обществе никак не соответствовали бытовые условия, в которых жил российский посол в первое время. В Париже посольство России с 1815 года располагалось в особняке Телюссон, выкупленном в свое время Наполеоном (в 1828–1839 годах посольство находилось в районе Елисейских Полей, а потом переместилось на Вандомскую площадь. – Прим. авт.).

В частных письмах графу Нессельроде Поццо ди Борго постоянно сетовал на нехватку денег и дороговизну парижской жизни. Едва получив назначение, он жаловался: «Особняк будет еще необитаем в течение нескольких дней. Денег, может быть, хватит для покупки белья. Вы когда-нибудь покупали постельное белье в Париже? Если бы это письмо было перехвачено, подумали бы, что оно напоминает письмо министра или куртизана, выпрашивающего милостыню у скряги».

В другом письме он сообщал: «Предназначенное для меня помещение не просто неудобно; оно до такой степени неподходяще, что даже внешний вид его совсем не соответствует названию представительства». При этом Поццо ди Борго подчеркивал, что заботится не о себе лично, а о престиже страны. Письмо он закончил следующими словами: «Всем, кто меня знает, известно, что я не являюсь ни любителем пышности, ни рас-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫЙ

точителем и что мои наклонности не побуждают меня тратить время на пустяки. Если бы я не был убежден, что такое убогое существование вредит большому делу и что подобного рода исключение унижают человека, в отношении которого они делаются, я бы не обращал на это ни малейшего внимания, но именно с такой точки зрения, то есть с точки зрения интересов службы государя, я хочу, чтобы это дело рассмотрели...»

Его личное материальное положение с установлением власти Бурбонов значительно улучшилось. Людовик XVIII вернул ему конфискованную корсиканскую собственность и щедро отблагодарил за службу. Со временем Поццо ди Борго приумножил свое состояние, скупая земли. Основные усилия Поццо ди Борго были направлены на достижение русско-французского

Карл Осипович
Поццо ди Борго,
российский
посол во
Франции

сближения ради противодействия политике Австрии и Великобритании. Этому сближению, по мнению дипломата, должен был содействовать брак между герцогом Беррийским, сыном графа д'Артуа (братьем короля Людовика XVIII), и сестрой императора Александра Анной Павловной, к которой в свое время сватался и Наполеон. Однако, несмотря на старания дипломата, брак не состоялся. Эта неудача была для Поццо ди Борго очень чувствительной, а его чрезмерный оптимизм по отношению к Бурбонам вызвал в Санкт-Петербурге упреки в излишнем пристрастии. Поццо горячо протестовал: «В пятьдесят лет меня могут сделать несчастным, но никто не имеет права унижать меня».

В качестве российского посла Поццо ди Борго содействовал скорейшему возвращению Франции в «европейский концерт» держав и выводу с ее территории оккупационных войск. 17 июня 1818 года граф Нессельроде писал ему: «Я без колебаний разделяю ваше мнение, что без Франции система европейского союза будет монструозной».

В итоге поистине виртуозной деятельности герцога Ришельё, который смог разместить французские займы в крупные европейские, а потом и французские банки, контрибуция была выплачена. По решению Ахенского конгресса Священного союза оккупационные войска должны были покинуть территорию Франции. 11 октября 1818 года Поццо ди Борго сообщал Нессельроде: «Позавчера была подписана конвенция относительно вывода иностранных войск из французских крепостей и с территории Франции. Этот великий акт был целью моих усилий на протяжении трех лет». Карл Васильевич очень высоко оценивал деятельность своего коллеги. Он писал своей супруге графине Марии Дмитриевне: «Что касается меня, чистосердечно признаюсь тебе, что я не знаю никого, кто был бы лучше

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫЙ

Е.И. Ботман.
Портрет
графа Карла
Васильевича
Нессельроде.
Около 1870 года

него. Сегодня это единственный человек в Европе, в котором я признаю качества, позволяющие считать его настоящим государственным деятелем».

Несмотря на то, что именно Россия содействовала сохранению Франции как великой державы, о благодарности французы забыли быстро. Король Людовик XVIII начал откровенно ориентироваться на политический курс Великобритании. Восшествие в 1824 году на французский престол младшего брата Людовика XVIII, графа д'Артуа, ставшего королем Карлом X, только добавило разочарований: перспектива союза между Россией и Францией становилась все более призрачной...

В 1825 году в России скоропостижно скончался Александр I. Новый государь, Николай I, хоть и недолюбливавший Поццо ди Борго за излишнюю самостоятельность и независимость суждений, оставил его на дипломатическом посту: он понимал, что именно такой человек ему был необходим в Париже. В день коронации Николая I, 22 августа 1826 года, «за отличные и ревностные труды» Карл Осипович был возведен в графское достоинство. Девизом на его гербе стали слова *Virtute et Consilio* («Доблестью и советом»), очень точно отражавшие заслуги графа. 21 апреля 1829 года он был произведен в генералы от инфanterии.

Между тем заветная мечта Поццо ди Борго – достижение русско-французского сближения – так и не была реализована. Однако только в письмах близким он позволял давать волю чувствам. Он с грустью писал Нессельроде: «...я приближаюсь к концу своего пути, где всех нас встречает не надежда, а смерть. Как бы то ни было, весь остаток моей жизни и моих сил принадлежат императору, а прошлое – залог будущего».

Поццо ди Борго перенес свое внимание на вопросы европейской политики. Он видел, что Европа стояла перед угрозой невиданного социального взрыва.

И. Леконт.
Сражение
на улице Роан
28 июля 1830 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

25 июля 1830 года король Карл X издал ордонансы, нарушавшие Конституционную хартию. На следующий день они были опубликованы, а спустя еще день в Париже разразилась революция.

В письме графу Нессельроде от 13 (25) августа 1830 года Поццо ди Борго отмечал: «Карл X с помощью иезуитов в монашеской ярсе и светском обличии, а также своего рокового человека – князя Полиньяка (глава кабинета, проводивший ультрапротестантскую политику. – Прим. авт.) оправдал все мои предчувствия относительно своего скорого краха, и, к сожалению, – даже с лихвой. Вы любезно писали мне из Варшавы, что я слишком мрачно смотрю на дела Франции; события же со всей очевидностью доказали, что я был недостаточно пессимистичен».

Во многом благодаря мужеству Поццо ди Борго, на свой страх и риск оставшемуся в охваченном революцией Париже, дипломатические отношения между Россией и Францией были сохранены.

Более того, Николай I в эмоциональном порыве был готов организовать вооруженную интервенцию во Францию ради восстановления на престоле Карла X. Поццо ди Борго и граф Нессельроде заняли более осторожную позицию. Совершенно не симпатизируя политическому режиму, рожденному на баррикадах, но будучи rationalным политиком, Поццо ди Борго считал целесообразным действовать, исходя из принципа «меньшего зла»: признать новую власть и новую династию ради сохранения общеевропейской стабильности. Накануне провозглашения герцога Орлеанского королем французов российский дипломат имел с ним беседу, после которой написал Нессельроде: «Осторожность советует мне признать произошедшее во Франции... Необходимо воздерживаться от актов враждебности и жестокости, дав правительству шанс стать стабильным, эффективным и миролюбивым».

В итоге Николай I внял предостережениям своих сановников и скрепя сердце признал режим короля Луи-Филиппа. Хотя до конца своих дней Николай Павлович считал его узурпатором и никогда не называл «государь,

Карл X, король Франции в 1824–1830 годах.
Из династии Бурбонов,
младший брат Людовика XVI и Людовика XVIII

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

брат мой», как того требовал монарший этикет.

Положение Поццо ди Борго в Париже было весьма деликатным, ходили слухи, что Николай I собирался отправить его в отставку. И тогда за гордого корсиканца, если верить Талейрану, вступил вице-канцлер Нессельроде: он заявил, что в этом случае он тоже уйдет в отставку. Император уступил. Это очень показательный момент, позволяющий иначе взглянуть на графа Нессельроде, за которым в историографии закрепилось мнение как о человеке, «самоотверженно готовом стущеваться».

«ДОЛОЙ РУССКИХ! МЕСТЬ!»

Французская Июльская революция стала катализатором революционных потрясений в Европе. Не без ее влияния в Варшаве произошло восстание. Польская проблема еще больше обострила российско-французские отношения, учитывая традиционные симпатии французов к полякам. С начала сентября 1831 года первые полосы французских газет были посвящены событиям в Польше. Когда 16 сентября газеты сообщили о штурме Варшавы русскими войсками и поражении поляков, в Париже несколько дней шли антирусские манифестации, для усмирения которых потребовалось вмешательство войск. Взрыв антирусских настроений, театральные постановки антирусского содержания – все это стало на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

стоящей трагедией для Поццо ди Борго: на глазах рушились его надежды на русско-французское сближение, над чем он работал полтора десятка лет. Известие о взятии Варшавы оказалось на французское общество, по его словам, «огромный, неисчислимый... для врагов России и общественного порядка» эффект. У отеля, в котором располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша! Месть!»; камнями были выбиты стекла в окнах. Окружение Поццо ди Борго советовало ему покинуть

Ф. Жерар.
Портрет Шарля-
Андре Поццо ди
Борго. 1820-е
годы

Париж, но он остался, в очередной раз сохранив дипломатические отношения между Францией и Россией.

Шарль-Андре переживал эти события очень тяжело. В 1832 году, уже после подавления Польского восстания, в разговоре с российским дипломатом бароном Петром Мейендорфом он вспоминал о своих разногласиях с Александром I в 1814 году: «Я сейчас же объяснил императору, на какой лживый путь он становится, и дал ему понять, что это решение не только было бы ошибкой, но и преступлением относительно России. Как можно было возвеличивать страну, бывшую злейшим врагом России, ту Польшу, которая была бы вечным нарывом не только для внутренних русских дел, но и для ее внешних отношений? Враги России сосредоточили бы всю свою деятельность и все свои надежды на Польше; наконец, что зло, которое должно было совериться, стало бы непоправимым, что нельзя было нанести родине еще большего вреда, как при достижении этой цели».

«ФРАНЦИЯ СЕГОДНЯ УЖЕ НЕ ТА...»

Поццо ди Борго входил в ближайший круг короля Луи-Филиппа, был полноправным парижанином (несмотря на то, что российское посольство не могло соперничать в роскоши с посольствами Великобритании или Австрийской империи), и окружающие разделяли это мнение. Однако в Париже Луи-Филиппа он чувствовал себя некомфортно. При малейшей возможности граф стремился покинуть страну, которую еще недавно называл второй родиной, и с горечью отмечал: «Франция сегодня уже не та, что в 1815 году, когда она была благодарна Александру I, сохранившему ей территорию, сильные позиции и национальную честь». Уже в июле 1831 года он решил воспользоваться разрешением графа Нессельроде уехать на несколько недель в Англию, но

Г.-Б. Вундер.
Низложение
российских
 знамен
после битвы
около Вавра
в 1831 году

поездка не состоялась. В конце мая 1832 года он отправился в путешествие в Санкт-Петербург, оттуда – в Берлин, Вену и Мюнхен, вернувшись в Париж только в октябре. В начале 1833 года он уехал в Лондон, где пробыл два месяца.

В том же году он совершил весьма неоднозначный поступок: подарил 500 тысяч франков на нужды дома Бонапарта в Аяччо, оговорив, что наследники дома могут «использовать деньги по своему усмотрению». Господин Леви-Рамолино, тогдашний владелец родного дома Наполеона, отказался от подарка. Тогда Поццо ди Борго приобрел участок на горе, недалеко от Алаты, известный как «ла Пунта» (la Punta и означает – «вершина»). Уже после смерти Шарля-Андре граф Жеромом Поццо ди Борго (1832–1910) и его сын Шарль (1858–1902) решили построить на этом месте фамильный замок. В качестве материала использовался камень, оставшийся от сгоревшего в 1871 году во время Коммуны, а потом разрушенного окончательно дворца Тюильри.

ЛОНДОНСКАЯ ССЫЛКА

В конце декабря 1834-го вице-канцлер Нессельроде сообщил Поццо ди Борго о его переводе в Лондон. 5 января 1835 года он был назначен послом Российской империи в Великобритании.

Барону Простеру де Баранту, послу Франции в России в 1835–1841 годах, Николай I так объяснял причину своего решения: «Это человек старой дипломатии; у меня нет никакой нужды в его хитрости и проницательности; мы не можем услышать друг друга... Меня не устраивает его манера поведения». Зная, что император недолюбливал Поццо ди Борго, Барант попытался его защитить, отметив, что он, как никто другой, знал Францию. «Францию – да, Россию – совсем нет. Он пробыл в России всего-навсего четыре месяца, и это я заставил его приехать, дабы он хотя бы немножко познакомился со страной и со

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Фамильный замок семьи Поццо ди Борго. На стене висит мраморная табличка: «Жером, граф Поццо ди Борго, и его сын Шарль построили это здание из камней, оставшихся от дворца Тюильри, сгоревшего в Париже в 1871 году, с целью сохранить на их родине, Корсике, ценную память о Французской Нации. Год 1891»

мной; мне стало ясно, что мы никогда не поймем друг друга». Перед отъездом в Лондон Поццо ди Борго совершил путешествие по Италии, и там, в Риме и Милане, знаменитый художник Карл Брюллов писал его, наверное, самый известный портрет. Этую картину Поццо ди Борго заказал к своему 70-летию, на ней он запечатлен со всеми своими наградами: орденом Святого Андрея Первозванного, орденом Святого Георгия 4-й степени, орденом за 25 лет безупречной службы, медалью за взятие Парижа в 1814 году, орденом Святого Этьена, орденом Золотого руна и прусским орденом Черного орла. После смерти Поццо

ди Борго этот портрет перешел его племяннику и наследнику Шарлю, а Нессельроде выкупил его для архива Министерства иностранных дел. После революции 1917 года портрет оказался в Саратовском художественном музее им. А.Н. Радищева и по сей день является его украшением.

Поццо ди Борго воспринимал свой перевод в Лондон как немилость и своеобразную ссылку. Это стало концом дипломатической карьеры Шарля-Андре. Дела политики не увлекали, да и министерства, английское и российское, словно говорившиеся, игнорировали опального посланника. Тяготясь чопорным лондонским «обществом», он проводил время в узком кругу сотрудников, начал много играть. Одним из последних дипломатических документов, под которым Поццо ди Борго поставил свою подпись, был договор от 19 апреля 1839 года, окончательно урегулировавший территориальные и финансовые споры между Бельгией и Голландией.

Красивый, элегантный, нравившийся женщинам граф так и не создал семьи, ведь до 50 лет он вел жизнь скиталя. Он был очень привязан к жене своего племянника Шарля, Валентине де Крийон, дочери пэра Франции, герцога де Крийона. Путешествуя, он отовсюду привозил

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Шарль-Андре Поццо ди Борго в Англии («Великий ушедший дипломат»). Автор – художник Джон Дойл, дед сэра Артура Конан Дойла

ей дорогие подарки: самые красивые меха из Петербурга, изысканные украшения из Вены, ткани из Германии.

Его личные письма этих лет полны горечи и бесконечной усталости. Все больше он тосковал по Парижу – городу, напоминавшему ему об ушедших днях молодости и славы. Если в начале 1830-х годов он стремился уехать из Парижа в Лондон, то теперь часто уезжал в столицу Франции. Даже окружающие замечали, что в Париже ему было гораздо уютнее, там он себя лучше чувствовал.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

28 декабря 1839 года высочайшим рескриптом Поццо ди Борго был уволен с государственной службы. Он не вернулся на родную Корсику и не отправился в Россию. Последние годы он провел в Париже, в превосходном особняке на улице Университет (дом 49-51).

В 2010 году владелец особняка Филипп Поццо ди Борго (прототип главного героя фильма «Не-прикасаемые», в российском прокате – «1+1», в котором рассказывается о парализованном аристократе и его чернокожем помощнике. – Прим. авт.) продал этот дом правительству Габона. До того здание арендовал знаменитый кутюрье Карл Лагерфельд.

15 декабря 1840 года в Париже состоялось грандиозное событие, на котором присутствовала практически вся столица: воз-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вращение праха Наполеона Бонапарта с острова Святой Елены и его перезахоронение в соборе Дома инвалидов. Многие современники оставили свои воспоминания об этом дне. Но только не Поццо ди Борго. Видимо, он уже очень устал и перегорел. С 1838 года он разбирал свои бумаги, чувствуя, по его собственным словам, «приближение конца». Эти сундуки с документами по сию пору находятся у потомков.

После 1796 года он никогда не бывал на Корсице, но благодаря своим племянникам сохранил там определенное влияние. Он никогда не отказывал в помощи своим соотечественникам-кор-

сианцам и тратил собственные средства на общественные нужды Корсики. Например, на его деньги была восстановлена деревенская церковь, строились дороги, были опубликованы книги, посвященные истории Корсики, которые, к сожалению, до нас не дошли.

Старый и больной, с помутившимся рассудком, Поццо ди Борго умер 15 февраля 1842 года. Он был похоронен на кладбище Пер-Лашез. Как гласит надпись у основания монумента, срок договора на пребывание останков – на веки вечные, concession à perpetuelle. От Наполеона, покоящегося в соборе Дома инвалидов, его отделяет лишь Сена... Одна из уличек Аяччо носит сейчас имя Поццо ди Борго. А на ней есть быстро с названием «Бонапарт». Так история примирila двух честолюбивых и амбициозных корсианцев, которые просто не могли ужиться на маленьком острове. Может быть, в этом и заключается главная причина их борьбы? А для России и Франции имя корсианского аристократа, генерала, «дипломатического маршала» Европы, графа Шарля-Андре Поццо ди Борго стало символом дружбы и союза между нашими странами. Это было его заветным желанием.

Однажды сотрудники Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева любезно позволили мне сфотографировать тот самый портрет графа Поццо ди Борго кисти гениального Карла Брюллова. Думаю, Карлу Осиповичу понравилась бы фраза из музеиного путеводителя: «Сложно поверить, что на момент создания работы Поццо ди Борго было почти семьдесят лет». Единственное, что заставило бы его вспыхнуть, – это упоминание о нем как об «итальянском дипломате и политике». Нет же, нет: он был доблестным корсианцем и верным советником российских императоров. Virtute et Consilio – доблестью и советом... ☺

Филипп Поццо
ди Борго
и Абдель Селлу

САМЫЙ РУССКИЙ КИТАЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Портрет
Лу Синя.
Мемориальный
музей писателя
в городе
Шаосине

ко, а велел дать ему кусочек перца, крупинку сахара, щепотку горькой травы гуан, кристаллик соли и капельку уксуса. Старейшина семьи считал, что, только испробовав все это, маленький человек может по-настоящему оценить вкус материнского молока, а впоследствии и познать суть самой жизни, в которой много горького, много кислого, много острого, а не все только сладкое. Испытание должно было подготовить мальчика к зигзагам судьбы, но помимо прочего сформировало чуткость и впечатлительность. Это если верить легенде, конечно.

Мальчика назвали Чжоу Чжаншоу, потом он поменяет имя на Чжоу Шужэнь. Еще позже, взяв фамилию матери, станет Лу Синем. Чжоу – древний род по отцовской линии, идущий от простых хлеборобов, выбившихся в чиновники. Дед будущего писателя, Чжоу Фуцин, занимал должность в Ханьлиньской академии. Отец, Чжоу Бойи, которому на момент рождения мальчика было 20 лет, сдав первый экзамен, необходимый для продвижения по карьерной лестнице, готовился к госслужбе. Семья была образованной и начитанной. Даже мать маленького Чжоу, несмотря на то, что обучение грамоте девочек в китайской провинции тогда было не в чести, сама выучилась чтению. Она рассказывала сыну народные сказки, отец и дед приучали наследника к конфуцианской классике.

Невзгоды не заставили себя ждать. В 1893 году отца будущего литератора заподозрили во взяточничестве, а его деда – в пособничестве нечестному продвижению родственника. Старшего чуть не казнили, но пощадили, отправив в тюрьму. Младшему

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

РАНЬШЕ ЕГО НАЗЫВАЛИ КИТАЙСКИМ ГОРЬКИМ. ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЫЛ, ЗА ОБЛИЧЕНИЕ «СВИНЦОВЫХ МЕРЗОСТЕЙ» ЖИЗНИ. ТЕПЕРЬ ВСЕ ЧАЩЕ ЕГО СРАВНИВАЮТ С ЧЕХОВЫМ. ЗА ЛАКОНИЧНОСТЬ И ЯСНОСТЬ, ЗА НАПОМИНАНИЕ ВСЕМ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ НЕСЧАСТНЫЕ. НАСЛЕДУЕТ ЖЕ ОН И ТОМУ, И ДРУГОМУ. А ЕЩЕ ПУШКИНУ, ГОГОЛЮ, ДОСТОЕВСКОМУ. И ГОРАЗДО В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ, ЧЕМ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ДА ОН И НЕ ТРАДИЦИОНАЛИСТ, ОН ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, МИССИОНЕР, РЕФОРМАТОР. СЕГОДНЯ ЕГО ИМЯ НОСИТ ОДНА ИЗ САМЫХ ПРЕСТИЖНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ В КИТАЕ. И ДЛЯ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ ЛУ СИНЬ ДОРОГ СВОИМ ВНИМАНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ, СВОИМ НЕОБЫЧНЫМ ВЗГЛЯДОМ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

МАЛЬЧИК, КОТОРОМУ суждено было повлиять на развитие китайской литературы и стать в ней одним из самых мощных маяков, родился в сентябре 1881 года в уезде Куайцзи провинции Чжэцзян в семье

среднего чиновника и дочери мелкого помещика. Говорят, уже само появление на свет малыша было необычным. По воспоминаниям писателя Лоа Шэ, позже приятельствовавшего с Лу Сinem, сразу после рождения дед запретил давать младенцу моло-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Восстание ихетуаней. Союзная армия штурмует императорский дворец в Пекине. Литография

запретили занимать какие-либо должности в правительстве. Материальное положение семьи сильно ухудшилось, а ее единственный кормилец еще и сломался морально – стал пить, болеть. В конце концов у Чжоу Боя обнаружили туберкулез. Жизнь подростка превратилась в ежедневную беготню между аптеками и ломбардом. Но даже среди этих горьких забот будущий писатель не мог не увидеть ужасы подавления восстания ихетуаней – крестьян, городской бедноты и разорившихся ремесленников, не выдержавших экономической перестройки Китая. Беды семьи и происходящее в стране как-то слились для пылкого юноши воедино:

свою миссию он увидел в помощи обездоленным и в борьбе с невежеством. В 1904 году после смерти отца Чжоу Шужэнь отправился учиться в японскую Сэндайскую медицинскую академию, чтобы в будущем спасать таких, как отец. Если предыдущий опыт учебы на родине – то в Цзяннаньской военно-морской академии, то в Школе горного дела и железных дорог – был дано чаяниям матери и деда, то медицина стала первым серьезным поприщем, выбранным молодым человеком самостоятельно. Но в 1906 году студент неожиданно прекратил учебу. Причину этого поступка он объяснил гораздо позже – в предисловии к сборнику «Клич». Как-то

после лекции один из преподавателей показал студентам слайды с казнью предполагаемых китайских шпионов, пойманных во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. На одном из слайдов Чжоу увидел своего друга, приговоренного к смерти. Посмотреть на его казнь пришли и приятели Чжоу. Но не из сострадания, а только из любопытства – это шокировало будущего писателя. Он понял, что лечить нужно вовсе не телесные болезни соотечественников, врачевать нужно их души.

Лу Синь вернулся в Китай и устроился работать учителем сначала в одну школу, потом в другую. Одновременно молодой педагог искал ответы в литературе. Но не в китайской, которая создавалась для эстетического отдохновения и оправдания высшего класса, которая «восхваляла владык» и «отдала свободу во власть цепей и бичей». В ней молодой человек разочаровался. Он изучает мировое наследие. Особое место в его сердце занимает Россия.

В 1908 году выходит статья «Сила сатанинской поэзии». В ней Лу Синь полемизирует с реакционными китайскими критиками, использующими слова «сатанинская школа» в отношении английских поэтов-романтиков.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Китайский город.
Конец XIX века

И в своей работе начинающий писатель открывает соотечественникам не только настоящего Байрона, дискредитированного на Востоке, но и Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Последних он называет борцами духа, «не преклонными» и «не льстящими толпе», каких, к несчастью, еще нет на его родине. «Попробуйте найти в Китае борцов в сфере духовной! – с жаром пишет Лу Синь. – Кто сможет словами, полными тепла, помочь нам выйти из хладной пустыни? Страна пришла в запустение, а у нас нет Иеремии, который сложил бы последний гимн и рассказал бы о нас потомкам. Такие бойцы или еще не родились, или же были загублены сразу после рождения».

Лу Синь внимательно изучает творчество Толстого и Достоевского. Последний, к слову, вызывает в китайце двойственные чувства: восхищаясь тем, как глубоко постиг Федор Михайлович психологию человека, Лу Синь в то же время почти ненавидит русского писателя за то, что «он заставил человеческую душу страдать», за то, что, погружая своих героев «в чрезвычайно невыносимые условия», он «выпытывает у них и спрятанную под злодеяниями истинную чистоту души». Жадно читает Лу Синь Чехова, Гаршина, Андреева, Короленко, Арцыбашева. Ему важен нерв современности. Огромная северная страна, так же как и Китай, охвачена революционным духом, ищет новые пути. Он понимает: борьба за свободу не может быть успешной, если народ изолирован и невежествен. Революция вне культуры – это всего лишь бунт за кусок хлеба.

Революция случилась в Китае в 1911 году. И поначалу Лу Синь испытывает воодушевление. Объявление республики дает надежду, что каждый наконец почувствует ответственность за настоящее и будущее страны, что будут стремительно развиваться искусства и науки. И молодой публицист готов встать в авангард этого движения. Да и судь-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Лу Синь.
Начало XX века

ба ему благоволит: он занимает пост министра образования в Пекине, учреждает новые газеты, призванные служить пропагандированию масс. Однако уже скоро Лу Синя постигает новое разочарование. Он убеждается, что свержение монархии не принесло никому счастья. К свободе Китай оказался не готов, обыватель не смог, минуя естественные стадии развития, выбраться из тымы. И власть снова оказалась в руках реакционеров. Революция, как это часто бывает, обернулась репрессиями, а первый президент республики, Юань Шикай, приступил к реставрации империи.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Юань Шикай,
первый
президент
Китайской
республики

ЧЕЛОВЕК С МОЛОТОЧКОМ

О невежестве и равнодушии китайского обывателя Лу Синь рассуждает в первом же своем рассказе, «Былое», написанном в 1913 году. И можно представить себе, насколько мрак и безразличие поразили общество, если даже учитель, представитель якобы просвещенного слоя, слышит среди людей за умника лишь потому, что «мог бы отлично ужиться в любую эпоху, не понеся при этом ни малейшего ущерба» и вдалбливает в детские души добродетели конфуцианства, ничего сам в них не понимая. «С той поры, как Паньгу сотворил небо и землю, бесконечной чередой сменялись войны и кровавые походы, периоды порядка и смут, возвышения и упадка государств, тем не менее род Лысого не погиб в борьбе, защищая законную власть, и не был истреблен за то, что присоединился к мятежникам, – пишет Лу Синь о своем персонаже. – Он продолжает существовать по сей день – вот ведь и сейчас Лысый величественно восседает на «тигровой шкуре» и втолковывает нам, сорванцам, что Конфуций в семьдесят лет научился следовать стремлениям сердца, не преступая при этом установлений». В 1915 году Юань Шикай провозгласил себя новым императором. Все просветительские программы были свернуты. А ведомству, которое возглавлял Лу Синь, поручили заниматься прежними делами: цензурой и проведением благонамеренных и безопасных ритуалов в честь Конфуция. Для Лу Синя, высмеивавшего чинопочитание и бездумное поклонение старине, это стало крушением всех надежд. Он впал в уныние. И даже когда товарищ писателя, Цянь Сюаньтун, предложил ему писать для радикального литературного журнала *New Youth*, Лу Синь ответил, что он едва ли может быть хоть чем-то полезным. Он объяснил свой отказ довольно мрачно: «Представьте себе железный дом без окон, абсолютно неразрушимый, со

множеством людей, крепко спящих внутри, которые скоро умрут от удушья. Но вы знаете, поскольку они умрут во сне, они не почувствуют боли смерти. Теперь, если вы громко кричите, чтобы разбудить нескольких из тех, кто спит чутко, заставляя этих несчастных страдать от агонии безвозвратной смерти, вы думаете, что делаете им добро?» Погруженного в отчаяние писателя всколыхнула в октябре 1917-го новая русская революция. В сознание закралась мысль: если получилось в соседней стране, то, значит, освобождение и культурное обновление возможны и в Китае. При этом Лу Синь отказывается просто сидеть и ждать перемен, он решает делать их своими руками – как минимум в искусстве. В мае 1918-го он публикует рассказ «Записки сумасшедшего», который взорвал общество. И дело не только в том, что в этом тексте китайский писатель обозначил странную преемственность от классика русской литературы – хотя это, разумеется, тоже было важно. Дело в том, что Лу Синь написал рассказ не на книжном языке вэньянь, на котором предписывалось создавать художественные сочинения, а почти полностью на повседневном, разговорном – байхуа. Такой жест, несомненно, означал обращение к простому китайцу, к человеку, обычно больше всех страдающему от политических бурь и не понимающему природы своих несчастий.

А главным вызовом для консервативного общества стало, конечно, содержание рассказа. Герой – впавший в безумие чиновник – охвачен идеей, что Китай погряз в каннибализме. Он считает, что люди едят людей, и не только из корысти – антропофагия в стране возведена в добродетель, и на это указывают древние китайские предания. Сначала несчастный читает книги и видит, что в одном ряду со словами «гуманность», «справедливость», «мораль» идет слово «людоедство». Потом вспоминает, как его учил в детстве

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

старший брат: «если отец и мать заболеют, сын должен вырезать у себя кусок мяса, сварить и предложить родителям съесть: только в этом случае его можно назвать хорошим сыном». И читатель, естественно, прекрасно понял, что это никакой не бред сумасшедшего, а настоящая позиция автора, который, используя каннибализм как метафору, обличает косность, иерархичность, безразличие китайского общества, вверяющего себя традициям, которые давно никто не понимает. «Ведь так повелось испокон веков», – убеж-

Лу Синь.
Сборник
«Записки
сумасшедшего»

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

дает безумного случайный прохожий. «Раз повелось испокон веков, значит, правильно?» – спрашивает читателя устами героя автор.

Тему людоедства Лу Синь продолжает и дальше. В рассказе «Снадобье», например, обреченный на смерть больной пытается спастись, прибегая к самым диким способам. Последняя попытка – лечение хлебом, пропитанным кровью казненного. И это снова метафора. Так и китайское общество не размышляет ни о цене человеческой жизни, ни тем более о цене человеческого достоинства. Надо ли говорить, что больной умирает, а казненный оказывается невиновным?

С 1919 по 1925 год рассказы и повести выходят буквально друг за другом, в том числе знаменитая повесть «Подлинная история А-Кью». Произведения оформляются в первый сборник, «Клик», и все они написаны на байхуа. Лу Синь становится одним из основателей «Движения за новую литературу», а новая литература невозможна без нового языка. И новой аудитории. Он пишет для малограмотных бедных китайцев о них самих. Его героями становятся слабые, нищие, больные, пьяницы, изгои – люди в беде, в одиночестве, в горе, во тьме, люди, высмеиваемые или презираемые своими соседями, родными, чиновниками. И везде Лу Синь выступает в роли чеховского человека с молоточком, напоминая соотечественникам, что «есть несчастные», что каждому «жизнь рано или поздно покажет свои когти, стряслся беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит». Писатель словно подносит своему народу зеркало – отражение страшно, от него хочется скорей отвернуться. Ведь идеи даже самых просвещенных и гуманистически настроенных представителей этого общества не простираются дальше понимания, что рицзу бить нехорошо, но никто не допускает мысли, что никаких рицши не должно быть вовсе.

ПЛАКАТ-ПОРТРЕТ
ЛУ СИНЯ

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ЗРИМЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ

Русского читателя в творчестве Лу Синя не может не заинтересовать короткая новелла «Утиная комедия». Она повествует о дружбе китайского писателя с поэтом Василием Ерошенко. Поразительно, но о слепом поэте Ерошенко на родине знают немногие, несмотря на его многочисленные таланты. В 1912 году, изучив язык эсперанто, он отправился в Великобританию, через два года в Японию, в 1916–1919-м жил в Сиаме, Бирме, Индии, в 1921–1923 годах работал в Китае, преподавал в Пекинском университете эсперанто, в свободное время писал стихи, сказки, философские эссе. На этот период и приходится его дружба с Лу Синем.

Лу Синя и Ерошенко сблизила не только любовь к литературе, но и политические взгляды, философия и некоторые странно рифмующиеся события их биографий. Когда-то Лу Синь покинул Японию, многое от нее взяв, но все же помня, что это страна многим и угрожает его родине. Ерошенко из Страны восходящего солнца попросту выдворили за симпатии к большевизму. Еще русский и китайский писатели говорили о Гражданской войне в России, о грядущем окончательном освобождении Китая, рассуждали об истории, буддизме, музике и, разумеется, о книгах.

Лу Синь перевел для китайского читателя несколько сказок Василия Ерошенко и его пьесу «Персиковое облако». Тот в благодарность посвятил китайскому другу четверостишие:

*Высоку радугу мост,
он играет, маня.*

*Слышиу голос зовет –
это ты, это ты!*

*Я иду по мосту
в край чудесной мечты,
И ты смотриши мнѣ вслѣд,
ободряя мнѣ.*

По признанию Лу Синя, Ерошенко был человеком редкой доброты. Да это видно и из «Утиной комедии», в которой русский поэт, выведенный

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В.Я. Ерошенко с эсперантистами Пекинского университета. На фото также запечатлены Лу Синь и его младший брат, Чжоу Цзожэнь

в качестве персонажа, возится с лягушками, утятами, играет с китайскими детьми.

В 1923 году Ерошенко уехал в Германию, а через год вернулся в Советскую Россию. Однако тут к нему относились настороженно, несмотря ни на его горячую поддержку революции,

В.Я. Ерошенко.
Портрет работы
художника
Р. Рейнольда

ни на его крестьянское происхождение. Слишком уж многое его помотало по миру, слишком многое он видел, со многими общался – мало ли что поэт из этого общения вынес. Впрочем, и не притесняли особо. Живя в СССР, Ерошенко ездил на Чукотку, в Туркмению, в Узбекистан, преподавал в Московской школе для слепых детей, что-то писал. Увы, архив не сохранился – некому было похлопотать. И, по сути, поже именно благодаря переводам и дневниковым записям Лу Синя память о русском поэте и путешественнике вернулась на родину.

Конечно, Лу Синь контактировал и с другими гражданами СССР: в Пекинском университете он сотрудничал с китаведами Алексеем Ивиным, Борисом Васильевым, писателем Сергеем Третьяковым, но ни с кем из них не имел таких дружеских отношений, как с Ерошенко. В Россию Лу Синь не ездил, хотя, когда такая возможность выпадала его товарищам, он всегда обращался к ним с просьбой привезти что-нибудь из этих командировок. Например, переводчик, эссеист и педагог Цао Цзинхуа помог Лу Синю собрать отличную коллекцию советских гравюр и плакатов.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

БОРЬБА, ПОРАЖЕНИЕ И МОЛЧАНИЕ

В марте 1926 года в Пекине прошла студенческая демонстрация против сотрудничества военачальника Фэн Юйсяна с японцами. Протест был жестоко подавлен, в ходе столкновения митингующих с властями погибли две студентки Лу Синя. Публичная поддержка писателем протестующих чуть не обернулась для него тюрьмой. Писатель был вынужден бежать из Пекина. Какое-то время он почти нигде не задерживался: сначала переехал в Сямынь, потом в Гуанчжоу, наконец, в 1927 году оказался в Шанхае. Здесь он выступает в поддержку студентов, осужденных за участие в столкновениях с военными. Инцидентов таких становилось все больше, и они переходили в настоящую резню – Китай охватила Гражданская война.

От литературы в этот период Лу Синь отказался совсем. Чувство безысходности, тоски, горечи погрузило его в молчание. Казалось, что вышедший в 1927 году сборник стихотворений в прозе «Дикие травы» станет последним в творческой биографии писателя. Отказался Лу Синь и от постоянной преподавательской работы. Для поддержания жизни и обеспечения семьи (в 1929 году Лу Синь впервые стал отцом) он читал лекции в нескольких кампусах и писал эссе в различные газеты.

В 1930 году Лу Синь стал соучредителем «Лиги левых писателей». Союз этот, впрочем, из-за неблагоприятной политической обстановки задыхался в спорах и дрязгах, все друг друга подо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

зревали в контрреволюционных настроениях, в доносительстве. И все одинаково страдали от цензуры и репрессий. В 1931 году консервативная партия Гоминьдан осудила и приговорила к смертной казни 24 шанхайских писателя. Работать в такой атмосфере было невозможно. Но Лу Синь пытался все же этому что-то противопоставить.

В 1933 году он дает интервью американскому журналисту Элгару Сноу. Тот спрашивает писателя про персонажа его самой известной повести – А-Кью, пьяницу, бродягу и безумца, утешающего себя «духовными победами над врагами». Американцу любопытно, изжит ли этот образ в народе Китая. Лу Синь, горько усмехнувшись, ответил, что теперь такие герои управляют его

Лу Синь и Цюо Цюбо, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая. Рисунок художника Сюй Бэйхуна

Лу Синь с женой и сыном Хайнем. Шанхай. 1933 год

страной. К 52 годам китайский писатель и пламенный борец за свободу познал ужасную истину: порой бывают такие исторические тупики, что революция неизбежна, но она приносит еще большие разрушения и еще глубже погружает народ и власть во тьму. Впрочем, ведь догадывался он об этом и прежде, когда в раннем «Рассказе о волосах» устами оппонента героя-революционера цитировал русского писателя: «Я спрошу вас сейчас словами Арцыбашева: «Что вы дадите «этим» людям взамен того золотого будущего, которое обещают их потомкам?» <...> Пока творец вселенной своим кнутом не подстегнет Китай, Китай будет все таким же и не изменится ни на волос! Ведь у вас нет ядовитых зубов, зачем же вешать на себя табличку с надписью: «Гадюка? Чтобы на вас натравливали нищих? Чтобы вас убивали?» Как жить в раздирам такими противоречиями обществе? Пытаться работать. В последние годы жизни Лу Синь готовит сборник «Старые легенды в новой редакции», переводит «Мертвые души» Гоголя, устраивает выставку советских гравюр и плакатов. В 1936 году к Лу Синю обращается Нобелевский комитет с просьбой подать заявку на премию. Однако писатель уже не в силах этим заняться: из-за стремительно развивающегося туберкулеза он чувствует себя все хуже и хуже. Жизнь Лу Синя оборвалась в октябре того же года... 🇨🇳

Памятная медаль, выпущенная в Китае

ПАСХАЛЬНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

КАКИЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОССИИ СНИСКАЛИ В МИРЕ СЛАВУ БОЛЬШУЮ, ЧЕМ ЗНАМЕНИТЫЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА ФАБЕРЖЕ? ИЗЫСКАННЫЕ ДРАГОЦЕННЫЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ДВУХ ИМПЕРАТРИЦ С ПРИЧУДЛИВЫМИ СЮРПРИЗАМИ ВНУТРИ БЫЛИ НЕ ПРОСТО ШДЕДЕВРАМИ ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА, ОНИ ОТРАЖАЛИ СЧАСТЛИВЕЙШИЕ МОМЕНТЫ ЖИЗНИ ПОСЛЕДНИХ РОМАНОВЫХ. ДАЖЕ НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ИЗ НИХ СОЗДАЛ НЕ КАКОЙ-НИБУДЬ ИНОСТРАННЫЙ ЮВЕЛИР-ПИЖОН, А ПРОСТОЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН ИЗ КАРЕЛЬСКОЙ ГЛУБИНКИ!

В ПЛОТЬ ДО НАЧАЛА XX века в фирме Карла Фаберже Михаил Евлампиевич Перхин был удивительным сотрудником: среди интернациональ-

ной компании владельцев мастерских он был, пожалуй, единственным православным и русским по происхождению ювелиром. И при этом самым востребованным: за пятнадцать

лет работы мастерская Перхина создала порядка 20 тысяч ювелирных изделий. А сам он лично изготовил больше знаменитых пасхальных яиц Фаберже, чем какой-либо другой мастер.

Михаил
Перхин
в своей
мастерской.
Автор –
художник
А. Перевышко

ЛЕВША ИЗ КАРЕЛИИ

22 мая 1860 года, в праздник Святой Троицы, в зажиточной крестьянской семье в карельской деревне Окуловская (ныне входит в село Ялгуба) родился мальчик Михаил. Его родители – Евлампий Арсеньевич и Анна Трефиловна – никогда не были крепостными: их семья относились к числу обельных крестьян, царским указом освобожденных от уплаты податей и имевших землю в собственности. В старинной Ялгубе первой такой чести удостоилась семья Меркульевых, получившая в 1601 году обельную грамоту от Бориса Годунова – якобы за чудесное исцеление больной ноги царя.

Бабушка Перхина по матери была карелкой. Быть может, от нее маленький Михайло в детстве слышал местные предания о мастере, который выковал золотую птицу, или о семье, в которой родился сын с золотыми по локоть руками.

В январе 1877 года Евлампий Арсеньевич умер от горячки, и на плечи 16-летнего Михаила ложится забота о матери, сестре и младшем брате. Как и многие жители Олонецкой губернии, в которой с 1870-х годов наблюдалась гигантская волна «отходничества», юноша решает отправиться на заработки в столицу.

Неизвестно, получил ли Перхин в родном селе хоть какое-нибудь образование. В 1889 году научный секретарь Мемориального фонда Фаберже и один из ведущих историков фирмы, Валентин Васильевич Скурлов, обнаружил в архивах Академии наук записки главного мастера и художника-композитора Фаберже, швейцарца Франца Бирбаума, в которых тот вспоминал, что Перхин был самоучкой и в Петербург приехал неграмотным. И все же Бирбаум не мог наблюдать весь путь знаменитого ювелира,

Карл Фаберже и его сыновья.
Автор – художник
В. Брикулец

Татьяна
Владимировна
Перхина

лира, поскольку пришел в фирму позже него – в 1893 году. Тут можно только заметить, что Николай, родной брат Перхина, при призывае в армию в 1886 году был записан как неграмотный. Кстати, сам Михаил тоже должен был служить: его призвали в 1881 году, но как единственный трудоспособный член семьи он получил льготу первого разряда. Свидетельство об этом было выдано Анне Трефиловне – сын к тому моменту в родном селе уже не жил.

Оказавшись в Петербурге, молодой Перхин предположительно поступает учеником к Владимиру Финикову – ведущему ювелиру прославленной фирмы «Болин». На протяжении десятилетий великолепные изделия этой марки поставлялись Высочайшему двору, в их числе, например, были знаменитые диадемы и парюры российских императриц и великих князей. На то, что именно этот ювелир был учителем Перхина, намекает жених Михаила в 1884 году на 17-летней дочери Финикова Татьяне. Ученики, как правило, жили в доме мастеров и были близко знакомы с их семьями. Брак оказался счастливым: у пары родились пятеро детей – четыре девочки и мальчик, Михаил Михайлович.

В январе 1884-го Перхин записывается подмастерьем Петербургской ремесленной управы по золотых дел ремеслу. В том же году он получает звание мастера золотых дел: оно присваивалось не ранее 21 года при успешной сдаче экзамена с выполнением определенной работы, при этом соискатель должен был иметь отдельное домохозяйство и хотя бы одного подмастерья. Учеником Перхина и главным его помощником на все последующие годы стал шведский финн, сын рыбака Генрик Вигстрём. Они оба попали в Петербург примерно в одно время, дружили семьями и даже в некотором смысле «поподнились»: чета Перхиних стала крестными родителями для сына и дочери Вигстрёма.

НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ

По мнению историка Уллы Тилландер, в 1886-м Перхин оказывается в фирме Карла Густавовича Фаберже, причем с этого же года пишется ее ведущим ювелиром. На этом посту он сменил Эрика Коллина – золотых дел мастера, прославившегося изготовлением копий скифских ювелирных изделий IV века до н.э., обнаруженных при раскопках близ Керчи в XIX веке. Кстати, существует версия, что и Коллин мог быть учителем Перхина.

Благодаря протекции Карла Фаберже в 1888 году Перхин получает от санкт-петербургского градоначальника разрешение на открытие собственной мастерской, которая разместилась в квартире по адресу Большая Морская улица, 11. В том же здании первоначально находился и магазин фирмы Фаберже. Еще с середины XVIII века Большая Морская славилась как улица ювелиров и неофициально звалась «Бриллиантовой». К середине XIX столетия около четверти всех столичных бриллиантщиков и золотых дел мастеров проживали здесь. За место на престижной улице, выходящей через арку Главного штаба прямиком к Зимнему дворцу, сражались не на шутку. Карл Фаберже пользовался особой благосклонностью императорской семьи. В 1885 году он получил звание Поставщика Высочайшего двора с правом изображения государственного герба на вывеске, а в 1890-м – оценщика Кабинета Его Императорского Величества, благодаря чему герб можно было изображать еще и на витринах и логотипе. Фирму Карл Густавович унаследовал от отца. И хотя был прекрасно обучен ювелирному мастерству, решил отойти от непосредственного изготовления изделий. В фирме он взял на себя роль, как сейчас говорят, эффективного менеджера: следил за веяниями ювелирной моды, собрал огромную библиотеку по художественным стилям и искусству, коллекционировал восковые и ме-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Сюрприз от утерянного пасхального яйца 1889 года с миниатюрами императорской четы и их первой дочери, Ольги

таллические модели наиболее удачных образцов, контролировал производственный процесс и мог без сожаления отправить на переплавку готовые изделия, не проданные за год.

Но главное – Фаберже собирал вокруг себя искусственных мастеров и художников и был способен разглядеть талант даже в начинающих ремесленниках. Его фирму называли «культурной губкой», которая впитывала искусство разных времен и народов, но при этом создавала свой узнаваемый стиль. Каждый ведущий

мастер вносил в дело свою лепту и вдохновлялся любимыми направлениями: Перхин, к примеру, был гением стиля рококо и барокко, нередко использовал в работах и элементы русского стиля. Кроме того, он внес значительный вклад в технологию многоцветного золота и эмали гильоше, чем пользовались затем и другие мастера. Так, когда Карл Фаберже отправил своего сына Александра в 1906 году во Францию на обучение к эмальеру Луи Гуйону, тот очень удивился и сказал, что это они должны учиться мастерству у русских, а не наоборот.

Владельцы мастерских Фаберже сами нанимали и обучали персонал, Карл Густавович давал полную свободу в ведении хозяйства, предоставлял эскизы работ к исполнению и снабжал драгоценными камнями и металлами. Перхин, по воспоминаниям современников, в своей мастерской каждую специальность и каждую операцию знал идеально: чеканку, гравировку, шлифовку, покрытие эмалью, закрепку камней и монтаж деталей, умел он резать и фигурки из камня. Главный мастер и художник фирмы Фаберже Франц Бирбаум с большой теплотой отзывался о Перхине в своих записках, отмечая его огромный авторитет среди мастеров, профessionализм и невероятную работоспособность.

Агатовое яйцо
«Ренессанс»

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Театральный
бинокль,
украшенный
бриллиантами

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

С КЛЕЙМОМ ВЕДУЩЕГО ЮВЕЛИРА

Поток императорских и частных заказов был неиссякаем, самые ответственные и технически сложные изделия отдавались в мастерскую Михаила Перхина. При этом за выполнение наиболее важных вещей, к примеру богато оформленных кабинетских подарков, нередко он брался лично. Его мастерская выполняла лучшие золотые и разнообразные фантазийные вещи, шкатулки, табакерки, портсигары, часы, механические игрушки и многое другое. Численность работников Перхина составляла около 25 процентов от всего петербургского отделения Фаберже, но создавалась в его мастерской добрая половина всех изделий фирмы.

Всего за пятнадцать лет в мастерской было выполнено порядка 20 тысяч изделий. На антикварном рынке и сейчас нередко можно встретить вещи с клеймом Перхина – «М.П.»: такие предметы в силу своей утилитарности имели больше шансов сохраниться. Так, мастерские двух Августов, Хольмстрёма и Хольминга, специализировались преимущественно на украшениях с бриллиантами и цветными камнями, так что сохранить их было сложнее: после революции они безжалостно разламывались, ме-

талл плавили в слитки, а драгоценные камни использовали повторно или продавали.

В 1889 году Перхин создает самую дорогую табакерку в истории Российского императорского дома: украшенная бриллиантами и портретом Александра III, она предназначалась в подарок немецкому канцлеру Отто фон Бисмарку. Фаберже получил за нее свыше 12 тысяч рублей.

Клеймо Перхина стоит и на самом дорогом изделии Фаберже (если не считать драгоценные пасхальные яйца) – великолепных часах 1891 года выпуска, созданных к серебряной свадьбе императорской четы. Украшенные портретами 5 августейших детей и 25 ангелами часы стали подарком от 32 представителей династии Романовых – за эту работу они заплатили Фаберже 18,5 тысячи рублей. Эти часы и «Ротшильдовское» яйцо (также работы Перхина) были переданы в дар Эрмитажу президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным.

В 1892 году Михаил Перхин становится купцом второй гильдии. В 1894-м участвует в выполнении серии срочных работ к двум свадьбам – цесаревича Николая и великой княжны Ксении. И в следующем году получает звание личного почетного гражданина.

Клеймо
Михаила
Перхина
с 1895 года

Яйцо «Воскресение Христово» – возможно, считающийся утраченным сюрприз яйца «Ренессанс»

Перхин горел своим делом, трудился даже по ночам. За годы работы у Карла Фаберже он скопотил целое состояние, которое позволило ему комфортно содержать семью, отправлять деньги матери, купить собственный дом в Царском Селе, а также заниматься благотворительностью. Церкви Святителя Николая в Ялгубе в 1899 году он пожертвовал драгоценную богослужебную утварь на 200 рублей, а в 1900-м подарил икону Спаса Нерукотворного с искусно оформленными окладом и киотом. С 1896 года Перхин был попечителем земского училища в родном селе. Тем временем фирме Фаберже становилось тесно в старых помещениях, и Карлу Густавовичу в 1898 году посчастливилось купить участок на той же улице и построить четырехэтажный особняк. Когда в 1901-м фирма переехала в здание на Большой Морской, 24, мастерская Перхина заняла в доме третий этаж. К началу века у Перхина трудилось уже более 50 человек.

На Всемирной выставке в Париже в 1900 году, когда в первый и единственный до революции раз императорские пасхальные подарки были вывезены за границу, Перхина наградили золотой медалью. Знаменитые яйца Фаберже стали венцом творчества карельского ювелира.

НЕ ПРОСТОЕ, А ЗОЛОТОЕ

Исследователи, в том числе и авторитетнейший Валентин Скурлов, полагают, что Михаил Перхин создал по заказу Карла Фаберже 28 императорских пасхальных яиц из пятидесяти. Таким образом, каждый год с 1885-го, когда Марии Федоровне было преподнесено первое яйцо с сюрпризом, он должен был изготавливать по одному драгоценному подарку, а с воцарением Николая II по два – еще и для Александры Федоровны.

Авторство нескольких ранних яиц вызывает сомнение: подарок 1887 года, например, находится в чьей-то частной коллекции, и проверить его клеймо проблематично, а яйцо с амурами 1888 года утеряно. Но даже с учетом этого Перхин остается ювелиром, создавшим рекордное количество драгоценных яиц Фаберже.

Самое первое яйцо, знаменитую «Курочку» с утерянным сюрпризом в виде короны и рубиновой подвески, также не редко причисляют к его работам, хотя клейма на ней нет и сделана она была до зарегистрированного года прихода Перхина в фирму. Специалист же по финским мастерам фирмы Улла Тилландер считает ее работой Коллина. К сожалению, сейчас «Курочка» снова находится не в России. Несколько лет назад это императорское пасхальное яйцо предоставили для экспозиции в Музей Виктории и Альберта, однако по ее окончании в 2022 году «Курочку» из Лондона в Россию не вернули. По официальной версии – из-за санкций, наложенных на Виктора Вексельberга, владельца этого и еще восьми пасхальных яиц фирмы из собрания петербургского Музея Фаберже (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2020 год, статья «Магия Фаберже»). Увы, с тех пор «Курочка» находится в заложниках в Европе...

Заказывая этот подарок, император Александр III хотел порадовать любимую супругу, на-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Корзинка с ландышами. Похожая была и в коллекции Александры Федоровны

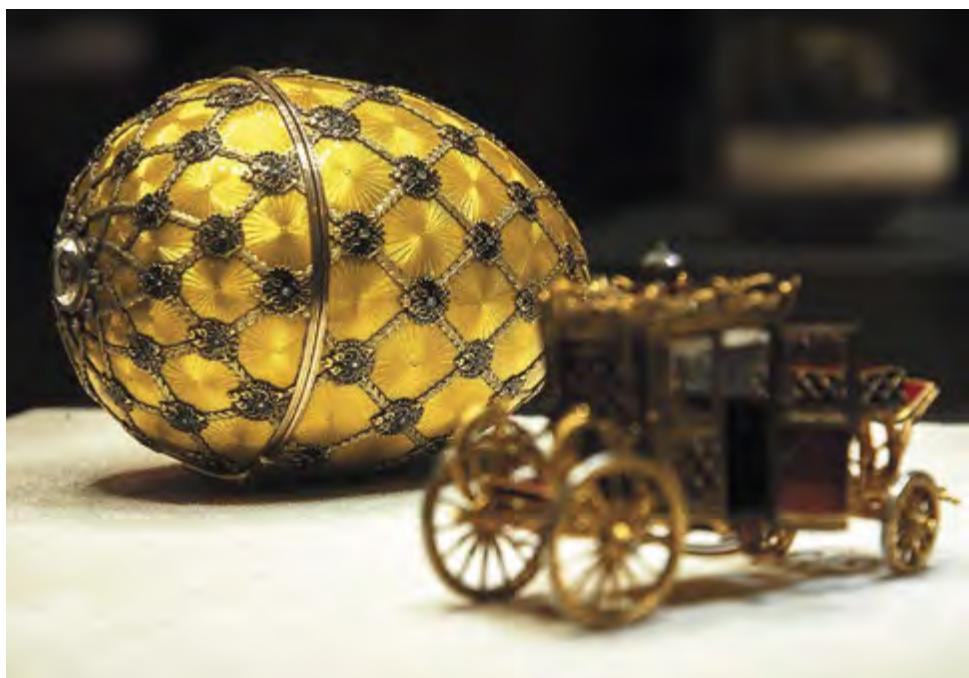
Знаменитое «Коронационное» яйцо

помнить ей о родной Дании и традиции ее семьи дарить драгоценные яйца на Пасху. В коллекции Марии Федоровны уже было яйцо начала XVIII века с цыпленком внутри, его-то и постарался воспроизвести Фаберже. Сюрприз удался: императрица пришла в такой восторг, что Карл Густавович был обеспечен заказами на пасхальные подарки для нее на все последующие годы. А в первом яйце, заказанном Никола-

ем Александровичем для его молодой жены, «Бутоне розы» 1895 года, также есть отсылка к родине Александры Федоровны – Дармштадту, который славился своими цветущими садами и парками.

Одним из лучших шедевров Перхина, демонстрирующим его мастерское владение техникой гильошированной эмали, стало «Коронационное» яйцо, изготовленное для Александры Федоровны в 1897 году. Цвета эмали, расходящейся в виде солнечных лучей, подобраны в соответствии с коронационным нарядом Николая II, поверх нее – решетка из лавровых лент с двуглавыми орлами. В качестве сюрприза внутри скрывается крошечная карета Екатерины II. К сожалению, это яйцо осталось напоминанием о коронации последнего российского императора, омраченной чередой несчастливых предзнаменований и трагедий на Ходынском поле.

Среди других известных изделий Перхина, в которых отразились значимые для императриц события, были такие пасхальные яйца, как «Памяти Азова» с миниатюрным кораблем, на котором цесаревич Николай совершил путешествие на Восток, «Транссибир-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ский экспресс» с моделью поезда, «Гатчина» с любимым дворцом Марии Федоровны, «Пеликан» с перечнем благотворительных дел вдовствующей императрицы, «Ландыши» с портретами последнего императора и его старших дочерей, Ольги и Татьяны. Пасхальные подарки Фаберже становились драгоценной летописью царской фамилии. Каждое яйцо должно было быть оригинальным и иметь неповторимый сюрприз внутри, потому работа шла целый год в весьма напряженном темпе. При этом августейшие заказчики до последнего не догадывались, чем же удивит Карл Густавович на сей раз.

В редких случаях Фаберже брал заказы на драгоценные яйца не только для императора, но и для других особенных клиентов. Такие подарки, как правило, повторяли дизайн какого-либо созданного ранее императорского яйца. В 1902 году Перхин изготовил рекордно много пасхальных яиц – целых шесть штук! Помимо двух «высочайших» в этом списке оказались «Ротшильдовское», «Мальборо», «Скандинавское» и ставшее почти традиционным очередное яйцо для золотопромышленницы Варвары Кельх-Базановой. Михаил Евлампиевич создал все семь драгоценных сувениров для этой баснословно богатой заказчицы.

Изначально в коллекции Музея Фаберже (собрание американского бизнесмена Малкольма Форбса, целиком выкупленное Виктором Вексельбергом на аукционе Sotheby's в 2004 году) было две «Курочки» Перхина. Вторая, в яйце красной эмали, стала первым заказом для Кельх и была преподнесена ей на Пасху 1898 года. Примечательно, что сейчас яйцо экспонируется с портретом цесаревича Алексея на крохотном складном мольберте. Поговаривают, что оригинальный сюрприз представлял собой изображение самой Варвары, вот только когда яйцо оказа-

Пасхальное яйцо
для герцогини
Мальборо
стало первым
в коллекции
Малкольма
Форбса

«Ландыши»
1898 года

лось за рубежом, предпримчивые спекулянты, желая выдать его за императорское, заменили миниатюру.

А так называемый «Шантеклер» Кельх лазоревой эмали, подаренный Варваре в 1904-м, через год после смерти Перхина, стал последним яйцом, на котором выбито клеймо мастера. Оно, кстати, отсылало к «Петушку» Марии Федоровны, созданному четырьмя годами ранее. Перхин также успел начать великолепнейшее яйцо «Московский Кремль», хранящееся сейчас в Оружейной палате, но завершать работу пришлось уже Вигстрёму. Подарено оно было аж в 1906 году: и из-за внезапной смерти мастера, и из-за начавшейся Русско-японской войны, требовавшей экономии средств, Фаберже пришлось сделать двухлетний перерыв.

Любопытно, что одно из двух последних императорских яиц, оставшихся незаконченными, могло быть своеобразной данью памяти Михаила Перхина. Яйцо из карельской бересклеты, эскиз которого обнаружила в архиве семьи правнучка «несравненного гения» Татьяна Фаберже, должно было стать подарком Марии Федоровне на Пасху 1917 года. Но за два месяца до этого самодержавие в России прекратило свое существование. После революции обречена была и фирма Фаберже, ставшая своего рода ювелирным хроникером последних представителей династии и символом роскоши, непозволительной в новых условиях. Горестна оказалась и судьба императорской коллекции яиц. Молодому государству отчаянно требовались деньги, на продажу за рубеж по заниженным ценам отправлялись сокровища аристократических фамилий, ящиками вывозилось и царское имущество. Лишь 10 особо ценных пасхальных яиц составили экспозицию Оружейной палаты Московского Кремля, остальные признали «пригодными для экспорта»...

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

КУРОЧКА, КОТОРАЯ НЕСЛА ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА

В 40 лет Перхин, как будто что-то предчувствуя, составляет завещание. Согласно документу, жене и каждому из пятерых детей он оставил по 25 тысяч рублей, также внушительные суммы предназначались сестре, крестникам и всем работникам мастерской, вплоть до учеников, получивших дипломы. В общей сложности, эти деньги складывались в огромную сумму даже по меркам ювелиров, которые славились значительными жалованьями. Так, в столице мастера зарабатывали 50–60 рублей в месяц, а у Фаберже около 120 рублей – полковничий оклад! Владельцы мастерских получали, конечно, еще больше. Но и работать у Карла Густавовича приходилось на износ: пять дней в неделю с 7 утра до 18 вечера, а по субботам – с 8 утра до 13 часов. И это не считая постоянной сверхурочной занятости...

В должной мере воспользоваться заработанным Перхин так и не успел. Из-за постоянного переутомления мастер в 43 года тяжело заболел и в августе 1903-го умер от сухотки спинного мозга в больнице для душевнобольных. По завещанию мастерская перешла к его верному ученику Генрику Вигстрёму, который после смерти Перхина стал новым ведущим мастером Фаберже и принял эстафету по изготовлению пасхальных яиц для императора.

Вдова ювелира Татьяна Владимировна ненадолго пережила мужа. Она умерла в 1907 году и была похоронена напротив его могилы на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге. К тому моменту их старшей дочери, Евгении, исполнилось 23 года, остальные четверо детей были еще несовершеннолетними.

Почти столетие после смерти Перхина широкой общественности об этом талантливейшем ювелире было известно до обидного мало. Исследователи

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Часы с петушком стали подарком на Пасху 1900 года

проводили огромную архивную работу, чтобы хоть немного очертить его биографию – неизвестен был даже точный год рождения Перхина! Запись в метрической книге Ялгубского прихода отыскала историк из Карелии Екатерина Демкина, ей же удалось найти в архивах завещание Перхина и множество

«Шантеклер» Кельх
создавался по образцу
«Петушки» Марии
Федоровны

Первое
пасхальное яйцо
Варвары Кельх

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

С 2010 года вручается орден
Михаила Перхина

ную плиту. В конце 2023 года ее заменили на полноценный памятник, надгробие появилось и на могиле Татьяны Владимировны. Новый памятник Перхину представляет собой белый крест из мансуровского гранита, установленный на привезенном из Карелии валуне, в который вмонтирована табличка, напоминающая по форме яйцо. В родной Карелии Перхина сегодня почитают едва ли не как национального героя. В 2022 году на набережной Петрозаводска ему установили памятник, ставший четвертым в мире именным памятником ювелиру, наряду с изваяниями Бенвенуто Челлини во Флоренции, Карлу Фаберже в Санкт-Петербурге и Густаву Фаберже в эстонском Пярну. В руках у Михаила Евлампиевича маленькая курочка – сувенир из пасхального яйца. Сначала хотели дать ему в руки крест, но от такой идеи отказались, после – собственно драгоценное пасхальное яйцо, однако посчитали, что это было бы слишком банально. В итоге остановились на курочке. Один из авторов памятника, родившийся в Петрозаводске петербургский скульптор Павел Калтыгин, провел интересную параллель: а ведь Михаил Перхин и в самом деле был такой курочкой, которая несла золотые яйца для царской России...

других интересных документов. Весом оказался вклад и потомков Перхина, живущих сейчас в разных странах. Так, правнучка из Грузии, Татьяна Бадриашвили, предоставила его фото: знаменитый дедушка был изображен на памятной фарфоровой кружке, которую по наследству передавали в семье. У грузинских потомков сохранилась еще и медаль Всемирной выставки в Париже – ее в 1974 году передали Оружейной палате, и теперь она хранится рядом с шедеврами мастера. Немало сведений и фотографий было получено из США, где жил правнук Перхина Георгий Петрофф.

Собранная информация стала основой для первой книги о Михаиле Перхине, опубликованной в 2011 году. В этом же издании собраны биографии первых кавалеров ордена Михаила Перхина, учрежденного Мемориальным фондом Карла Фаберже к 150-летию мастера. Почетным знаком награждаются талантливейшие ювелиры разных стран, и это единственный в мире орден для мастеров-ювелиров.

Потребовалось немало сил и для того, чтобы привести в порядок могилу Перхина. Сведения о захоронении Валентин Скурлов обнаружил в ЦГИА еще в 1989 году: оно, к счастью, сохранилось, но оказалось в совершенно запущенном состоянии. Получив в 2010 году разрешение на восстановление могилы, историк вместе с бывшим генеральным директором компании «Русские самоцветы» Александром Горыней и несколькими другими волонтерами годом позже установили первую скромную надгроб-

Набережная
ПетрозаводскаГенрик Вигстрём
стал преемником
своего учителя

ДАРЯЩИЕ РАДОСТЬ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КРАСОЧНЫЕ ПИСАНКИ – ЯЙЦА С НАНЕСЕННЫМ НА НИХ ОРНАМЕНТОМ – ПОЯВИЛИСЬ ЕЩЕ В ДАВНИЕ ЯЗЫЧЕСКИЕ ВРЕМENA. А ПОТОМ СТАЛИ НЕОТЪЕМЛЕМЫМ АТРИБУТОМ ГЛАВНОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРАЗДНИКА – ПАСХИ.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ШАРЫ яйцеобразной формы с ритуальными росписями археологи находили еще в захоронениях V века до н.э. на территории Европы, Азии и Африки. Археологические находки писанок в том виде, в каком мы их знаем сейчас, датируются X веком. Традиция создания писанки была распространена среди всех славянских народов – от Южного Урала до Одера. Писанки неразрывно связаны с мифологией. Ведь древние полагали, что мир появился из

яйца. Мифы разных народов повествуют о мировом яйце, которое было снесено либо курицей, либо утицей, либо змеем – в общем, разными проявлениями одного и того же первобожества. Потом это яйцо раскололось пополам. Из верхней части яйца было создано Небо и все небесные светила, а из нижней – Земля.

Расписанное яйцо изначально было своеобразной моделью мира. Поэтому и отношение к нему было соответствующее. Орнамент писанок воспринимался как запись неких зако-

нов мироустройства, изменять его было нельзя – во избежание непредсказуемых последствий. В результате символика писанок сохранялась и передавалась практически в неизменном виде из поколения в поколение и дошла до сего дня.

Наши предки жили в мире, в котором духи были так же реальны, как и люди, потому защитить себя от злых духов и привлечь на помощь добрых было очень важно. Из-за этого многие предметы имели двойственное назначение. Например, расшитый рушник был основным элементом во всех ключевых жизненных обрядах – рождении, свадьбе, похоронах. Но он же в быту – обычное полотенце. Или украшенная вышивкой рубаха – одновременно и одежда, и оберег.

И только у писанки такого двойного назначения нет – в быту расписанное яйцо никак не использовалось. А раз такая неприменимая в хозяйстве и очень хрупкая вещь – расписная скорлупа – дошла до наших дней, значит, эта традиция имела для людей очень большое значение. Не случайно ведь сохранилось поверье: «До тех пор, пока женщины пишут писанки, до тех пор будет жив род людской».

ИЗ ЯЗЫЧЕСТВА – В ХРИСТИАНСТВО

Писанка тесно связана со старинными славянскими верованиями и народным календарем, основанным на солнечном цикле. Окрашенное яйцо было символом обновления природы, весны, жизни, радости и встречи Солнца.

Писанки закладывались под углы нового дома при его строительстве. Люди верили, что они охраняют жилища от грома и пожара. Писанка защищала от сглаза и порчи, наговоров, болезней. Сейчас мы дарим друг другу на праздники открытки с пожеланиями счастья, удачи, здоровья, благополучия, которые пишем словами. А раньше так же дарили друг другу писанки, где все эти пожелания были «записаны» символами.

В христианские времена писанка не была забыта – она стала знаком Христова Воскресения, воплощением пасхальной радости. Ведь как из яйца возникает новая жизнь, так и мир заново родился через Воскресение Христово.

По церковному преданию, равноапостольная Мария Магдалина явилась в Рим и пришла к императору Тиберию. Протя-

нув ему обычное куриное яйцо, она объявила ему: «Христос Воскресе!» Император, усомнившись в сказанном, заметил, что никто не может воскреснуть из мертвых и в это так же трудно поверить, как и в то, что белое яйцо может стать красивым. Не успел Тиберий договорить, как яйцо окрасилось в ярко-красный цвет.

На страусином яйце – две птицы, символизирующие человеческие души

Писанки и крашенки (вареные яйца, окрашенные в один цвет) освящали в храме вместе с куличами. После праздничного богослужения в церкви люди обычно христосовались, целовались. И дарили друг другу писанки. А крашенками потом разговаривались и использовали их в пасхальных забавах.

Кстати, раньше на Руси делали писанки не только из птичьих яиц, но и керамические. В 1880-х годах во время раскопок на юге России известный археолог граф Алексей Сергеевич Уваров нашел такие керамические яйца. Такую же находку обнаружил в 1908 году во время раскопок на Полтавщине археолог Викентий Хвойка.

О писанке как уникальном искусстве впервые заговорил антрополог Федор Волков на Третьем археологическом съезде в Киеве в 1874 году. Этнографы Оскар Кольберг и Николай Сумцов составили альбомы с изображениями писанок, на основе которых действительный член Российской географического общества Сергей Кульгинский в 1889 году издал первый каталог.

РУКОТВОРНОЕ ЧУДО

«Всяк проходящий и смотрящий на писанки называл их так: «Это же настоящий Фаберже!» Мне было приятно и забавно одновременно, – с улыбкой рассказывает о своем участии в фестивале народных промыслов омская мастерица Наталья Морозкина. – Я туда ехала с одной целью: показать людям красоту. Удалось. Самое ценное – приобщение к традиции новых людей».

В моем случае приобщение к традиции оказалось совершенно завораживающим. Ведь узоры на яйце рисуются горячим воском без эскиза при помощи особого инструмента – писачка. Писанка пишется в несколько этапов: сначала яйцо погружается в желтую краску, потом в красную и в финале – в черную. Изначально для создания писанок использовались только натуральные, «живые» компоненты

ты: сырое яйцо, воск, огонь и краски, приготовленные из растительного сырья.

Желтая краска делалась из корней молодой яблони, луковой шелухи, корня крапивы, цветков ромашки. Зеленая – из листьев ландыша, крапивы, коры ясеня и крушины. Красную готовили из ягод черемухи, цветков и семян зверобоя. Коричневую – из коры яблони, дуба, крушины. Черную – из корней ольхи. Вода для изготовления красок бралась дождевая или родниковая, ее надлежало набирать рано утром и нести домой в полном молчании.

Наталья обычно использует краски фабричного производства, в основном анилиновые красители для шерсти. Впрочем, традиционные красители из растительного сырья она тоже делала: «Тогда получаются более пастельные, естественные цвета. Главная сложность – длительное окрашивание, яйцо нужно опускать в краситель не на минуту-две, а на несколько часов. А еще натуральные красители долго не хранятся. Анилиновые ярче и удобнее».

Это единственное отличие от традиционной технологии. Хотя сегодня технические новшества проникают и в писанкарство – электрические писачки, всяческие лекала и трафареты. Спрашиваю у Натальи, как она к этому относится. «Я так не делаю. Хотя мы сегодня превратили художественную роспись в искусство, изначально задача там была совсем другая. Главное – не ровные линии, а символы и образы, которыми мы наполняем писанку. Она будет красива в любом случае – эта красота изначально заложена в ее осмыслиности», – объясняет Морозкина.

Узоры для своих писанок мастерицы прошлого не придумывали, не сочиняли во время росписи. Исследователь народных писанок, действительный член Императорского географического общества Сергей Кульжинский писал: «У многих мастерниц есть известный ре-

Наталья
Морозкина
влюбилась
в писанки
с первого
взгляда

Этот загадочный орнамент был перенесен на писанки с керамических сосудов трипольской культуры, в древности существовавшей на территории Украины, Молдавии, Румынии и Венгрии

пертуар писаночных узоров; велик он или мал, но она его знает твердо, он ей передан от предков и вне его она не напишет ни одной писанки». Современные мастера ориентируются на этнографические каталоги. Окончательно рисунок на писанке проявляется через огонь – яйцо нужно подносить к свече и салфеткой стирать с него воск. И вот у тебя в руках яркими красками вспыхивает настоящая драгоценность! «Каждый раз это чудо», – признается Наталья.

КТО ИЩЕТ, ТОТ НАХОДИТ

Наталья Морозкина приобщилась к древнему промыслу во все не по стечению обстоятельств. Это был закономерный результат длительных поисков. «История такая. Было мне лет двадцать, и меня вдруг стали одолевать мысли о важном, о вечном. Я тогда, имея экономическое образование, работала в рекламе в торговле. И вот я задумалась: чему я буду учить своих будущих детей? Как рекламу делать? Смешно».

Наталья искала и в результате нашла людей, которые занимаются изучением и возрождением народной культуры. Стала ездить по разным семинарам. И на одном таком семинаре в Новосибирске она увидела писанки. «Если какие-то другие проявления материальной народной культуры – народный костюм, вышивка, тряпичная куколка – мне уже были знакомы, то писанку я увидела впервые, – вспоминает Морозкина. – Я никогда не видела ничего подобного, даже на картинках! Увидела – и застыла в изумлении. Это сложно объяснить, это как любовь».

Долгое время Наталья Морозкина работала по специальности, а писанками занималась в свободное время. «Был длительный период, когда это все стояло в шкафчике, и однажды меня даже посетила крамольная мысль: может, красочки пора утилизиро-

вать, книжки сдать в библиотеку? Но у меня не поднялась рука это сделать».

Творческая деятельность в итоге стала основной. Недавно у Натальи Морозкиной появилась собственная студия, в которой скоро разместится постоянная экспозиция с писанками. Там, спустя несколько месяцев после встречи на фестивале, и продолжился наш разговор.

«Это не просто увлечение – это уже образ жизни, а теперь, можно сказать, и профессия. Каждый раз, когда я создаю новую писанку, а тем более собираю экспозицию из писанок, я смотрю на них и думаю: Господи, как это красиво! И эту красоту хочется людям показывать, дарить им радость...

А особенно интересно наблюдать за теми, кто пишет писанку в первый раз – всегда сколько радости в финале! – говорит Наталья. – Когда я ими только начала заниматься, у меня на кухне висели гирлянды писанок. Сейчас интерьер изменился, писанки стоят в шкафчике, и я любуюсь ими каждый день. Есть такое выражение – «красота спасет мир».

Сейчас мир постоянно штурмит, потому людям жизненно необходима точка опоры. Когда в твоем доме уютно и красиво, когда там есть источник радости, который ты сам создал, там всегда можно восполнить силы. Посмотрел на писанку – на душе сразу стало хорошо. И пошел дальше с новыми силами».

Так расписное яйцо, изначально бывшее символом мира, и сегодня помогает нам организовывать собственный, отдельно взятый мир.

Писанки с традиционным орнаментом отражают идею максимальной реализации и воплощения задуманного

Рыбы – древний и многогранный символ в современном варианте росписи

КООРДИНАТЫ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

«Яйцо в писанке выступает как своеобразная модель нашего мира, пространства, в котором жизнь существует. А орнаменты, которые на яйцо нанесены, описывают правильные законы построения этого мира», – поясняет мастерица.

Есть несколько вариантов деления этого пространства – схемы разводов. «Это линии, которые дают нам координаты, и мы можем относительно них рисовать какой-то узор. Потому что просто так, не опираясь ни на что, сделать писанку не получится – там всегда четкая геометрия».

Поверхность писанок линиями можно разбить на определенное количество фрагментов, в зависимости от того, какой рисунок нам нужен.

Если яйцо разделено пояском надвое по вертикали и украшены главным образом его бока, то такая писанка называется «боковой». Разделительный пояс может быть в виде нитки, ленты, с украшениями

«Каждый раз,
когда я собираю
экспозицию
из писанок,
я смотрю
на них и думаю:
Господи, как это
красиво!»

ми или без них. Он может отсутствовать вовсе, но принцип размещения основных элементов орнамента при этом сохраняется. А значит, есть писанки «подпоясанные» и «распоясанные». Если разделить яйцо надвое по меридиану, а затем на четыре части, то такая писанка будет называться «продольной». Развод «восьмиквятка» представляет собой восемь сегментов, образованных из четырех равных вертикальных долей яйца, опоясанного линией экватора. Все декоративные элементы размещаются внутри участков или на пересечении линий и создают орнаментальные мотивы. Если элементы располагаются симметрично, образуется статичный, уравновешенный орнамент. Если возникает асимметрия, орнамент приобретает динамичный характер. Орнамент имеет такое строение, что со всех сторон мы видим ритмично повторяющийся узор. Все это очень напоминает картинку, которая складывается из цветных стекол в калейдоскопе.

Настоящая
драгоценность
и украшение
любого
интерьера

МНОГОЛИКИЕ ДРЕВНИЕ СИМВОЛЫ

Чаще всего на писанках встречаются солярные символы. Солнце, дарящее тепло и свет всему живому, изображают в виде круга, круга с точками, круга с крестом внутри, в виде шести- и восьмилучевых розеток и звезд. Да, звезда, или Ружа (роза), тоже

символ Солнца как наиболее яркой звезды. Причем Ружи могут быть полными, простыми, полувинчатыми...

К солярным символам также относятся конь и олень. Ведь в древних мифах говорится, что олень на своих рогах выводит Солнце на небо. А еще наши предки считали, что Солнце едет по небу на запряженной конями колеснице.

А причудливый элемент из трех частей называется «тригвер» или «триног». «Здесь он хитро заплетенный, а вообще, это три веточки. Три – это символ цельности и завершенности. Табурет у нас не может на двух ножках стоять – нужно третью добавить», – поясняет Наталья Морозкина. Тригвер символически определяет триединство мира по славянской мифологии – Навь, Явь и Правь. А еще в неолитические времена он был знаком огня. Писанка сохранила и воспоминания о древнейшем культе Богини-Матери. Изначально ее изображали в виде женщины с поднятыми руками, но со временем рисунок все более упрощался. Когда у славянских племен установилась земледельческая культура, Богиня-Мать стала называться Берегиней – защит-

ницей домашнего очага. Ее изображение стало совсем схематичным и больше напоминает цветок или растение, чем женскую фигуру. Такой элемент орнамента носил разнообразные названия: «княгиня», «кучери», «косицы», «качур», «крылья»...

Наши предки-земледельцы относились к земле с особым почтением. И разумеется, изображали ее на писанках. К графемам, обозначающим землю, относятся крест и ромб. Ромб, покрытый штриховкой, обозначает вспаханное поле, а если в ромб вписана точка, это уже поле засеянное. Точка на писанке обозначает зерно и является символом плодородия. Будущий урожай напрямую зависел от «небесной воды» – дождя. Потому на писанках часто встречается символ воды. Чаще всего он изображается в виде волнистой линии, но встречается и более архаичный вариант – в виде ломаной кривой или в виде изогнутой линии без начала и конца – «бесконечник».

Крест в дохристианские времена обозначал представление наших предков о пространстве, дубовый лист был символом силы и выносливости. Спираль символизирует вечность. Сеточка – знак защиты от всего дурного. Получается, что каждая писанка – отдельное повествование. Взять, к примеру, писанку-срококлину. В дохристианской традиции число 40 было связано с земледельческими циклами. В этой писанке каждый треугольник посвящали определенной сельскохозяйственной работе: вспашке земли, пчеловодству, обработке сада... Чаще всего встречаются сорококлиники, в которых чередуются заштрихованные и чистые треугольники. Многие исследователи считают, что такая писанка символизирует смену дня и ночи, лета и зимы – в общем, циклические изменения природы. Впрочем, в современном мире древние символы порой трактуют весьма вольно. «Некоторые

мастера считают, что нужно перевести их на современный, понятный язык. Так и пишут: «Эта писанка принесет вам богатство, жениха с машиной». Но она ведь совсем не об этом! Древний архаичный орнамент очень глубокий, глобальный, и не хочется его уменьшать, сводить к чисто прикладному, бытовому», – объясняет Наталья.

БЕСКОНЕЧНЫЕ И БЕЗГРАНИЧНЫЕ

Казалось бы, какой простор для творчества может быть в занятии, которое привязано к конкретному предмету, причем небольшому? Да еще если оно ограничено традиционными орнаментами? Но это только кажется.

«Даже в работе с воском есть три варианта. Мы можем сделать рисунок писачком – и у нас полу-

Традиционную
кукушечку
Наталья
Морозкина
превратила
в райскую птицу

При создании
писанок можно
обойтись и без
красок

чится узор. Мы можем капать на скорлупу свечой – тогда получится «крапанка». А еще можно сделать на скорлупе роспись булавкой. Раньше, кстати, перышки для этого приспособливали. Макаем булавку в жидкий воск и проводим черточку. Из этих черточек складывается рисунок», – рассказывает мастерица.

Один и тот же рисунок на курином и гусином яйце смотрится по-разному. А еще можно пробовать разные техники, сочетать их...

Помимо классической есть технология, когда после нанесения рисунка яйцо не окрашивается, а помещается в кислоту. Внешний слой скорлупы растворяется и вычищается. Получается эффект гравировки. «В скорлупе коричневых куриных яиц есть очень много слоев, и чем глубже внутрь, тем они светлее. Поэтому здесь можно играть с оттенками коричневого цвета», – поясняет Наталья Морозкина.

А еще помимо традиционных писанок есть писанки авторские, которые предполагают большую свободу творчества. К примеру, зеленая с кельтским орнаментом и листиками клевера – смотрится она удивительно органично. На другую писанку, в бирюзово-голубых тонах, мастерицу вдохновил богатый декор казахской мечети Хазрет Султан, где она побывала во время туристической поездки. «Орнаменты разных народов удивительно перекликаются. Ведь архаичные мотивы везде одни и те же, просто их немного по-разному рисуют. А суть неизменна: все хотят жить в мире, радости и счастье. И это пожелание люди материализуют в орнаменте. Я через писанку смотрю на мир, изучаю его, потому для меня она – нечто бесконечное и безграничное...».

И главное – создание писанок Наталья Морозкина рассматривает как возможность творчеством менять мир в лучшую сторону. Ведь радость, которую они дарят – огромный ресурс. ☺

Слева направо. Стоят: жена Константина Васили – Анастасия, Константин Васили – известный фотограф из Симферополя, фотограф И. Руденков и его жена. Сидят: неизвестная, М.П. Мазур, жена Мазура Анисия.
Из архива семьи Мазур

ружить практически в каждой семье коренных севастопольцев. В салоне Михаила Мазура, возможно – даже в одном и том же кресле, фотографировались и великий князь Александр Михайлович Романов – двоюродный дядя российского императора, и врач Дмитрий Ильич Ульянов – брат вождя мировой революции Владимира Ильича Ленина, и адмирал Андрей Августович Эбергард – командующий морскими силами Черного моря, и лейтенант Петр Петрович Шмидт – один из первых революционеров...

В начале XX века именно Михаил Мазур сделал великолепную серию фотографий панорамы «Оборона Севастополя» кисти Франца Рубо, после чего в Париже был издан цветной буклет на русском и французском языках. Конечно, после революции 1917 года и кинотеатр, и ателье Мазура национализировали, но Михаила Павловича, как признанного профессионала, назначили директором его же студии. Позже, работая фотокорреспондентом «Крым-РОСТА», он сделал множество фотографий рабочих, учащихся, моряков, ученых, военных.

М.П. Мазур
и Иосиф
Иосифович
Гезлемез.
Из архива
семьи Мазур

СЕКРЕТ ПРИДВОРНОГО ФОТОГРАФА

АВТОР

ЛЮДМИЛА МАЗУР

ЭТА ФОТОГРАФИЯ ХРАНИТСЯ В НАШЕМ СЕМЕЙНОМ АРХИВЕ ДОЛГИЕ ГОДЫ. НА НЕЙ – НЕСКОЛЬКО МУЖЧИН, ВСЕ ДЕРЖАТ СИГАРЕТКИ. ОДИН ИЗ НИХ СИДИТ НА ПОЛУ, СКРЕСТИВ НОГИ. ЭТО – МОЙ ПРАДЕД, ИЗВЕСТНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ФОТОГРАФ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ МАЗУР. РЯДОМ С НИМ – НЕБОЛЬШОЙ ПРЯМОУГОЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ. В НАШЕЙ СЕМЬЕ КАЖДЫЙ ЗНАЕТ, ЧТО ЭТО – СЕРЕБРЯНЫЙ ПОРТСИГАР С ЗОЛОТЫМ ОРЛОМ, ПОЛУЧЕННЫЙ ПРАДЕДОМ В ПОДАРОК ОТ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II...

СЕГОДНЯ 27 РОССИЙСКИХ музеев хранят фотографии Михаила Павловича Мазура. Более 200 его работ можно найти в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации: персональные и групповые портреты разных лет, виды и пейзажи, фотографии строительства Инкерманской дамбы и дороги в 1928–1929

годах. Еще больше его работ хранится в частных коллекциях как в России, так и за рубежом. В Севастополе у Михаила Павловича было два фотоателье, собственное издательство и один из первых городских кинотеатров. Мазур был членом Русского фотографического общества, основанного в 1894 году в Москве. Фотографии, сделанные в его ателье, можно и сейчас обна-

КРЕСТИЛСЯ И ВЕНЧАЛСЯ В ОДИН ДЕНЬ

Родился будущий известный фотограф в 1868 году в Бердянске в еврейской семье. Звали его тогда Моисеем Хаимовичем Мазуром. В 1881 году, после убийства в Санкт-Петербурге императора Александра II, в городке вспыхнули антисемитские погромы. Моисей остался сиротой и сбежал из «Севастополя на Азов», как тогда называли Бердянск, в настоящий Севастополь на Черном море. Здесь он стал подмастерьем у опытного фотографа Иосифа Гезлемеза, в ателье которого и постигал азы фотографии.

В 18 лет Мазур призвали в армию. Отслужив пять лет в артиллерии под командованием полковника Павла Дмитриевича Лескевича, Моисей получил чин ефрейтора и вышел в отставку в 1891 году. А любимый иуважаемый им командр согласился стать Мазуру крестным отцом. Правда, произошло это позже – православие молодой человек принял в 28 лет.

Крестился Мазур 5 июля 1896 года. Нарекли его Михаилом, а отчество дали по имени крестного отца – Павлович. Так Моисей Хаимович Мазур стал Михаилом Павловичем Мазуром. Но почему же он решил сменить вероисповедание? Все дело в том, что молодой Моисей влюбился в 23-летнюю крестьянку из Тульской губернии. Звали ее Анисия Захаровна. Для того чтобы жениться на православной, иудей Моисей изъявил «желание быть просвещенным Святым Крещением по обрядам Православной церкви», о чем сохранилась соответствующая запись в метрической книге. Венчание молодых состоялось 5 июля 1896 года в церкви Николая Чудотворца при севастопольском Братском кладбище, сразу после крещения жениха. В их дружной семье родилось девять детей: восемь сыновей и одна дочь.

«НЕ ДВИГАЙТЕСЬ! СНИМАЮ!»

В начале XX века Михаил Мазур построил роскошный двухэтажный дом на самой красивой улице Севастополя – Большой Морской. В нем жила его семья, там же размещалось и ателье: лаборатория, просторный павильон и магазин по продаже фотокарточек. Это было в то время серьезным достижением, ведь обычно фотографы арендовали помещения для своей работы. В ателье царила атмосфера уютной роскоши: декорации, бутафория, мебель – все было подобрано со вкусом. Можно было удобно устроиться в кресле и сидеть, не двигаясь не менее двух минут, так как экспозиция у фо-

Анисия Мазур.
XIX век.
Из архива
семьи Мазур

Оборот паспорта. 1905 год.
Из архива семьи Мазур

токамеры тогда была длинная. Попробуйте сидеть или стоять не двигаясь и не меняя выражение лица так долго. Может быть, поэтому на старых фотографиях мы почти не видим улыбок: спокойные лица, полные достоинства взгляды, никакой сути и рисовки. Особое восхищение вызывают детские фото: это как же надо было общаться с детьми, чтобы снимки получались четкими, а дети на них – такими естественными?

В те времена фотографам приходилось не только осваивать основы химии, физики и оптики, но и овладевать азами рисунка. Многие из них становились виртуозными ретушерами, способными с помощью тонкой беличьей кисточки улучшить любой фотопортрет.

Фотографии наклеивали на паспорту. Картонный бланк был неотъемлемой частью фотографии вплоть до 1920-х годов: во-первых, он защищал снимок от повреждений, во-вторых, был носителем информации и, в-третьих, являлся важным элементом оформления. На паспорту были изображены фирменные факсимиле, указаны звания фотографа, город, в котором была сделана фотография. На обратной стороне размещали красивые рисунки: цветы, лозы,

Павел
Дмитриевич
Лескевич.
Командир
и крестный отец
М.П. Мазура.
1905 год.
Из архива
ФГБУК «Музей-
заповедник
героической
обороны
и освобождения
Севастополя»

гирилянды, музы, орнаменты и т.д. Медали с изображением профилей «отцов» фотографии – Луи Дагера, Нисефора Ньепса и Уильяма Тальбота – использовались в рекламных целях. Не слишком просвещенная публика того времени считала, что эти медали свидетельствуют о неких высоких достижениях фотографа, поэтому надо сфотографироваться именно в его ателье. Говорят, Михаил Павлович был знатный шутник. Как-то на паспарту, наряду с традиционными медальонами с профилями основателей фотографии, Мазур «скромно» поместил четвертую медаль со своей фамилией. А однажды его чуть не подвело то, что мы сегодня называем «профессиональной деформацией». Как-то Мазура пригласили запечатлеть похороны одного севастопольского генерала. «Не двигайтесь! Снимаю!» – по привычке скомандовал мастер лежавшему в гробу высокопревосходительству. Разразился жуткий скандал, но дело в итоге замяли...

Фото
М.П. Мазура.
1909 год.
Фрагмент
живописного
полотна
панорамы
(башня).
Из буклета
панорамы
Ф.А. Рубо
«Штурм
Севастополя
6 июня
1855 года».
Из архива
ФГБУК «Музей-
заповедник
героической
обороны
и освобождения
Севастополя»

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОРТСИГАР С ЗОЛОТЫМ ОРЛОМ

В 1902 году в газете «Крымский вестник» было напечатано примечательное сообщение: «Высочайше пожалован севастопольскому фотографу М.П. Мазуру за поднесение альбома «Открытие памятника Владимирам, павшим в сражении на реке Альме» серебряный портсигар, украшенный золотым государственным гербом и драгоценными камнями».

После этого на обратной стороне паспарту фотографий, сделанных Мазуром, появилась надпись: «Фотограф М.П. Мазур в Севастополе удостоен Высочайшей Его Императорского Величества Государя Императора Николая II благодарности и подарка».

В сентябре 1902 года Мазур фотографировал торжественную церемонию открытия памятника солдатам и офицерам Владимирского пехотного полка, отличившегося в сражении на Альме (1854). Это было первое крупное сражение Крымской войны, в ко-

тором Русская армия встретилась с превосходящими силами коалиции Великобритании, Франции и Турции. Несмотря на то, что русским полкам в итоге пришлось отступить, сражение на Альме задержало наступление противника на Севастополь и дало городу время подготовиться к осаде. В натурных массовых снимках проявился репортерский талант опытного фотографа: такие моменты надо суметь уловить! Люди на фото не позируют, это живые кадры. Из этих фотографий Мазур составил альбом, оформил его, издал в твердой обложке и преподнес императору. В Центральном государственном архиве кинофотодокументов Санкт-Петербурга хранится подлинник. Михаил Павлович очень гордился драгоценным подарком от императора.

Строительство Инкерманской дамбы и дороги. 1928–1929 годы.
Из архива ФГБУК «Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя»

Петр Петрович
Шмидт.
1905 год.
Из архива
ФГБУК «Музей-
заповедник
героической
обороны
и освобождения
Севастополя»

Близнецы Борис и Глеб, младшие сыновья М.П. Мазура. Глеб – дедушка Людмилы Мазур. 1911 год.
Из архива семьи Мазур

ПОСТАВЩИК ВЫСОЧАЙШЕГО ДВОРА

А вскоре произошло еще одно знаменательное событие: в 1904 году, когда уважаемому в Севастополе фотографу исполнилось 36 лет, «М.П. Мазуру» присвоено звание «Поставщика двора Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича с правом иметь на вывеске вензелевое изображение имени Великого Князя». Почему же Михаил Мазур, единственный из своего цеха в Севастополе, получил эту привилегию? Поставлять товары к императорскому или великокняжескому дворам было почетно и крайне ответственно. За это право велась серьезная конкурентная борьба, процедура его

получения была весьма непроста. Что же нужно было сделать, чтобы удостоиться этого высокого статуса? Прежде всего надо было написать прошение на имя высочайшей особы. Некоторые из таких прошений – великолепные образцы аргументации и мотивации! Вот так, например, один из московских фабрикантов писал главе Министерства императорского двора князю Петру Михайловичу Волконскому: «Имея счастье неоднократно исполнять поручения Вашей Светлости изготовлением на моей фабрике разных материй для Высочайшего Двора, покорнейше прошу Вашу Светлость исходить к тайствованию мне у Государя Императора звание придворного

Дети
М.П. Мазура.
1911 год.
Слева направо:
Глеб, Борис,
Константин,
Александр
(Саша),
Анатолий,
Михаил,
Александр
(Шура).
Из архива
семьи Мазур

поставщика изделий моей фабрики, с правом иметь как на изделиях, так и фабрике Российский Герб. Этим самым не только сделаете для меня величайшее благо, но и усугубите старание к улучшению изделий». Кроме того, соискателю нужно было в течение восьмидесяти лет непрерывно исполнять заказы двора.

Фотографировать Мазуру нужно было лично, поставлять товар исправно и добросовестно, что проверялось канцелярией Министерства императорского двора. Высокое качество совсем не означало высокую цену: стоимость товаров и услуг была относительно низкой. Помимо этого поставщикам двора следовало участвовать в специализированных выставках, не получать претензий от потребителей и поддерживать отличное качество продукции и услуг. Однако ради приобретения престижного права «украсить» свою продукцию государственным гербом стоило постараться. Разве это не самая эффективная реклама? Не зря же большинство жителей Севастополя хотели фотографироваться только у придворного фотографа великого князя Александра Михайловича. Да и сам поход в респектабельное ателье был событием для горожан.

Дети
М.П. Мазура.
1905 год.
Слева направо:
Александр
(Саша),
Анатолий,
Михаил,
Александр
(Шура),
Леонид.
Из архива
семьи Мазур

КРЕСТНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В 1904 году великий князь Александр Михайлович стал крестным отцом сына своего придворного фотографа. Событие довольно неординарное: двоюродный дядя императора Николая II, знаменитый Сандро, младший флагман в чине контр-адмирала, куратор Черноморского флота, будущий инициатор создания офицерской авиационной школы под Севастополем и шеф Императорского военно-воздушного флота, стал восприемником сына не царской особы и даже не дворянина, а мещанина неизвестного происхождения, который недавно стал его придворным фотографом.

Примечательно, что в семье Мазура уже был сын Александр. Но, видимо, когда великий князь согласился стать крестным отцом, не назвать в его честь мальчика не было никакой возможности. Ведь и отчество совпадало! Так у Мазуров появились два сына Александра: Шура и Саша.

Родился Саша Мазур 14 ноября, а крестили его больше чем через месяц – 25 декабря 1904 года, по старому стилю – в Рождество. Видимо, родители решили дождаться возвращения великого князя из морского похода. Так что князь приехал на двойной праздник: крещение духовного сына Александра Михайловича и Рождество Христово. Крестили ребенка в новеньком, недавно построенном Покровском

Фото из альбома жены великого князя Александра Михайловича Ксении Александровны

Фото
М.П. Мазура.
Великий князь
Сандро на празднике в Авиационной школе Севастополя. 1911 год.
Из альбома
его жены Ксении
Александровны

Фото
М.П. Мазура.
Великий князь
Александр
Михайлович
Романов в Севастополе с женой
и детьми.
1905 год.
Царская пристань, на западном берегу Южной бухты Севастополя, недалеко от вокзала.
До нее доходили железнодорожные пути. На ней князь пересаживался с поезда на яхту «Штандарт» и отправлялся в Ливадию, в свое имение Ай-Тодор.
Из Российского государственного архива Военно-Морского флота

соборе. Он и сегодня стоит в самом центре Севастополя, в двух кварталах от дома Мазура, и восхищает своими куполами лимонного цвета и прекрасной архитектурой. Какая-то необъяснимая связь соединяла двух этих людей. Великий князь и его придворный фотограф были почти ровесниками: Александр Михайлович родился в 1866 году, а Михаил Павлович – в 1868-м. И умерли они в один год – в 1933-м. Только Мазур скончался на родине – в России, а Романов – в эмиграции в Европе. Видимо, их объединяли не только служебные отношения, но и дружеские связи. А после того, как Александр Михайлович стал крестным отцом маленького Саши Мазура, великий князь превратился практически в члена семьи фотографа. В те времена

на обязанности крестных родителей были очень серьезными, относились к ним ответственно, не в пример нашим дням. Крестный отец отвечал перед Богом за духовное воспитание крестника. К тому же он должен был позаботиться о крестике для мальчика и взять на себя все расходы по обряду крещения и празднству. Восприемники становились духовными родителями ребенка и духовными родственниками его семьи. Ни один семейный праздник не мыслился без присутствия кума и кумы. Для церкви духовное родство – все равно что родство кровное. Когда же родные родители не могли обеспечить своих детей, эту обязанность принимали на себя в первую очередь не другие родственники, а именно крестные родители.

Надежда Тимофеевна Аверченко, сестра Аркадия Аверченко. 1916 год.
Из архива ФГБУК «Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя»

**БИОСКОП
«ЗЕРКАЛО ЖИЗНИ»**
Искусство фотографии, особенно в то время, требовало от фотографа умения решать множество задач, сходных с теми, что возникают при создании кинофильмов. Первые мастера фотографии – это и режиссеры, выстраивающие мизансцену и композицию кадра, и светотехники, профессионально выставляющие свет, и бутафоры, и декораторы, и костюмеры.

И вот в 1914 году Михаил Павлович решил освоить новое искусство «ожившей фотографии» – кинематограф. Он самостоятельно разработал проект и за год построил рядом со своим домом огромный «электробиограф» – двухэтажный кинотеатр на 600 мест. Свое новое детище Мазур назвал «Зеркалом жизни».

Это заведение практически сразу стало одним из главных центров культурной жизни Севастополя. В кинотеатре «Зеркало жизни» показывали не только фильмы, там проходили концерты и выступления известных артистов.

Так, в 1920 году, накануне своей эмиграции, именно здесь пел

М.П. Мазур стоит справа в белом костюме, его жена Анисия сидит вторая слева. Балаклава. 1930 год.
Из архива семьи Мазур

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

В Севастополе до сих пор многие места хранят память о фотографе Мазуре, ушедшем из жизни в 1933 году. На Большой Морской, напротив улицы Патрика Лумумбы, раньше стоял дом, в котором жила большая семья Мазуров, рядом располагался кинотеатр «Зеркало жизни». А в школе №3 на улице Совет-

ской раньше находилось Константиновское реальное училище, в котором учились сыновья Михаила Павловича. На Старом городском кладбище на Пожарова есть семейный склеп, где похоронены отец семейства и двое его детей. А памятник Примирения, посвященный жертвам Гражданской войны, для потомков фотографа – символический монумент сыновьям Мазура, погибшим в братоубийственной битве: Шуре, служившему в авиации белой армии, Мише и Толе, сражавшимся в Красной армии.

Жена Мазура и его внук погибли в Инкерманских штолнях во время взрыва перед оккупацией Севастополя в 1942 году, и большой крест, сияющий по ночам на разрушенной горе – это обелиск в том числе и членам его семьи. На Северной стороне, в уникальном по архитектуре Никольском храме на Братском кладбище, молодой Мазур крестился и женился в один день. В Покровском соборе на Большой Морской крестили почти всех детей придворного фотографа.

Оказалось, что сейчас горожане помнят придворного фотографа Мазура, у многих в семейных архивах уже более ста лет бережно хранятся снимки с его фирменным факсимile.

В чем же был секрет его успеха? Неуемная энергия, поиск новых, неизведанных путей, требовательность к себе. Он много и упорно работал, чему в том числе способствовала и большая семья, которую нужно было содержать. Как утверждал Михаил Павлович, «сам работал с детства по фотографии и никогда ничем больше не занимался». Мазур не боялся новшеств, пробовал себя в самых передовых и еще не изведенных сферах. Любовь к родине, гордость за соотечественников давали ему силы работать даже в самые тяжелые времена. Когда вглядываешься в портреты, которые он мастерски создавал, понимаешь: только тот, кто любил людей, мог снимать их так красиво.

ОДА СЕВЕРНОМУ ШЕЛКУ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«...СОБИРАТЬ ВСЕ ОТНОСЯЩЕЕСЯ ДО РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ, А В ЧАСТНОСТИ – СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ, КОТОРАЯ УЖЕ САМА ПО СЕБЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ИНТЕРЕСНА» СОВЕТОВАЛ В КОНЦЕ XIX ВЕКА СМОЛЕНСКОЙ МЕЦЕНАТКЕ КНЯГИНЕ МАРИИ КЛАВДИЕВНЕ ТЕНИШЕВОЙ ИСТОРИК-АРХЕОЛОГ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ СИЗОВ. ВНЯВ ЕГО НАПУТСТВИЮ, КНЯГИНА НАЧАЛА КОЛЛЕКЦИОНИРОВАТЬ ПРЕДМЕТЫ БЫТА СМОЛЕНЩИНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСТЮМ. В ИТОГЕ РЕЗУЛЬТАТ ЕЕ ТРУДОВ ПОЛОЖИЛ НАЧАЛО ОБШИРНОМУ СОБРАНИЮ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.

Окончание. Начало см.: «Русский мир.ru» №4 за 2024 год

В

1920-Е ГОДЫ ОНО ПОПОЛНИЛОСЬ крестьянской одеждой Вяземского и Духовщинского уездов, собранной известным археологом и этнографом Смоленщины Екатериной Николаевной Клетновой. Позднее – коллекцией головных уборов и бисерных украшений Ельинского уезда, переданной в музей этнографом и краеведом Михаилом Ивановичем Погодиным. В 1950–1960-е годы сотрудники музея, в том числе искусствовед Людмила Михайловна Козикова, приумножали собрание, отправляясь в этнографические экспедиции в отдаленные деревни родного края. Так, имея вековую историю ком-

Памятник святому равноапостольному князю Владимиру на набережной Смоленска

Смоленская крепостная стена, в Никольской башне которой размещается музей «Смоленский лен»

Одна из самых любимых смолянами башен Смоленской крепостной стены – Громовая. Одна из пяти сохранившихся шестнадцатигранных башен, которые часто называют круглыми

плектования, музейная коллекция смоленского крестьянского костюма сегодня насчитывает более тысячи предметов. Значительная ее часть представлена в экспозиции одного из отделов музея-заповедника – музее «Смоленский лен».

Почему же Сизов так настойчиво обращал внимание Тенишевой именно на смоленские артефакты? «Потому что Смоленщина невероятно самобытна, – отвечает заведующая музеем Лариса Викторовна Захаренкова. – Мы находимся на стыке двух регионов: России и Белоруссии. Это великорусская и белорусская культура. Они схожи, но у каждой есть свои отличия. К тому же мы граничим

с несколькими российскими областями – Псковской, Калужской, Московской, Тверской, Брянской, а также с двумя белорусскими – Могилевской и Витебской. Вокруг нас целый рассадник разных культур». А еще, если заглянуть поглубже в прошлое, то вспомнится, что Смоленская губерния, по словам Екатерины Клетновой, «искони, даже в глубочайшие доисторические времена, являлась местом продвижения многих племен и народов, частью тут же оседавших, частью проходивших дальше, но все же оставлявших здесь, в большей или меньшей степени, нечто «свое», самобытное». Оттого столь разнообразны бытовавшие на тер-

ритории Смоленщины народные костюмы. Так как Смоленская земля с древних времен славилась выращиванием льна, большая часть одежды смоленских крестьян шилась из домотканого холста. В музее «Смоленский лен» экспозицию тематически разделили между этажами: на первом подробно рассказывают, как добывалось льняное волокно, а на втором – показывают, к чему приводят занятия леноводством: к изготовлению тканей, пошиву одежды. Как говорит Лариса Викторовна, «здесь у нас представлена модная коллекция XIX – начала XX века. Дизайнер здесь тоже есть – это народ российский».

БОДРЫ, СВЕЖИ, ОПРЯТНЫ

Всегда интересно, как выглядели люди, которые могли носить одежду, представленную в музее. Остались довольно подробные описания внешнего вида смолян. Так, историк Петр Дмитриевич Шестаков фиксировал в середине XIX века, что «жители Смоленской губернии – Славянского племени, коренные Русские». Среди них по территориальному признаку он выделял население белорусской и великорусской Смоленщины. По его мнению, «жители уездов, отдаленных от Польши, <...> носят черты характера Великоруссов. Они деятельны, бодры, свежи, дородны, зажиточны и опрятны. Сметливость, деятельность, заботливость об участии своего семейства, изворотливость при отыскании средств к жизни – отличительные черты жителей этих уездов. В прочих уездах преобладает белорусский элемент». Великорусы Смоленщины, по данным этнографии на начало XX века, в отличие от своих древних высоких предков – кривичей, были среднего роста (у мужчин он составлял 163,9 см), при этом осанисты и степенные. С русыми волосами и глазами серого или голубого

Мужские льняные порты редко можно встретить в музейных собраниях. Завязывались шерстяным плетеным поясом

Костюм дружки (свидетеля жениха): льняная мужская рубаха-косоворотка, украшенная тканым орнаментом и вышивкой крестом; полотенце из холста через плечо. Рядом полотенце – свадебный рушник, на это указывают парные вышитые птички. Все – первая половина XX века

Лапти покосные
начала XX века

почти не отличалась от того, что носили по всей России. Так же как и везде, на мальчиков здесь надевали порты в 6–7 лет, когда ребенок «входил в ум», а уважающий себя, «справный» крестьянин никогда не появлялся на улице без шапки.

Описывая в своих знаменитых «Письмах из деревни» взаимоотношения в крестьянских семьях, смоленский помещик Александр Николаевич Энгельгардт подметил одну интересную местную особенность: «Мужчина ничего не дает бабе на покупку одежды, баба одевается на свой счет, мало того, баба должна одевать своего мужа и детей. <...> Баба всегда копит, уже маленькой девочкой она бегает за ягодами и грибами, если есть кому продать их, и копит вырученные деньги на наряды – на платки, крали. Вырастая, она копит на приданое, и деньги, и полотна, и наметки, и вышиванья. Выйдя замуж, баба копит на одежду себе, детям, мужу. Замечательно, что баба считает себя обязанной одевать мужа и мыть ему белье только до тех пор, пока он с нею живет. Раз муж изменил ей, сошелся с другою, первое, что баба делает, это отказывается одевать его: «живешь с ней, пусть она тебя и одевает, а я себе найду». Угроза эта обыкновенно действует очень сильно». Бытовал ли такой обычай на территории всей Смоленщины или только среди поместных крестьян Энгельгардта, описание умалчивает.

цвета, причем цвет глаз оттенка цветущего льна преобладал в основном у женщин. Великорусы и белорусы внешне отличались мало. Историк И.И. Орловский о смоленских белорусах писал, что «при кротком взгляде глаз, черты лица его отличаются мягкостью и тонкостью, особенно у женщин; и это вполне гармонирует с несколько хрупким телосложением белоруса».

В обширной музейной коллекции крестьянской одежды более всего представлен женский костюм. Как шутят сотрудники, «с мужчинами у нас произошла дискриминация». «Одних только женских рубах в коллекции 300 штук, – рассказывает Лариса Захаренкова. – А вот всей мужской крестьянской одежды всего 100 единиц. Из них пять-шесть портов, да и рубахи по пальцам можно пересчитать». Как говорят в музее, это связано с тем, что на мужчинах в хозяйстве немножко экономили. Лучшие, тонко выделанные ткани обычно шли на женский костюм, который затем берегли и даже передавали по наследству. «На одежду мужиков шли ткани покрепче, погрубее, – продолжает заведующая музеем. – И, наверное, не так много у них в обиходе было

одежды, она сильнее изнашивалась. Например, последняя рубаха, которую недавно сдали в музей, была сильно потрепана, видно, что ее долго носили». Льняная рубаха, которую надевали на выпуск с портами, лапти с льняными онучами или сапоги, верхняя одежда да шапка – вот основная одежда смоленских мужиков. По составу она

И.Ф. Буданова
в «венке» –
головном уборе,
который девицы
надевают
на девичник,
а невеста
на свадьбу

ДАР РУССКОЙ ЗЕМЛИ

В отличие от мужской одежды именно в женском традиционном костюме наиболее ярко отразились особенности двух основных этнических групп, населявших территорию Смоленщины: великорусов и белорусов.

На северо-востоке Смоленской губернии – это Бельский, Вяземский, Гжатский, Сычевский, Юхновский уезды – в великорусском женском костюме преобладали длинные косоклинные сарафаны. В зависимости от места бытования, покроя, материала, украшений они назывались по-разному: «хверзя» или «ферзя», что напоминало по звучанию старинную одежду – ферязь; «синяя» или «синикин», что отсыпало к синему цвету сарафана. «Он действительно обычно был глубочайшего синего цвета или даже черного, – говорит Лариса Викторовна. – Реже бордового или, как говорили наши крестьянки, «бурдового», который им очень нравился. Еще его называли «клинастик» или «сорококлин», хотя таковым он не был. Это наиболее архаичный тип сарафана, бытавшего в России, что называется, «дар русской земли».

В летнюю пору, отправляясь на сенокос или жатву, крестьянки Вяземского уезда надевали под косоклинный сарафан особую одежду – насовки. Они напоминали по покрою древний «глухой» сарафан или современное платье без рукавов и шились из отбеленного льняного холста. В поле тяжелый косоклинник, в котором работать было неудобно, снимали, и женщины оставались в рубахе и насовке. Название «насовка», как отмечал Владимир Даль, произошло от глагола «насывать», то есть надевать. Широко распространенная в прошлом одежда рано вышла из употребления и потому редко встречается в музейных собраниях. Украшенные вышивкой насовки сарафанного типа первой половины XIX века – несомненная ценность коллекции смоленского музея.

В музее можно увидеть, из чего состояли традиционные головные уборы. Кичка с рогами из холста и бересты, которая надевалась под дорогой головной убор, придавала ему форму и предохраняла от загрязнений

Вышитая женская рубаха и сарафан из льняной домотканины. Поверх надет интересный фартук – сзади он застегивается на пуговицу, но имеет два декоративных «хвостика», на концах которых вышиты фигуры сидящих котиков

Льняные костюмы жениха и невесты и пояс, связывающий вместе будущих молодоженов

На юго-востоке губернии, ближе к территориям современных Калужской и Брянской областей, просватанные и замужние крестьянки носили понёвы. Они подпоясывали их плетеным пояском-гашником, но не на талии, а ближе к бедрам. При этом, выпущенная

из понёвы длинная рубашка об разовывала большой напуск – «пазуху», то есть «простор меж груди и одежи, над поясом» по Даю. «Худенькие смоленские крестьянки любили объем, – говорит Лариса Викторовна, – и старательно создавали его с помощью одежды. Ведь чем больше ткани пошло на наряд, тем зажиточнее считалась женщина». Вряд ли кто-то из наших современниц, выбирающих мод-

Маланья
Дмитриевна
Герасёва,
«в чапце
с хвостиками».
Ельниковский
уезд, деревня
Гнездилово.
Из коллекции
М.И. Погодина

ную одежду оверсайз, то есть большего размера, догадывается, что более ста лет назад манера одеваться подобным образом тоже была популярна. В музее «Смоленский лен» можно увидеть наглядные примеры того, как это было.

Жизнь смоленской крестьянки была полна забот и хлопот, но и радости в ней тоже присутствовали. Пора, когда девушка невестится, свадьба, рождение детей сопровождались определенными обрядами и особыми предметами. Так, по описанию хранителя народной памяти Якова

Бусы-крали
из бисера
и стекла на
льняной нитке.
Когда невесту
собирали
к венцу, на нее
«надевали много
краль, больше
десятка рядок
(ниток)»

Романовича Кошелева, «на Смоленщине был повсеместно распространен обычай вплетать в косу девушки «красоту», красную или розовую ленточку, — знак того, что девушка признавалась взрослой и что ей давалась «девяя жизнь» и «воля». Смолянки припевали: «Я девчонка распремрасна: // В косе ленточка атласна». Накануне свадьбы девушка прощалась с «красотой» — ленточки раздавались подругам.

После замужества молодуха надевала головной убор, полностью покрывавший волосы. В великорусской Смоленщине носили многосоставные рогатые кики, сороки, повойники, кокошники. В экспозиции музея показано, из каких частей они состояли, как украшались. Например, у популярной сороки сзади крепился красочный бисерный позатылень. Бисер на Смоленщине очень любили.

В конце XIX века головные уборы, бытовавшие с древности, все больше стали заменять фабричные платки. У смолянок даже появилась частушка: «Подари, милой, платок, // На котором есть цветок; // Теперь мода на платки: // Во всю голову цветки».

Мужские холщевые рубахи-косоворотки украшались вышивкой не менее обильно, чем женские. На Смоленщине бытовали названия рубах: «кожух», «тонёнка», «коленкорка», «льнянуха», «альяннина». В старину смолянки говорили, что «матерьялы разные, аж от ихнева рябиння глазы разбегаюца»

ДАР БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛИ

Поречский, Духовщинский, Смоленский, Краснинский, Рославльский и частично пограничные с ними уезды на юго-западе губернии входили в состав белорусской Смоленщины. В женском традиционном костюме здесь бытовали яркие многоцветные юбки-андараки с пришитым лифом — кабатом. Шерстяную или льняную широкую «юпку» (местные именно так произносили это слово) шили из пяти-шести полотнищ. Если их разложить и посчитать, получается около 2 метров ткани в ширину. «Женщину, которая носила андарак, называли андашница, — поясняет Лариса Викторовна, — что являлось синонимом слова «зажиточная», хорошая хозяйка. Ткани на юпку пошло много, значит, может себе позволить. А еще андарак придавал дополнительный объем, то есть показывал, что женщина не голодает, может лишний кусок съесть. Кроме того, андарак с кабатом — это такой костюм-трансформер. Имея несколько юпок и лифов к ним, по-всякому их сочетая, женщины могли с минимальным набором одежды всег-

Слева представлен льняной костюм белорусской смолянки из рубахи и передника «запона». Дополняют его набивной платок и бусы-крали

риса Викторовна, — что являлось синонимом слова «зажиточная», хорошая хозяйка. Ткани на юпку пошло много, значит, может себе позволить. А еще андарак придавал дополнительный объем, то есть показывал, что женщина не голодает, может лишний кусок съесть. Кроме того, андарак с кабатом — это такой костюм-трансформер. Имея несколько юпок и лифов к ним, по-всякому их сочетая, женщины могли с минимальным набором одежды всег-

Льняное полотенце
с благожелательной надписью
«Умывайся на здоровья,
тирайся на красоту»

да выплядеть по-разному». Есть в музее и особенная юпка, спиная уже по городской моде – с оборкой. Такой андарак называли «хвальбовник».

В уездах, тяготевших к белорусской культуре, где белорусы и великорусы дружно жили на одной территории, популярностью пользовались вышитые передники – по-местному «хвартуки». Часть передников из коллекции музея была собрана Марией Тенишевой в деревнях вокруг знаменитого села Талашкино. О них известный исследователь смоленского костюма Людмила Козикова писала: «Красиво, ярко оформлены фартуки этой местности. Часто 2/3 поверхности его снизу вверх занимают полосы геометрического орнамента от широких до узких вверху, исполненных ткачеством как в технике полотняного переплетения, так и бранного, перемежающегося с полосами вышивки. Праздничность, торжество красоты, феерия цвета в сочетании красного, белого, желтого и вкраплений синего, все создает «солнечный» колорит». Такие фартуки носили, чтобы подчеркнуть красоту костюма. Белорусские смолянки покрывали головы намётками – длинными льняными полотенцами, кон-

цы которых богато украшались кружевом, вышивкой, ткаными узорами, маҳрами. «Девичьи намётки были длиной около метра, их обвязывали вокруг головы просто как ленту, оставляя затылок открытым», – рассказывает заведующая музеем. – Длина женских намёток могла достигать 3 метров. Их не просто накручивали вокруг головы, скрывая полностью волосы, а создавали невероятные сложные композиции, так что намётка напоминала тюрбан». Смолянок в подобных головных уборах можно увидеть на знаменитых акварелях Федора Солнцева или фотографиях Михаила Погодина.

Девушки на выданье.
Ельгинский уезд.
Одеты в льняные рубахи с ткаными и вышитыми украсами, лапти с онучами и оборами.
На головах у них набивные платки повязаны «домиком» или «шалашиком»

СМОЛЕНСКИЕ УКРАСЫ

У народного костюма Смоленщины есть одна общая особенность: богатый декор. Как писала Екатерина Клетнова, «несмотря на то, что Смоленская губерния искони являлась губернией лесной, украшениями из дерева она совершенно не может похвастаться, <...> в нашей местности все орнаментальное народное творчество выразилось именно в шитых и тканых «украсах». Наиболее пышно украшались плечевые вставки женских рубах, так называемые «поляки» или «полики», а также «прошивки» полотенец. В белорусской части губернии больше бытовали украсы тканые, а в великорусской – вышитые.

Местные украсы, по определению Клетновой, отличала «абсолютная «двуличность», то есть не только известная чистота изнанки, но совершенная ее тождественность с лицом». Крестьянки называли такой прием «на оби бока». Другой характерной особенностью была «совершенная инкрустированность узора, причем «земля» (то есть фон) является осмысленно заполненной и дает такие же самостоятельные фигуры, как и сам узор». Традиционный, наиболее архаичный смоленский орнамент – строго геометрический. Ромбы, квадраты, треугольники, множество крестов – косых и прямых – выстраивались на холстах в ровные линии. Правда, крестьянки не ведали терминов геометрических фигур и называли их по-своему. Так, в «Смоленском областном словаре» за 1914 год, составленном этнографом Владимиром Николаевичем Доброльским, упоминается, что «в Тананыкине и с. Прышца девушки вышивают и вытыкают следующие узоры: 1) казельчики, 2) заячьи ушки, 3) вароны глазки, мудрёнка, 4) кресты, 5) клины, 6) лапки, <...> 10) копейки, 11) пустые копейки». Веками повторявшиеся традиционные узоры изначально имели сакральный смысл. Но к началу XX века, по словам Ларисы Викторовны, «значение симво-

лов было утрачено. Крестьянки уже не могли объяснить, почему они вышивают тот или иной узор, говорили, что так вышивали мама, бабушка, испокон веку так вышивали. Да и само слово «украсы» употребляли уже только очень пожилые женщины». Искусствовед Сергей Маковский, описывая то время, заметил, что «народ бессознательно хранит сокровище этих первичных форм, этих рисунков – зародышей красоты, неподражаемых и вечных как его судьба».

В начале XX века в ходу уже были узоры растительные, вплоть до псевдонародных брокаровских. К тому же крестьянки необычайно полюбили занятия каллиграфией на холсте, то есть вышивали крестиком отдельные буквы, фразы, цифры. Нередко это были добрые пожелания: «Утирайся на красу, умывайся на здоровье».

В музее рассказывают, что вышивальщицы не всегда были грамотными и нередко воспринимали буквы просто как красивые фигуры, могли расположить их в виде узора. Этим объясняется наличие ошибок в словах. Популярная для вышивки фраза «кого люблю, тому дарю» могла превратиться в «кого люблю, тому раю». Для детей в музее проводят интереснейшую экскурсию-квест «Азбука на холсте», предлагая отыскать в музейной экспозиции предметы с надписями.

Вышитые на холсте буквы и слова в руках крестьянок могли превратиться в орнамент, но, как писал Сергей Маковский, и сам «народный орнамент – слова, из которых слагается язык народного искусства».

«В ВЕЩАХ ХРАНЯТСЯ ЖИЗНИ ПОКОЛЕНИЙ»

Ниточка из прошлого тянется через всю экспозицию музея «Смоленский лен» – из тех времен, когда смоленские крестьяне выращивали лен, пряли, ткали, вышивали, своими руками и талантами преображали быт красотой. Видна здесь и нить отдельной крестьянской жизни, которая сплетена из главных моментов бытия: рождения, свадьбы, упо-

Полотенце с изображением Георгия Победоносца. Вышивала Феодосия Григорьевна Пастушенкова. 1898 год, февраль

коения. Каждый из них сопровождался обрядовыми льняными полотенцами с вышивкой или ткаными узорами.

«Сотканное полотенце для наших предков было символом человеческой жизни, – поясняет Лариса Захаренкова. – Наиболее древние экземпляры из музейной коллекции заканчиваются бахромой, или, как говорили смоленские крестьянки, «бухмурой», то есть незафиксированными нитями основы. Потому что полотенце – это твоя судьба, и, по древним поверьям, его нельзя обрезать,

к нему ничего не должно пришиваться, иными словами, нельзя вносить в судьбу какие-то изменения. И тогда будет твоя жизнь равная, спокойная, без несчастий и потрясений». Однако постепенно «преданья старины глубокой» уходили в прошлое, и смолянки полюбили пришивать к краям полотенец нарядные полоски кумача, связанное вручную или фабричное кружево.

Особо искусно декорировались полотенца, используемые для украшения избы и висевшие в красном углу на иконах. Как го-

Праздничными полотенцами украшали избу. При ширине около 40 сантиметров их длина составляла от 1 до 5 метров. Полотно для них было высокого качества, из тонких нитей

ворили крестьянки, «набожники дужа ръзгаристыи были». Этот обычай не забыт и сегодня. Он зафиксирован сотрудниками музея, которые регулярно отправляются в этнографические экспедиции по области.

Ни одна смоленская свадьба не обходилась без обрядовых полотенец. На полотенце – «подножку» – становились молодые во время венчания. Тонко выткаными и украшенными искусствой вышивкой полотенцами одаривала невеста семью жениха. По ним проверяли ее мастерство, рукодельница ли она. Полотенца «расшивали», то есть вышитые, надевали через плечо дружки жениха и подружки невесты. Отголосок этой традиции остался и в современных свадьбах в виде ленты со словом «свидетель».

Выставлено в музее и богато декорированное ритуальное полотенце – поминальное. «Когда человек умирал, полотенце сорок дней висело на его доме, на окне, – рассказывает Лариса Викторовна. – Такие полотенца очень часто вешали на кресты в день поминания усопших – Радоницу. В деревнях поближе к Белоруссии эта традиция сохранилась до сих пор. Только полотенца уже не тканные вручную, не льня-

ные, а чаще покупные синтетические или просто вырезанные куски тюля».

В 1903 году Мария Тенишева писала: «Старинные крестьянские костюмы нашей губернии очень красивы, но, к сожалению, на них «прошла мода», как говорят бабы, их уже не носят теперь, все больше и больше заряжаясь городскими фасонами из скверных фабричных ситцев. Однако у старух сохраняются еще по сундукам все принадлежности старинного убора...» Начиная с княгини, коллекционеры, а затем и музейные сотрудники собирали и старались сохранить для истории то, что стремительно «уходило из моды» на рубеже веков, то, что составляло наследие их малой родины.

Смоленск соединяет в себе древнее прошлое и энергию будущего

Музейные сотрудники многое делают для того, чтобы не прервалась связующая нить веков и поколений

По выражению Екатерины Николаевны Клетновой, изучение культурного наследия своего народа «развивает любовь к родному краю, взлелеявшему и вынищившему нередко целые поколения дедов и прадедов наших, к этой именно колыбели, к которой большинство совершиенно равнодушно. Между тем только лишь одна эта любовь способна выработать того настоящего гражданина, который нам был всегда желателен, а теперь особенно необходим». В 1918 году этнограф искренне считала, что «незнание своего края и своей истории является в наше время предосудительным для каждого гражданина», тогда как знание родных мест «сделает нас более богатыми духовно и более счастливыми».

Спустя сто лет эти слова не потеряли актуальности. В Смоленском музее-заповеднике и его отеле «Смоленский лен» память о дедах и прадедах трепетно берегут, родное и близкое продолжают любовно собирать, скрупулезно изучать, знакомить с ним и местных жителей, и туристов, и заезжих московских журналистов. Нить, связывающая прошлое и будущее, не должна оборваться...

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ XVI ВЕКА

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ – ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ ПРОШЛОГО,
СПОСОБНЫЕ МНОГОЕ РАССКАЗАТЬ ВНИМАТЕЛЬНОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ.
НЕСЛУЧАЙНО НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ ПИСАЛ,
ЧТО «АРХИТЕКТУРА – ТОЖЕ ЛЕТОПИСЬ МИРА: ОНА ГОВОРИТ ТОГДА,
КОГДА УЖЕ МОЛЧАТ И ПЕСНИ, И ПРЕДАНИЯ».

УБЕДИТЬСЯ В ЭТОМ можно на выставке «Тайны соборов эпохи Ивана Грозного» в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры имени А.В. Щусева (МУАР). Здесь демонстрируются экспонаты из коллекций Государственного исторического музея, Тверского государственного объединенного музея, музея «Ростовский кремль», Московского государственного объединенного музея-заповедника, архива Института истории материальной культуры РАН, Российской государственной библиотеки и самого МУАР. В пространстве Анфилады представлены фотографии, рисунки, чертежи, иконы, фрески, детали и макеты храмов.

Название выставки интригует. Иван IV – один из самых интересных и противоречивых са-модержцев России, неслучайно историки до сих пор расходятся в оценках итогов его правления. С одной стороны, ему ставят в заслуги реформы системы государственного управления, расширение торговых и культурных связей со странами Европы и Азии, прекращение феодальной усобицы, ликвидацию остатков Золотой Орды, присоединение новых земель, почти вдвое увеличивших территорию Русского государства. С другой – упрекают за бесчинства опричнины, разгром Великого Новгорода, террор, развязанный против некоторых боярских родов, Ливонскую войну. К этому не-

редко добавляют и убийство царем собственного сына – Ивана Ивановича, однако никаких неоспоримых доказательств этого нет.

Но стоит также напомнить, что именно при Иване Грозном в Москве был основан Печатный двор, а по его прямому приказу был создан уникальный Лицевой летописный свод. Не говоря уж о том, что мы до сих пор любимся шедеврами храмовой архитектуры, созданными во время правления Ивана Васильевича.

СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ

Архитектура немыслима без традиций и преемственности, без синтеза старых и новых стилей, школ, материалов и технологий. Так что вполне логично экспозиция начинается с рассказа о соборах, построенных во время правления деда и отца Ивана Грозного – Ивана III и Василия III. Это храмы, возведенные псковскими и итальянскими зодчими в конце XV – начале XVI века.

Нужно заметить, что в XV веке в русской архитектуре еще господствует тип раннемосковских одноглавых храмов с большим широким барабаном, подчеркнутым несколькими рядами килевидных закомар. Если прежде закомары строили в один ряд, то теперь храмы украшают несколько их рядов. При этом верхние закомары уже не имеют структурной функции, став декоративным украшением, называемым «кошниками».

Но в конце того же, XV века на Руси начинают работать европейские зодчие. И здесь

уместно вспомнить об истории строительства Успенского собора Московского Кремля. После страшного пожара 1470 года старый Успенский собор Кремля, построенный еще в XIV веке, при Иване Калите, нуждался в перестройке. Возвести новый храм Иван III поручил артели под руководством псковских мастеров Кривцова и Мышикина, позже построивших в Кремле Благовещенский собор и церковь Ризоположения. Торжественная церемония закладки собора в Кремле состоялась в 1472 году. За образец для Успенского собора в Кремле был выбран белокаменный Успенский собор древнего Владимира, построенный в 1158–1160 годах по приказу князя Андрея Боголюбского и спустя тридцать лет расширенный князем Всеvolodom Большое Гнездо.

Но когда зодчие возвели кремлевский Успенский собор до сводов, он рухнул. Согласно летописям, произошло это во время землетрясения 20 мая 1474 года.

Также выяснилось, что при возведении собора известняка «не клеевита да камень не тверд». Тогда, по совету своей супруги Софии Палеолог, Иван III отправил в Италию послана Семена Толбузина, приказав привезти оттуда опытного архитектора. Так в Москве появился Аристотель Фиораванти, который и возвел Успенский собор в 1475–1479 годах. Сохранив общие черты выбранного в качестве образца владимирского храма, итальянец создал нечто совершенно новое. Прежде всего это относилось к внутреннему пространству собора: свободного, единого и доступного для обозрения из любой точки нефа. Несмотря на то, что здание было построено из тесаных блоков белого камня (с включением кирпичных элементов – сводов, столпов, барабанов и т.д.) на мощном фундаменте с дубовыми сваями, оно производит впечатление легкости и устремленности ввысь. Этот эффект был достигнут благодаря использованию совершенно новых для русской ар-

Панорама
Александровской
слободы.
Литография.
1883 год

Церковь
Вознесения
Господня
в Коломенском.
Реконструкция
в цвете.
1940 год.
В.Н. Подключ-
ников

хитектуры приемов: крестовым сводам одинаковой высоты, круглым колоннам, а также металлическим связям для укрепления стен и сводов. Как отмечают специалисты, в облике собора гармонично слились традиции домонгольских соборов, а также элементы романского и ренессансного стилей.

Иными словами, работавшие на Руси в конце XV – начале XVI века итальянские мастера оказали серьезное влияние на развитие русской архитектуры: были усвоены новые строительные приемы с использованием в конструкциях металлических связей, появил-

ся позднеготический и ренессансный декор на фризах и порталах, причем не только из камня, но и из терракоты.

Иван Васильевич, родившийся в 1530 году, с детства впитывал эту обновленную эстетику – его дворец в Александровской слободе, как и стены и башни Московского Кремля, были построены итальянцами. А церковь Вознесения Господня в Коломенском, по преданию заложенная Василием III во время моления о даровании сына, также была возведена итальянцем – Петром Анибале. Она была освящена в 1532-м, а через год Василий III скончался. Регентом при мало-

летнем Иване стала его мать Елена Глинская, но она скончалась при неясных обстоятельствах в 1538 году.

Время взросления оставшегося сиротой Ивана IV – это возврат к старым архитектурным традициям раннемосковских храмов и отсутствие следов работы итальянских мастеров. Малолетний великий князь не был заказчиком строительных работ, на местах этим занимались монастыри, духовенство, бояре, купцы. Архитектура по частным, а не государственным заказам была довольно разнообразна и стилистически неоднородна. При этом дорогое каменное строительство мог себе позволить далеко не каждый заказчик. Строили в основном из дерева, а частые пожары регулярно уничтожали эти постройки...

16 января 1547 года Иван Васильевич венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля. В истории Русского государства началась новая эпоха. Иван IV созвал первый Земский собор, сформировал стрелецкие войска, провел реформу государственного управления, утвердил новый свод законов. Москве покорились Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, в 1557 году бей Ногайской Орды признал себя вассалом Ивана Грозного. Столь серьезные достижения государства не могли не отразиться в искусстве, ведь просвещенный государь знал наизусть Библию, играл в шахматы, много читал, вел переписку с английской королевой Елизаветой I и другими европейскими монархами, писал стихиры. Он же создал в Александровской слободе первую школу хорового пения, куда привлек лучших распевщиков, сочинителей и музыкантов. В 1564 году в Москве на основанном Иваном Васильевичем Печатном дворе была напечатана первая русская книга – Апостол. А в 70-е годы XVI века появился богато иллюстрированный Лицевой летописный свод («Царь-книга»), излагающий события мировой и русской истории.

ОБРАЗЦЫ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Реализация первых серьезных архитектурных проектов Ивана Грозного относится к середине 1550-х годов. Современные исследователи выделяют время правления Ивана IV как особый этап в истории русской архитектуры, когда она интерпретируется с новых позиций – и композиционно, и конструктивно, и стилистически. Возобновляется строительство пятиглавых соборов, копирующих в меньшем масштабе Успенский собор Московского Кремля. Но параллельно возводятся и традиционные одноглавые четырехстолпные церкви, храмы «иже под колоколы», бесстолпные с крестовыми сводами храмы, а также уникальные шатровые церкви. Сложился и новый тип сооружений – многограничный (многопрестольный) храм: единый комплекс с несколькими приделами, посвященными разным святым. Постепенно в разнообразии конструктивных и образных решений стали проявляться индивидуальные черты: храмовой постройке позволительно иметь «свое лицо», какие-то оригинальные детали. Поэтому для современных исследователей почти в каждом памятнике эпохи Грозного нередко кроются тайны...

В XVI веке на Руси начинают строить уникальные каменные шатровые храмы, аналогов которым нет ни в одной другой стране. До сих пор идут споры о том, какой из них был первым. Высказываются предположения, что это могли быть часозвония Новгородского детинца, церковь Алексия, митрополита Московского Чудова монастыря в Московском Кремле или Покровская церковь в Александровской слободе. Традиционно же первым шатровым храмом считается церковь Вознесения Господня в Коломенском. Она принималась за образец шатровых храмов и оказала большое влияние на русское зодчество. Неслучайно шатровым храмам посвящен отдельный зал экспозиции. Здесь представлены рисунки и

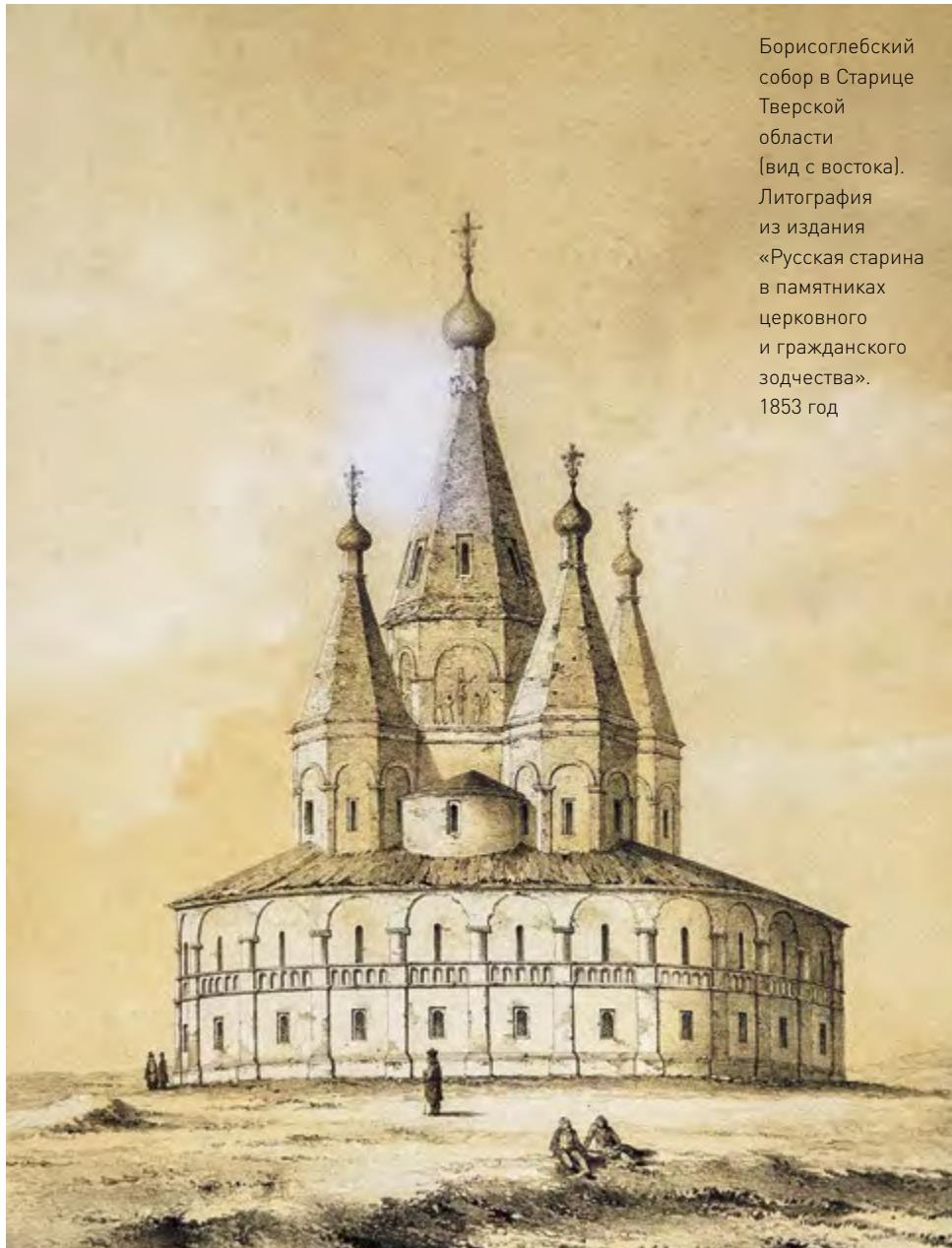

Макет церкви
Козьмы
и Дамиана
в Муроме.
И.Ф. Барщевский

Духовская
церковь Троице-
Сергиевой лавры
(1476–1477).
Западный фасад.
Яркий пример
церкви «иже под
колоколы».
1961 год.
В.И. Балдин,
Н.А. Баулина

чертежи, позволяющие понять, как выглядели эти церкви, изучить их строение в разрезе, чтобы уяснить основы их конструкции. Это церкви середины XVI века постройки, находящиеся за пределами Москвы: Успенский Брусянский монастырь в Коломне, церковь Воскресения Христова в селе Городня, церковь Спаса Преображения в селе Остров, храм Козьмы и Дамиана в Муроме. В Преображенской церкви заметна рука псковских мастеров, а участие в строительстве храма Козьмы и Дамиана явно принимал какой-то европейский зодчий.

Распятие с предстоящими.
Керамическая икона из Борисоглебского собора в Старице Тверской области. 1561 год. ГИМ

Вообще, география представленных на выставке экспонатов обширная. Благодаря кропотливым исследованиям и реконструкциям здесь можно увидеть планы, изображения и макеты древних зданий в их первоначальном виде. Ведь многие из них были искажены поздними переделками или вовсе исчезли. Одна из жемчужин выставки – Борисоглебский собор в Старице, построенный в 1558–1561 годах по заказу Владимира Андреевича Старицкого – одного из последних удельных князей и двоюродного брата Ивана Грозного. В 1803 году храм, сильно пострадавший в Смутное время, был разобран из-за ветхости. В 1808–1816 годах на его месте поставили новый Борисоглебский собор, но уже в актуальном в то время стиле классицизма. Да и можно ли было тогда отреставрировать или воссоздать первоначальный храм, если и по сей день архитекторы не понимают, как такое сооружение можно было построить? На выставке в МУАР представлен ряд графических изображений и деревянный макет Борисоглебского собора, которые появились благодаря сохранившимся

Спас Нерукотворный.
Керамическая икона из Борисоглебского собора в Старице Тверской области.
1561 год. ГИМ

шимся ранним чертежам, планам, литографии и археологическим исследованиям 1903, 1944, 1977 и 2004 годов. Что же в нем примечательного? С центральным одноглавым шатровым храмом объединили пять малых сопредельных церквей, также увенчанных шатрами. Собор имел высокий подклет и арочную галерею, украшенную резьбой. От храма спускались несколько парадных лестниц, и есть мнение, что южный лестничный пролет шел прямо до дворца князя.

Этот храм ставит перед исследователями вопросы, которые пока остаются без ответа. Как на сводах западной паперти могли уместиться шатровые объемы? Включал ли изначальный замысел все пять шатров или изначально храм проектировался трехшатровым, а в процессе строительства прибавились еще два шатра? Имел ли Иван Грозный непосредственное отношение к созданию этого храма?

Еще одна загадка – уникальное и роскошное украшение фасадов Борисоглебского собора из поливных полихромных изразцов. Плитки с замысловатым растительным орнаментом и керамические иконы опоясывали храм. Два составных панно, когда-то украшавших восточный фасад Борисоглебского собора, можно увидеть на выставке в МУАР. Уникальные многоцветные фасадные керамические иконы «Распятие с предстоящими» и «Спас Нерукотворный» созданы в 1561 году. Поражает то, что за прошедшие века не поблекли ни цвета, ни глянец глазури этого хрупкого чуда. Подобные многофигурные керамические изделия такого большого размера и отменного качества даже сегодня сложно изготовить. Исследователи предполагают, что в Старице в XVI веке находилась единственная в стране керамическая мастерская, где умели делать такие иконы...

Иногда шатровые конструкции включались в композиции многоприделльных храмов. Один из таких примеров – Богоявлен-

Богоявленский собор Авраамиева монастыря в Ростове Великом. Западный фасад. 1960 год. В.С. Баниге, Э.К. Дворжецкая

ский собор Авраамиева монастыря в Ростове Великом, возведенный в 1553–1555 годах по приказу Ивана Грозного. Это любопытная асимметричная композиция: на высоком подклете стоит четырехстолпный пятиглавый храм с разными по формам угловыми приделами с юго-востока и запада. Главной его загадкой являлся юго-западный придел с разрушенной шатровой колокольней: какого диаметра был барабан, как располагались колокола? И почему различаются формы приделов храма? Решение в 1960 году предложил советский архитектор-реставратор Владимир Баниге. В ходе исследований выяснилось, что шатровая колокольня была надстроена только в XIX веке. То есть средневековые мастера в

данном случае не стали усложнять и без того громоздкую композицию...

Кстати, с именем Владимира Баниге связана удивительная история. В августе 1953 года на Ростов Великий, чьи архитектурные памятники серьезно пострадали в годы антирелигиозной политики и немецкой оккупации, обрушился ужасающий смерч. Больше всего пострадал Ростовский кремль, многим тогда казалось, что восстановить его уже невозможно. Но коллектив реставраторов под руководством Владимира Баниге за четыре года работы исторически точно воссоздал кремлевские стены и башни, Успенский собор, «ионинскую» звонницу, Белую и Красную палаты и другие здания Ростовского кремля.

Н.Е. Маковский.
Церковь
Усекновения
главы Иоанна
Предтечи
в Дьякове.
1872 год

Макет церкви
Усекновения
главы Иоанна
Предтечи
в Дьякове.
И.Ф. Барщевский

ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ ЭПОХИ

Именно в правление Ивана IV складывается новый архитектурный тип – многогранная церковь. Одним из таких шедевров является храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове, построенный, вероятно, в 60-е годы XVI века. Ранее ученые полагали, что именно он послужил точкой отсчета для рождения конструктивного замысла собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, который мы чаще называем храмом Василия Блаженного (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2015 год, статья «Чудо чудное, диво дивное»). Однако доктор искусствоведения, научный руководитель выставки в МУАР Андрей Баталов уточнил, что храм в Дьякове возведен все-таки позже Покровского собора. То есть нужно говорить об обратном влиянии. А путаница возникла потому, что долгое время была неизвестна точная дата возведения собора на Красной площади. И лишь в XX веке во время реставрационных работ была вскрыта храмозданная надпись: торжественное освящение проведено митрополитом Макарием в присутствии государя и его сыновей 29 июня (12 июля по новому стилю) 1561 года. Причем было найдено несколько таких надписей, сделанных на разных поверхностях храма. Однако собор, ставший главным символом Москвы, хранит еще немало тайн. И будут ли они когда-нибудь разгаданы – неизвестно. Ведь у нас нет письменных источников, датирующихся временем его строительства. Бумаги могли погибнуть в пожаре или, возможно, до сих пор просто не обнаружены. Существуют лишь косвенные упоминания о зодчих и строительстве собора в текстах, написанных спустя многие десятилетия после строительства: в Житии митрополита Ионы (конец XVI в.), в «Пискаревском летописце» (начало XVII в.) и в «Сказании о перенесении чудотворного образа

Николая Чудотворца» (конец XVII – начало XVIII в.). В последнем говорится, что царь после взятия Казани «вскоре поставил церкви древяны, седмь престолов, иже быти окрест османо- большого престола, церкви каменный, близ мосту Фроловских ворот надо рвом. И потом дарова ему бог дву мастеров русских, по реклу Постника и Барму, и быша премудрии и удобни таковому чудному делу».

Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву был обетным. Такие храмы строились в знак благодарности за спасение, или с просьбой об исполнении желания, или в знак искупления. Известно, что, отправляясь в поход на Казанское ханство, Иван IV прилюдно поклялся, что в случае победы поставит храм в благодарность за Божью помощь. В середине XVI века «Казанский летописец» так передает обет Ивана Васильевича в Успенском соборе Кремля: «И положи завет з Богом (въ) церкви, перед иконою Спасовою, глагол: «владыко царю, человеколюбче, аще ныне погубиши враги моя Казанцы и предадиси ми град их Казань, то воздвигну святыя церкви в нем, во славу и похвалу пречистому ти имени и православие утвердити хощу...» Перейдя в Архангельский собор, царь продолжил молиться: «Близ ту стоящу церковь великого чинонаачалника архиистратига Михаила, в нем же храме лежат умерши родители его и прародители, и ту молебная пев небесному Христову воеводе и у гробов родителях своих и прародителях простишся...»

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву строят буквально в сотне метров от Кремля, у Фроловских ворот (во второй половине XVII в. переименованы в Спасскую башню), за Алевизовым рвом. Красной площади как таковой тогда еще не было, место это называлось «Торг» или «Пожар». Почему именно здесь? Дело в том, что как раз на этом месте первый обетный храм поставил

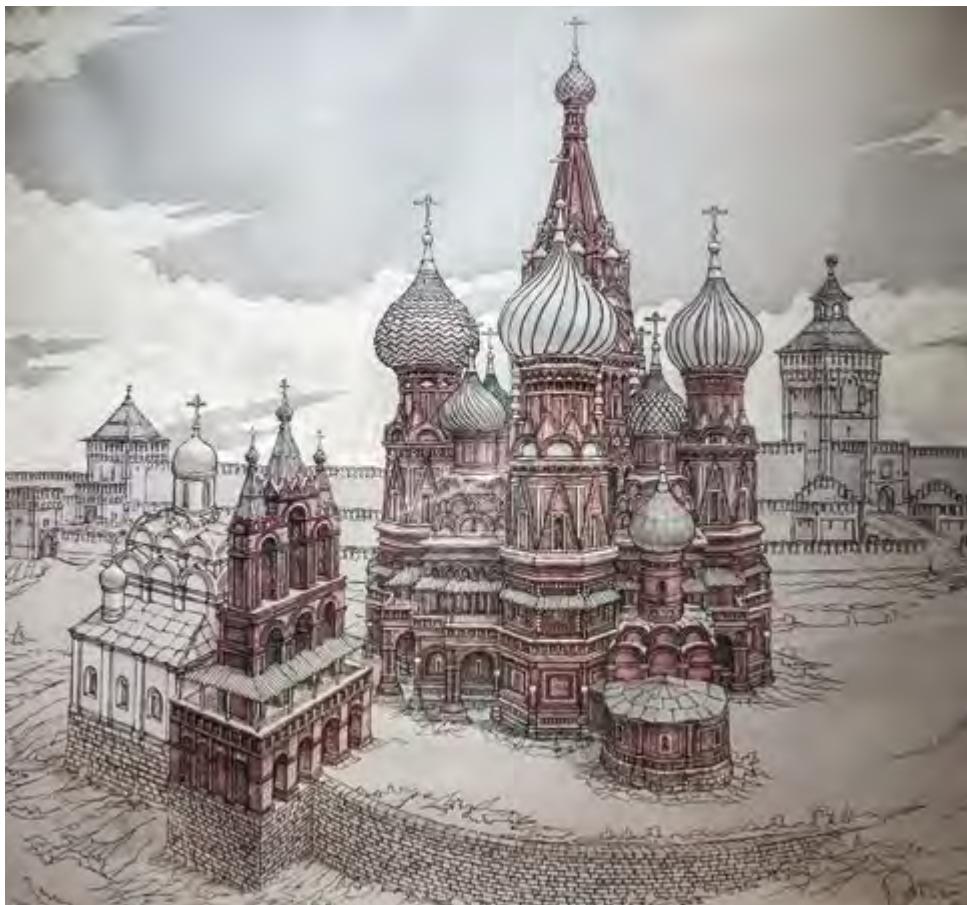

отец Ивана Грозного – Василий III. Это была церковь во имя Происхождения Честного Креста Господня, возведенная великим князем после взятия Смоленска в 1514 году.

Главная загадка собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву – его архитектурное решение: в первоначальном виде храм в плане являет восьмиконечную звезду. Вокруг цен-

тральной церкви точно по сторонам света выстроены четыре большие церкви, а между ними – четыре малые (позже к собору были пристроены церкви Василия Блаженного и Иоанна Блаженного, колокольня и два крыльца). Никаких прообразов или прототипов этого собора в русском зодчестве нет. И это действительно удивительно.

Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву. Разрез по центральной оси север-юг. 2015 год.
В.А. Рябов

Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву. Реконструкция на середину XVII века. 2015 год. В.А. Рябов

Нет ясности и с мастером или мастерами, возводившими Покровский собор. В письменных источниках упоминаются то зодчие Барма и Постник, то «Барма с товарищи». Некоторые исследователи считают, что Постником летописи называют Постника Яковлева – псковского мастера, работавшего в том числе в Казани, и что именно он вместе с Бармой возводил Покровский собор. Другие уверены, что Постник Яковлев и Постник, работавший в Москве, это разные зодчие. Третьи

считают, что Барма и Постник – это один и тот же человек... И это еще не все. Довольно скоро распространилась легенда о том, что после окончания работ Иван Грозный приказал ослепить мастеров (или мастера?), чтобы нигде и никогда не был построен еще один такой удивительный храм. Впервые она появилась в «Описании путешествия в Московию» Адама Олеария, побывавшего в России дважды – в 1634 и 1636 годах. Легенда эта не выдерживает никакой критики: бессмысленно

калечить опытного и талантливого мастера, чьи услуги наверняка стоили недешево. Кстати, ни в одной из уже упоминавшихся выше летописей нет ни слова о том, что царь приказал ослепить зодчих или зодчего.

На выставке в МУАР Покровскому собору уделено самое значительное место в экспозиции, здесь он явно представлен как главный архитектурный символ эпохи Ивана Грозного. Великолепные масштабные графические панно современного архитектора-реставратора, члена Творческого союза художников России Владислава Рябова детально показывают храм во всех ракурсах и разрезах. Развернута подробная история строительства и перестроек храма, а также изменений его внутреннего убранства во второй половине XVI и XVII века.

Необычайная красота этого архитектурного памятника поражает. Одна из его удивительных особенностей – переменчивость архитектурных пространств, форм и росписей. Богатая настенная живопись изобилует диковинными растениями и цветами, которые создают прообраз райского сада. Десятки тысяч разноцветных изразцов поливных плиток появились здесь в XVII веке, и большинство из них не декоративные, а укрывные – для черепичных шатров и куполов церквей.

Покровский собор – одна из самых узнаваемых «визитных карточек» не только Москвы, но и всей России. Еще в 1840-е годы немецкий путешественник Иоганн Генрих Блазиус отмечал, что это «ультранациональное архитектурное произведение, которое является полный смысла образцовый порядок и правильность».

Вероятно, всех тайн не только архитектуры эпохи Грозного, но и далекой от нас эпохи великого русского царя Ивана Васильевича мы никогда не узнаем. Но столь богатое, интересное и неповторимое наследие того времени вызывает истинное уважение к его создателям...

Фрагменты храмозданной надписи собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву (храм Василия Блаженного). 1683 год. ГИМ

ПРИЮТ ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНИЯ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

«АКАДЕМИЧЕСКУЮ ДАЧУ» ЛЮБИЛИ ИЛЬЯ РЕПИН, ИСААК ЛЕВИТАН, ВИКТОР ВАСНЕЦОВ И ДРУГИЕ ИЗВЕСТНЫЕ РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ. В ЭТОТ УГОЛОК ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ, ЧТО В 8 КИЛОМЕТРАХ ОТ ВЫШНЕГО ВОЛОЧКА, СТРЕМИЛИСЬ ПОПАСТЬ И СОВЕТСКИЕ ЖИВОПИСЦЫ, НО ДОСТУПНА ОНА БЫЛА ТОЛЬКО ИЗБРАННЫМ. МЫ РЕШИЛИ УЗНАТЬ, КАК ЖИВЕТ СЕГОДНЯ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДАЧА», ВДОХНОВЛЯВШАЯ НЕ ОДНО ПОКОЛЕНИЕ ХУДОЖНИКОВ.

«Д

УША РОССИИ! Земля обетованная для художников!» – воскликнул Илья Репин, пораженный красотой окружающих пейзажей. Считается, что с этих слов и началась история «Академической дачи» или «Академички», как ее между собой называют художники. С высокого холма открывался замечательный вид.

В зеркальной глади озера Мстино отражались неспешно плывущие по небу облака. Спокойно несла свои воды река Мста. На другом ее берегу из-за верхушек деревьев выглядывало Александровское – имение купца первой гильдии Василия Александровича Кокорева. К нему в гости и приехал Илья Репин. Один из богатейших людей Российской империи, меценат Ва-

силий Кокорев был ценителем искусства, почетным членом Академии художеств и крупным коллекционером. Для хранения своего собрания он построил здание, где в январе 1862 года открылась первая Московская публичная картинная галерея или, как ее еще называли, Кокоревская галерея. В его коллекции были произведения художников как русской, так и западноевропейской школы, в том числе Карла Брюллова, Ивана Айвазовского, Алексея Боголюбова, Василия Тропинина и других живописцев. Позднее, когда Кокорев столкнулся с финансовыми затруднениями, он продал картины и скульптуры Министерству императорского двора и другим крупным коллекционерам. А пока, прогуливаясь по берегу озера Мстино, Кокорев и Репин задумали обустроить резиденцию для летней практики студентов Академии художеств.

ИЗ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Приезжал ли Репин в эти места зимой, неизвестно. Скорее всего, нет. В противном случае у нас был бы еще один этюд или картина великого художника: он бы просто не устоял перед возможностью запечатлеть такой прекрасный зимний пейзаж. Вокруг торжественно и тихо. Снега еще много, им покрыты и деревья, и даже высохшие метелки камышей. Взлетела птица, осыпая с ветки серебристую пыль. Заснеженное озеро Мстино испещрено цепочками следов. Петляя, они упираются в лунки, над которыми застыли рыбаки. Ближе к устью реки заметны приметы наступающей весны: лед желтеет, становится тоньше, его кромка погружается в черную воду и постепенно тает в ней. «Туда не ходите, опасно, недавно еле вытащили одного», – кричат рыбаки. Вокруг озера и у кромки леса стоят с мольбертами художники. Тропинка в снегу петляет вдоль

Озеро Мстино или Мстинское водохранилище, как его еще называют, является частью Вышневолоцкой водной системы

В 2004 году на здании музея была установлена мемориальная доска в память Василия Кокорева

берега и поднимается в гору – к музею и крытой летней беседке, похожей на терем с резными наличниками. Музей – это самая старинная постройка на «Академичке». Уютный розовый деревянный дом напоминает поместью усадьбу. Чуть ниже установлен якорь – памятный знак, посвященный Вышневолоцкой водной системе и ее создателю Михаилу Сердюкову (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2016 год, статья «Междуречье Цной и Тверцой»). Считается, что он-то и построил для себя на горе этот дом. Конечно, тогда он выглядел иначе. Недалеко от знака стоят лавочки и мангал – здесь любят проводить время художники. Когда-то напротив них был установлен деревянный бейшлот, или Мстин-

ский шлюз. В ожидании прохода перед ним собирались десятки судов. На берегу теснились постояльные дворы, трактиры. Это место тогда называлось «городком, что при Мстинском шлюзе». Вокруг кипела жизнь...

Дом Сердюкова был деревянным, но его называли «каменным», потому что стоял он на каменном фундаменте. Пишут, что, когда рыли каналы Вышневолоцкой водной системы, в нем жил Петр I. Во времена своего путешествия из Санкт-Петербурга в Москву в 1785 году в нем отобедала Екатерина II, наблюдая, как мимо идут караваны судов. Императрица приказала заменить деревянный шлюз на гранитный и перенести его на 2 километра. Если пройти влево вдоль берега, то плотину можно увидеть и сейчас.

После открытия железной дороги, которая частично дублировала водную систему, надобность в последней отпала, и эти места пришли в запустение. Потомок времени полностью снесло «городок при Мстинском шлюзе», оставив от него лишь один «островок» – полуразрушенный дом Михаила Сердюкова. Но благодаря Василию Кокореву этот «островок», свидетель XVIII века, до сих пор на плаву.

ТОЧКА ПРИТЯЖЕНИЯ

Академия арендовала на берегу озера Мстино, у истока реки Мсты, 40 десятин земли с находящимися на ней постройками, получив их затем в бессрочное пользование. Кокорев на свои средства отремонтировал строения, и 22 июля 1884 года на дачу приехали первые семь студентов. Ее называли Владимиро-Мариинским приютом в честь президента Академии художеств, великого князя Владимира Александровича, и его жены Марии Павловны.

Через три года налетнюю практику во Владимиро-Мариинский приют приехало уже более 30 учащихся. В бывшем доме Сердюкова оборудовали скромные, но уютные спальни. Рядом Василий Александрович построил деревянный флигель, где разместили столовую, помещение для занятий музыкой и пением, библиотеку, мастерские.

Студенты жили на даче бесплатно. Десяти из них пребывание оплачивал Кокорев. На содержание остальных академия выделяла по 20 рублей на каждого плюс по 5 рублей на краски, кисти, бумагу и холсты.

На «Академичку» приезжали Архип Куинджи, Валентин Серов, Исаак Левитан, Николай Перих, Виктор Васнецов, Николай Богданов-Бельский и другие известные живописцы. Начинающие и уже признанные художники работали на пленэрэ рядом. Студенты наблюдали за тем, как творили мастера, и учились у них. После работы много гуляли, играли в крокет или катались

В новых корпусах созданы все условия для комфортной работы художников

на гигантских шагах (круглая карусель, в центре которой стоял высокий толстый столб, на верхушке его крепились канаты, концы которых заканчивались петлей. В петлю усаживались и, крепко держась за канаты, разбегались и, поджав ноги, летели по кругу. – Прим. ред.). Порой, прихватив с собой гитары и нехитрую снедь, все садились в лодки, закупленные Кокоревым,

Художники готовят свои керамические изделия для дровяного обжига в печи «Булочка». Во время обжига они ее непрерывно топят в течение двух-пяти дней

и отправлялись на небольшой живописный остров на озере Мстино. Кстати, именно там Архип Куинджи отметил свое пятидесятилетие. Поэтому его стали называть «Островом Куинджи».

В Доме творчества и в наши дни регулярно проходят пленэры и мастер-классы известных художников

ВОСЬМИГРАННИК

Справа от музея, спрятавшегося за соснами и елями, на самой верхушке горы стоит видный издалека летний павильон-терем. Открываем двери и... будто попадаем в иное измерение. Где мы – на сцене, в кино или в сказке? Красные, желтые, синие солнечные лучи пробиваются сквозь красочные витражи и, словно театральные

софиты, освещают стоящий в центре длинный деревянный стол. Красная вазочка на нем светится в лучах света. Цветные солнечные зайчики прыгают по стенам и полу. Не зря этот павильон любят кинематографисты. Его построили в 1885 году к приезду великого князя Владимира Александровича и его супруги Марии Павловны. Поэтому его

витражи
в павильоне
сделаны
по просьбе
Марии Павловны,
супруги
президента
Академии
художеств
великого князя
Владимира
Александровича

называют «великокняжеским», а еще – «восьмигранником» из-за его формы.

Терем этот был построен по проекту архитектора Василия Кенеля. Причем тверские мастераозвели его всего за 10 дней. Предполагалось, что велико-княжеская чета будет отдыхать в нем после прогулки. Позднее павильон использовали для богослужений, для общих сборов и приемов. В нем пел Федор Шаляпин. А Репин даже как-то устроил здесь танцы, но его попросили впредь этого не делать. Правда, в советское время художники подхватили его начинание: проводили в павильоне дискотеки с местными колхозницами. В нем размещался клуб, проходили застолья, творческие вечера.

Здание сохранилось фактически в том виде, в котором его видели Репин, Левитан и другие знаменитые мастера. А вот дореволюционные интерьеры утрачены. После 1917 года Императорскую Академию художеств закрыли. На «Академической даче» сначала размещался детский дом, потом пионерский лагерь, а затем военный госпиталь.

Стоящая на
высоком холме
летняя беседка
стала визитной
карточкой
«Академиче-
ской дачи»

Мезонин, где останавливался Илья Репин. Здесь он писал, в том числе этюды к картине «Бурлаки на Волге»

ОСТРОВ СВОБОДЫ

«Академичка» возобновила свою работу в 1947 году благодаря стараниям живописца Тимофея Катуркина, руководителя организации «Всекохудожник». Он здесь работал в студенческие годы и не забыл царившую тогда творческую дружескую атмосферу. Катуркин занялся ремонтом и восстановлением помещений, и через несколько лет вновь на тропинках и дорожках вокруг озера, в парке, в окрестных деревнях появились люди с красками и мольбертами.

Имя «Дом творчества имени И.Е. Репина» дача «Академичка» получила в 1964 году – к 120-летию со дня рождения художника. Через десять лет перед павильоном Илье Ефимовичу установили памятник работы известного скульптора Олега Комова.

Скорее всего, старый дом Сердюкова и новый флигель объединили в одно здание уже после войны. Художники жили в нем, пока в конце 1970-х годов не построили новые корпуса. Живописцы переехали в номера со всеми удобствами и просторные светлые мастерские. В каждый номер вел отдельный вход с одной стороны здания,

в мастерскую – с другой. Рядом появились столовая и административный корпус. «Академическая дача» работала круглый год. Здесь собирались художники со всего Советского Союза. Приезжали сюда по путевкам Союза художников, но получить

Кабинет Петра Николаевича Козельского

ее было непросто. За несколько десятков лет в Доме творчества собралась богатая коллекция написанных здесь полотен. Она выставлена в музее. В 1990-е годы Союз художников вывез оригиналы картин, заменив их репродукциями.

На «Академичке» художники не только работали и учились, но и общались, отдыхали. Веселые розыгрыши, песни у костра под гитару, рыбалка, футбольные и хоккейные турниры – все это создавало атмосферу творчества и вольности, делало «Академичку» островком свободы. Здесь бывал Федор Решетников – наверное, все помнят из школьных учебников его картины «Опять двойка» и «Переэкзаменовка». Владимир Гаврилов, Петр Оссовский, Валентин Сидоров, братья Алексей и Сергей Ткачевы. Здесь же работала группа художников-баталистов, называвших себя «Железным потоком».

Сотрудницы Дома творчества Марина Колос и Юлия Петрова воссоздали комнату, в которой в прошлом жили художники. Все было скромно. Железная кровать, тумбочка, настольная лампа. Мебель в экспозиции в ос-

новном антикварная. Шкафам уже более ста лет, стол XIX века. Узкая, крутая деревянная лестница ведет на второй этаж. Здесь, в мезонине, обычно останавливался Илья Репин. Стул, на котором он когда-то сидел, тщательно отреставрировали. Около окна – копия этюда, написанного им на «Академической даче». Ее сделала в 1970-е годы по заказу Русского музея Нина Ництрапова.

Гордость музея – кабинет Петра Николаевича Козельского. Он был директором Дома творчества с открытия «Академички»

после войны и почти до своей смерти в 1985 году. Козельский не был художником, но живописцы его любили за доброту и заботу. В благодарность писали портреты Петра Николаевича. Когда на даче демонтировали памятник Сталину, Козельский, в прошлом танкист, прошедший всю войну, приказал спрятать разбитую фигуру под фундамент восьмигранника. Возможно, скульптура находится там до сих пор.

В музее много архивных фотографий, писем и документов. Вот меню 1960 года: на завтрак – масло, икра, сазан с картофель-

Галерея задумывалась как выставочный зал для художников, работавших в разное время на «Академической даче»

ным пюре, сосиски с тушеной капустой, яйцо, каша гречневая. Объявление, написанное от руки директором «Академички» Козельским: «Дорогие товарищи! Прошу так не повторять не-порядков и желательно не выпивать в комнате, где живете». Надо заметить, художники и сами писали объявления: «При всех погодных условиях работать не покладая кистей»; «Во время дискуссий рукоприкладством не заниматься». В витринах расставлены предметы быта прошлых веков: чугунки, кувшины, угольный самовар. Старинная немецкая скатерть – видимо, чай-то по-слевоененный трофей. Коллекция монет, среди которых есть одна екатерининских времен, с вензелями: ее нашли на чердаке.

«Наш музей находится еще в процессе формирования, – рассказывает Марина Колос. – Мы дорабатываем некоторые экспозиции, собираем экспонаты. Часто художники пишут с ними эскизы. Они очень любят рисовать на веранде. Все прошлое лето на ней работал один тверской художник. Писал цветы, расставил везде красивые букеты. Поработал и уехал, я думала, что насовсем, все убрала, отмыла, подмела. А он приезжает и говорит: «Где мой веник?» Принесла обратно».

Картины, созданные художниками на «Академической даче» в постсоветское время, выставлены в галерее в административном корпусе. В 2018 году на «Академичке» был написан самый большой этюд, вошедший в Книгу рекордов Гиннесса. Над полотном размером 2 на 5 метров работали шесть художников. Сейчас его можно видеть на железнодорожном вокзале в Вышнем Волочке, как войдете – слева, над газетным киоском.

Но вы не спешите уезжать из «Академички». Прогуляйтесь вдоль озера, перейдите по мостику на другой берег, углубитесь в лес, поплутайте по узким тропинкам. Впитайте в себя дух и атмосферу «Академической дачи». Уезжать отсюда точно не захочется.

В советское время художники, работавшие здесь, должны были написать и подарить Дому творчества свое произведение

МИРАЖИ КИТАЙ-ГОРОДА

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БЛАГОСЛОВЕННАЯ СЛАВЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. КРАСНАЯ АЖУРНАЯ ЦЕРКОВЬ ВСЕХ СВЯТЫХ УТОПЛЕНА В НИЗИНКЕ, ОГРОМНЫЕ СЕРЫЕ ОСОБНИКИ НАВИСАЮТ ПО КРАЯМ, ТРЕПЕЩЕТ ЗЕЛЕНЫЙ ИЛЬИНСКИЙ СКВЕР С ПАМЯТНИКОМ КИРИЛЛУ И МЕФОДИЮ.

Я

УЖЕ И К МИНИ-
вокзалу автобусному
привык.

Автобусы добавляют
в пейзаж синей краски.
А справа от меня – цвет корич-
невый... Это кусочек отрестав-
рированной, сохранившейся

здесь высокой кирпичной сте-
ны, уходящей к реке.
На Славянскую площадь боч-
ком выбегает улица с веселым
названием «Варварка».
Три улицы Китай-города, три
сестры, веером рассыпаются
от Красной площади – Варвар-

ка, Ильинка, Никольская. Вар-
варка – самая южная из них.

В моем детстве это была улица
Степана Разина. По преданию,
предводителя крестьянской
войны на Дону, знаменитого,
воспетого в песнях атамана,
именно по этой улице везли
на казнь, на Красную площадь.
А в 1380 году именно по Вар-
варке возвращался с победой с
Куликова поля князь Дмитрий
Иванович, позднее получив-
ший прозвище Донской.

Но совсем не этот фрагмент
экскурсии, слышу, волнует
мальчика лет десяти, который
спрашивает маму о современ-
ном, близком: «А здесь люди
живут? Ну, москвичи... Как-то
непохоже!»

И в самом деле – непохоже. Ныне Китай-город весь какой-то вычурный, экскурсионный, выставочный, искусственный, словно не настоящий...

На Варварке хотя бы автобусы ходят, аж два маршрута, причем один до Беляева (!), а на Ильинке, бывшей улице Куйбышева, на Никольской, бывшей улице 25-летия Октября, никакого наземного транспорта нет.

Китай-город словно сам по себе, отдельно от остальной столицы. И хотя стены, окружавшей Китай-город целых четыреста лет, давно уже нет, но долгое ее присутствие лично я всегда ощущал. Ощущал с детства, как ощущает его теперь этот наблюдательный приезжий мальчик.

Китайгородский
проезд ведет
к Москве-реке

Экскурсовод ведет группу от храма к храму, на Варварке – церкви на любой вкус. Здесь вообще есть о чём рассказать: и об Английском дворе, и о великомученице Варваре, и о боярских палатах, и о Знаменском монастыре, и о Средних торговых рядах, и о Гостином дворе, раскинувшемся от Ильинки. Да и о гостинице «Россия» как же не рассказать?

Невелик Китай-город: три улицы, семь переулков да парк «Зарядье», но знаменит. Гости столицы неминуемо приходят сюда в любую погоду. Именно здесь, похоже, формируется представление россиян о нашей столице и москвичах.

А как вы хотите? Кремль, Красная площадь, Китай-город... Манеж. Александровский сад? Обязательно! Был? Был. Посетил? Посетил. Видел? Видел. Красиво? Ого! Значит, все в порядке.

У храма Василия Блаженного очередная группа внимательных экскурсантов впитывает обязательную программу.

Селфи на Васильевском спуске. Это строго. Куда же теперь без селфи? Вы что?!

«Мама! Сними меня тут! Вот прямо тут! У Минского и Пожарского! Атмосферно, мама! Быстрее, пока наши не ушли!»

«Минский и Пожарский» – это сильно, не правда ли? И смешно. И грустно.

Заворачиваю на Ильинку.

«Улица Ильинка берет свое начало от Красной площади и идет до Ильинских Ворот, ведущих к улице Маросейке. Это одна из богатейших улиц по торговле. Здесь помимо торговли товарами торговали и деньгами. Торговцы эти назывались «менялами» и до учреждения банков проделывали те же операции, что и последние, и, кроме того, меняли крупные ассигнации на мелкие. На Ильинке торговали серебряными изделиями, особенной торговлей отличались богачи Булочники, у них лавка была завалена серебром. Торговали суконными товарами, шелковыми, парчой. Выделкой последней, доходившей до художественности, отличались Сапожниковы, затем богатую торговлю мехами вели Сорокоумовские. Был очень богатый купец Усачев. Он выезжал всегда на тысячных рысаках и прежде, чем попасть в амбар, пролетал Ильинкой в Успенский собор, а торговцы выходили смотреть, как он поедет.

На Ильинке был музыкальный магазин Павла Ленгольда, где всегда пребывал знаменитый гитарист Высотский, этот идеал всех гитаристов.

На Ильинку же одной своей стороной выходит старый Гостиный двор – огромное, белое, с арками здание, захватывающее два длинных переулка, выходящих на Варварку...

На Ильинке у маленькой площади находилась и купеческая биржа.

Надо сказать, и о достопримечательности этой улицы – о Новотроицком трактире, фигурировавшем во многих русских романах. Там московское богатое купечество на славу кормило и поило своих покупателей, а также происходили «вспрыски» вновь затеянных торговых миллионных дел».

Со вкусом пишет знаток Москвы середины XIX века, верно? Так и ощущаешь кипение местной жизни... Теперь же на Ильинке довольно тихо. Разве что книжные ярмарки в Гостином дворе привносят некоторый ажиотаж.

Биржевая
площадь
невелика,
но летом
включают
фонтан

Ильинка –
финансовый
центр страны

Ильинка – финансовая Мекка России, а финансы любят тишину. Много железных, наглухо закрытых ворот, у которых дежурят автоматчики в камуфляже. Автомобили в основном солидные, большие, черные...

«Только к концу XIX века торговый капитал здесь стал уступать свои позиции финансовому. Ильинка стала главным авеню московского Сити, – подчеркивает столичный краевед совет-

ских времен. – Сравнительно небольшая улица в наши дни преисполнена тишины и спокойствия. Как и во всем бывшем Китай-городе здесь почти не осталось жилых помещений, поэтому к вечеру она пустеет – и в редком окне увидишь свет». Вот и ответ любознательному мальчику из провинции, не так ли?

Помпезные, громадные банковские здания уже своим внеш-

ним видом говорили о владельцах и капиталах. В комедии Алексея Николаевича Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше» один из героев сообщает: «Ступай, братец, по Ильинке: налево один банк, направо другой».

Батюшки мои! Напротив Богоявленского монастыря, в переулочке между Ильинкой и Никольской, есть, оказывается, не слишком заметный вход-выход в родное московское метро! Станция «Площадь Революции»! Та самая, с фигурами! Арбатско-Покровская линия... 1935–1938 годы. Как же это я забыл про существование именно этого выхода? Прямо напрочь! Мираж... А все потому, что привык заходить в Китай-город другими путями, другими ходами и другими воротами... Да и линией этой, честно сказать, редко пользуюсь. Так что ответственно заявляю здесь таким же, как я, простофиям: «Самый удобный путь в Китай-город – станция метро «Площадь Революции». Вы сразу в местном центре окажетесь».

Все рядом: и бывшее подворье Троице-Сергиевой лавры, и быв-

шее подворье Иосифо-Волоцкого монастыря, и бывшие Средние ряды архитектора Романа Ивановича Клейна, и даже вечный Минфин России.

Подворье в те времена своего рода многофункциональный центр. Тут и гостиница, и постоянный двор, и амбары, и конюшни, и склады, и магазины, и трапезные на любой вкус. Но главное назначение практически любого подворья Китай-города – торговля. Так что подворье – это в первую очередь торговый дом. Серьезное торговое предприятие.

Выхожу на Новую площадь, маленькую, узкую и на площадь совсем непохожую. С удовольствием наблюдаю знакомый пейзаж. Впереди вьется Маросейка, на верхушечке Ильинского сквера стоит памятник героям Плевны, чуть левее наконец-то отреставрированный Политехнический музей... Сколько всего связано в теми местечками, сколько там хожено... Сколько раз эти места я видел в разных кинофильмах...

Иду себе не спеша налево, впереди – Детский мир, тоже отбывший свою реставрацию. Вот и

Политехнический музей после ремонта

Новая площадь больше похожа на новую дорогу

метро «Лубянка», напротив – громада зданий ФСБ, хвостик Мясницкой, по которой, кстати сказать, тоже давненько не гулял. Иду и думаю про себя: Китайгород со всех сторон окружают площади – Красная, Славянская, Новая, Старая, Лубянская, Театральная, Манежная, площадь Революции, и вот там, на площадях этих, идет какая-то иная жизнь, настоящая жизнь большого города.

На углу Никольской нелепое здание, приплюснутое, нахальное, нарушающее привычный пейзаж. Его не ругал только ленивый. Не доходя до этого «Наутилуса» – налево, и вот она – знаменитая после чемпионата мира 2018 года Никольская улица. Она пошире Ильинки, а главное, полна народу. Просто-напросто запруженна людьми!

Теперь это главная пешеходная и тусовочная улица Москвы.

Когда-то здесь учился Михаил Ломоносов. Когда-то выпускал первую печатную российскую книгу Иван Федоров. Когда-то Историко-архивный институт был одним из лучших в городе. Когда-то Станиславский и Немирович-Данченко придумали здесь МХТ...

Теперь же главная особенность улицы – тусовка. Тут и там праздно шатающаяся молодежь. Однако... ворчу про себя совсем постариковски. Куда это годится? Вдруг кругом вовсе не тусовщики, а работники местных офисов, какие-нибудь курьеры, менеджеры, дизайнеры, мерчендайзеры?

Сверху, как с неба, спускаются многочисленные висыльки, которыми вечерами подсвечивают улицу, а днем они просто мешают простору и загораживают обзор.

Конечно же, под ногами плитка! А сто лет назад Никольская стала первой заасфальтированной улицей Москвы. На это новшество откликнулся в 1928 году Владимир Маяковский:

*Кому в Москве неизвестна
Никольская?*

*Асфальтовая улица –
ровная, скользкая.*

В самой середине улицы – большой капитальный ремонт. Под горячую руку попало Чижовское подворье, занимающее

Причуды
московской
архитектурной
эклектики уже
не удивляют

целый квартал. Строительная сетка висела на Чижовском подворье несколько лет, и вот ее сняли – началась, закипеластройка!

Стройке предшествовала разъяснительная работа, фрагменты которой можно увидеть на пластиках, в избытке развешанных по стенам и заборам.

Если говорить коротко, в 100 метрах от Красной площади, на Никольской улице и прилегающих переулках, появится новый, отнюдь не маленький жилой комплекс. Спорить и протестовать, видимо, не имеет никакого смысла, потому что работы согласованы и уже ведутся. А что до подворья, то оно практически разрушилось и большой ценности, на минуточку, не представляет. Кто бы сомневался...

Вот некоторые цитаты от авторов и исполнителей проекта.

«Команда проекта несколько месяцев погружалась в исторический контент». «Приглашен гений современной архитектуры...». «Проект создавался в сотрудничестве с легендарными британскими архитекторами и представляет собой удивительный по своей красоте и деликатности комплекс резиденций». «Через 3,5 года появится такая красота...». «Гармонично вплетенный в историческую ткань города...». «Бросаем вызов времени...». «Город сам провоцирует нас...». «Пересмотреть традиции общения человека и архитектуры...». «Линия кровли, похожая на чешую...».

Словом, сказано мастерски, хотя и многословно. И рисуночки компьютерные приведены. И вот из них-то как раз и видно, что эти три задуманных двора и в самом деле во многом пересмотрят традиции отношений человека и архитектуры и, самое главное, не будут иметь ничего общего с окружающей привычной средой здешних мест.

Это только начало нашего сотрудничества, уверены авторы. Собственно, одной из целей моего сегодняшнего похода и было посещение Чижовского

Памятник
героям Плевны
в Ильинском
сквере открыт
в 1887 году.
Архитектор
и скульптор –
Владимир
Шервуд

подворья. Надо попрощаться с привычным обликом улицы. Будет ли улица хуже или лучше, посмотрим потом, поглядим, сравним, оценим. Ясно одно – привычный пейзаж Никольской будет нарушен. Общая площадь строительства «составит порядка 73 тысяч квадратных метров...». Обещают и подземный паркинг, так что копнут обязательно, копнут как следует, как же не копнуть, когда обещаются пентхаусы с террасами, таунхаусы с патио, а также двухэтажные квартиры с панорамным видом из окна?! Постоял, посмотрел, покурил и подумал, что парад больших архитектурных проектов продолжается. Любят у нас парады. Есть, есть желающие красиво пожить в Китай-городе!

Как не зайти в ГУМ, если ты на Никольской? Хотя бы из любопытства, хотя бы из-за того, что лет сто не был. Конечно, зашел, огляделся...

Красиво! Светло! Просторно! Видел одну большую очередь – в местную столовую. И еще одну поменьше – за мороженым.

В ГУМе широко рекламируется «Исторический туалет». Входишь и сразу слева – плакат про это существенное заведение. Изучил плакатик внимательно. Историческая справка. Архивные фотографии. Прейскурант посещения. Простое посещение – 200 рублей. Душевое отделение – 1000.

Правда, на третьем этаже для слабонервных врагов истории есть туалет обычный, не исторический и без душа, но тоже платный – 50 рублей с носа. Очереди нет.

Так что ГУМ прекрасен, товарищи...

Но в нем заметно душновато. Не хватает свежего воздуха. И это притом, что людей совсем мало. Как-то я не помню в прошлые времена такой духоты в главном московском магазине. Хотя народа было в нем тогда куда больше. Иной раз стояла очередь с первого этажа на второй. Или даже на третий.

ГУМ (Верхние торговые ряды) выходит фасадом на Красную площадь

Никольская улица популярна у туристов

Знакомым переходом вышел я из Китай-города. Вышел на площадь Революции, к одноименной станции метро, к тому самому входу, что ведет на родную Замоскворецкую линию, с бюстиком Ильича в вестибюле. Какие выводы из путешествия? Как бы вам сказать... Получается, что всю мою жизнь Китай-город был отгорожен от меня

невидимой стеной, прочной, высокой, кирпичной. Как стояла стена, так и стоит. Мираж? Выходит, мираж. Судите сами.

Театр я посещал на Театральной площади.

За книгами ходил на Маросейку.

За чебуреками – на Солянку. В библиотеку – в Старосадский переулок.

На площади Революции ныне сплошные гулянья

Фото
с московской
боярыней
не всем
по карману

В кино – на Москворецкую набережную, в «Зарядье» или в «Метрополь» в Театральном проезде.

Я даже переходом, входом и выходом на станцию «Площадь Революции» и то другим пользовался.

И все прогулки мои по нашему славному городу почему-то огибали этот район, почему-то не шли туда ноги.

Вот в ГУМе, правда, бывал я не раз. В девятом классе. В 1976 году...

Тогда я увлекся советской эстрадой, и мы с ребятами после школы ездили покупать новые диски ВИА «Песняры», «Веселые ребята», «Самоцветы», «Поющие сердца», «Ариэль», «Синяя птица»... Отдел грампластинок находился на втором этаже, а туалет в ГУМе, как, впрочем, везде и всюду, был бесплатным.

Но увлечение ВИА довольно быстро прошло, и за пластинками Владимира Высоцкого я ездил уже на Калининский проспект в магазин «Мелодия». Большая пластинка в конверте стоила тогда 2 рубля 15 копеек, а маленькая... Сколько стоила маленькая, уже и не вспомню. Копеек 70 вроде. ●

ВЕНЧАНИЕ В ТРОИЦКОМ

автор

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

фото

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПОД СВИСТ КОНЮХОВ ИЗ ВОРОТ ОГРОМНОЙ КОНЮШНИ ВЫБЕГАЮТ ЛОШАДИ. КАЖЕТСЯ, ИХ НЕ МЕНЕЕ СОТНИ. АЛЕКСЕЙ ОГЛЯДЫВАЕТ ТАБУН. ВСЕ ТАК ЖЕ, КАК И ДВА ГОДА НАЗАД: ПОЛОВИНА ЛОШАДЕЙ ТЕРСКИЕ, ПОЛОВИНА – ОРЛОВСКИЕ. ПОЧТИ ВСЕ – СЕРОЙ МАСТИ, ГНЕДЫХ МОЖНО ПО ПАЛЬЦАМ ПЕРЕСЧИТАТЬ.

АЛЕКСЕЙ ЗНАЕТ, ЧТО Пироговым – владельцам этого коневодческого хозяйства – нравятся лошади серой масти. Причем настолько, что когда в табуне появляются жеребята иного окраса, то их стараются продать. Неслучайно ведь усадьба Пироговых в селе Троицкое

Нижегородской области называется «Серая лошадь». В конюшне Алексей заметил новые седла и хомуты. Их смастерила Алена, которая пришла работать к Пироговым из Нижегородского цирка. По образованию она – ветеринар, а теперь еще – инструктор верховой езды и шорник. Алексей рас-

сказывает, что хозяин усадьбы, Александр Михайлович Пирогов, раньше тоже сам делал хомуты и седла. Он вообще может любого работника на конюшне заменить. И тройку сам запрягает. «Алексей, и ты научишься тройку запрягать, – уверяет Александр Михайлович. – Только выездоравливай!»

Из зоны специальной военной операции (СВО) Алексей приехал в отпуск по ранению. Ходит с костылем: на раненую ногу опираться пока не может. Татьяна Борисовна, супруга Пирогова, не слушая отговорок, ведет Алексея в столовую, усаживает за стол. Тут же появляются две тарелки: борщ и макароны по-флотски. Алексей смеется и говорит, что его все уже закормили. Да и стесняется он из-за такого внима-

ния к собственной персоне. Отмакивается, когда ему говорят, что он – герой. Вспоминает, что однополчане часто просили его рассказать о том, как он работал конюхом, истории о лошадях бойцы любят. Когда Алексей был ранен в бою семью осколками и под обстрелом несколько километров с двумя товарищами выбирался к своим, думал только о жене и своих дочках. Говорит, потому и выжил.

Пока Алексей находился в зоне СВО, куда отправился добровольцем, жена купила лошадь. Двум дочкам развлечение, да и в хозяйстве подмога. Пироговы помогли с кормом, седло и попона тоже есть. Так что Алексей доволен.

О том, как живет конюшня, Александр Михайлович и Татьяна Борисовна регулярно сообщали своему бывшему работнику. Поэтому Алексей в курсе, что в 2023 году усадьба «Серая лошадь» получила статус генофондного хозяйства. Что своих орловских рысаков Пироговы отозвали с Московского ипподрома – содержать их там дорогоевато. Знает и о том, что в прошлом году Александр Михайлович даже пропустил время, когда кобылы жеребились, потому что в четвертый раз отправился в зону СВО, приспособив для доставки гуманитарной помощи колесные вагончики. С ним приезжал и священник местного храма во имя Живоначальной Троицы, в котором Алексей крестился. Там же

Пироги
у Пироговых
славятся
на всю округу

Алексей намерен обвенчаться с женой. Пироговы рады этой новости, они ведь тоже венчались в этой церкви. А через год у них дочь родилась. Катя сейчас 18 лет, она живет с родителями, проводит конные шоу и устраивает костюмированные спектакли для туристов.

Пока Алексей доедает макароны, Пироговы рассказывают ему о том, как выходили косуленка, который попал под комбайн и остался без двух ног. Как возились с лосятами-подранками, вышедшиими к людям из леса за помощью. А недавно в соседний поселок пришла раненая рысь. Куда ее девать? Привезли Пироговым. Ведь сюда обычно и свозят всех раненых животных. Понятно, почему Министерство экологии Нижегородской области намерено открыть на базе «Серой лошади» Центр реабилитации диких животных. Так что когда Алексей вернется с СВО, тут будет много чего интересного. Может, даже удастся и северного оленя развести...

Если бы не раненная нога, Александр Михайлович с радостью показал бы Алексею и лосят, и благородных оленей, и ястребов, и ту самую рысь. И, конечно, они поднялись бы на высокую голубятню. Голуби – это особая любовь Пирогова, ведь он их с 11-летнего возраста держит.

За этим
частоколом
с воротами
скрываются
чудеса

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ

«Видишь шпиль над колокольней?» – спрашивает Александр Михайлович, остановившись посреди двора. «Нет, не вижу», – отвечаю. «Вот сюда подойди. Теперь видишь?»

Далеко, над кронами деревьев, еле виднеется главка. Там стоит деревянный храм, известный на все Поветлужье. Троицкая церковь – это все, что сохранилось от старообрядческого монастыря, который в последней трети XVII века основали беглые монахи, спасшиеся после Соловецкого восстания 1668–1676 годов. Позже обитель была обнаружена и уничтожена властями.

Раньше здесь протекала река Ветлуга, ныне от нее осталась старица, у которой и стоит Троицкая церковь. Заинтересовавшись историей этого храма, Пироговы провели архивные разыскания и теперь располагают копией челобитной, которую старцы Троицкой Варнавиной пустыни (этот упраздненный монастырь был основан в XV веке. – Прим. ред.) направили царю Алексею Михайловичу. В ней варнавинские иноки жаловались, что пришедшие на Ветлугу беглые соловецкие монахи заняли рыбные ловли. Удивило Александра Михайловича и то, что Троицкая церковь сложена из огромных бревен лиственницы, которая в Поветлужье не растет. Здешние леса – сплошь сосна, осина, береза. Да и лесники говорят, что никогда не слышали о лиственнице на берегах Ветлуги. Получается, монахи лиственницу сюда с севера доставили. Но как? Этот вопрос мучил Пирогова до тех пор, пока он не стал ездить с экспедициями за Северную Двину за северными оленями, которых отлавливали и доставляли в Керженский заповедник и в «Серую лошадь» для восстановления их популяции на территории Нижегородской области (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2019 год, статья «Мечта о северном олене»). Тогда-то он и понял, что это вполне реально: из Северной Двины в Ветлугу можно попасть по реке

В этой
сторожевой
башне
спрятана
голубятня

Когда снег
растает,
то территория
храма
украсится
цветочными
клумбами

Юг. И хотя местные краеведы считают, что храм построен из местной сосны в 1713 году, Пирогов уверен, что Троицкая церковь сложена из лиственницы, которую перенесли сюда по рекам соловецкие монахи...

Жительница Нижнего Новгорода Зоя Владимировна Черухова обосновалась в Троицком раньше Пироговых. Супруг ее ездил по Нижегородчине и нашел Троицкую церковь в заброшенном селе Воскресенского района. Место понравилось, решили жить здесь. Купили домик в селе. Переехали. Через полгода муж умер. Перед смертью велел жене никуда от Троицкого храма не уезжать и беречь его. 47-летняя Зоя Владимировна осталась присматривать за церковью, в которой стала и старостой, и продавщицей в церковной лавке. Как-то зашел в церковь мужчина в сапогах и говорит: «У меня три лошадки убежали!» Зоя Владимировна догадалась, что это тот самый Пирогов, который коневодческое хозяйство держит. Священник посоветовал: «У нас есть

Предание связывает Троицкую церковь с соловецкими монахами

икона святых Фрола и Лавра, покровителей домашнего скота. Давай помолимся за твоих лошадок! Помолились. Вышли на крыльце, а у забора те самые лошадки стоят, ждут. «А вот теперь забирай своих лошадок!» – улыбнулся священник. Пирогов ушел, крепко задумавшись.

Александр Михайлович тот случай помнит. Говорит, что водил тогда туристов в конный поход по Ветлуге, жили в палатках. Как-то на привале большой сук упал в костер и так «взорвался», что кони испугались и сбежали. Тогда конная база Пироговых располагалась в соседнем с Троицким селе Благовещенское, в котором, кстати, когда-то останавливался писатель Владимир Короленко. Там же он написал рассказ «Река играет».

Троицкую церковь Александр Михайлович впервые увидел в 1997 году, когда привел к ней туристов. Дороги тогда размыло, пробирались к храму с трудом. Пока туристы осматривались, Пирогов подошел к священнику в ветхой рясе и сказал, что они с женой хотели бы повенчаться. «Ты верующий?» – спросил батюшка. Пирогов замялся. «Вера ведь сразу не приходит», – заметил священник. Уже позже Пироговы узнали, что отец Панахарий родом был из здешних мест, из семьи старообрядцев, рос при этой церкви. После армии постригся в монахи. Подвизался в Троице-Сергиевой лавре, а потом его в Троицкое отправили, чтобы он ухаживал за родной теткой, которая его вырастила, и в храме служил.

ВСЕМ МИРОМ

В ту первую встречу поразила Александра Михайловича и большая икона Казанской Божией Матери в Троицкой церкви. Вернулся домой, рассказал обо всем жене. «У меня сердце после его рассказа рвалось сюда, потому что икона Казанской Божией Матери у нас семейная», – говорит Татьяна Борисовна. Вскоре и она вместе с туристками отправилась на конную прогулку к Троицкой церкви. Как прибыли – в сапогах, в бриджах, – так и вошли в храм. Священник притираться не стал, сказал, что в церкви надо думать не о том, что на вас надето, а о Боге. Татьяна Борисовна вспоминает, что долго тогда стояла у той самой иконы Казанской Божией Матери, увешанной золотыми

цепочками и кольцами – подношениями прихожан в благодарность за помощь и исполнение просьб. И это в почти заброшенном храме, расположенным в глухи, куда и дороги то нормальной нет! Местные рассказывали Пироговым, что раньше в Троицкой церкви стен было не видно из-за икон. Они даже на полу стояли. Жители окрестных сел хранили древние образа, а после смерти завещали их в этот единственный действующий деревянный храм в Поветлужье.

Не раз случалось, что нечистые на руку люди добирались до Троицкой церкви и воровали драгоценности, иконы и церковную утварь. Отец Панхарий относился к этому философски, говорил: «Для молитвы икон

И лошади, и лоси в хозяйстве Пироговых получают одинаковую порцию любви

Чуть ли не со всего Поволжья раненых лосей везут к Пироговым, зная, что эти добрые люди им помогут

хватит». Заявления в полицию не писал. Чтобы остановить грабеж, Пироговы установили в церкви сигнализацию. Поставили ночного сторожа. Потом решили взяться за ремонт: крыша церкви больше походила на решето, во время дождя вода по стенам текла. Сначала писали письма в разные инстанции о том, что нужно спасти памятник, признанный объектом культурного наследия федерального значения. Несколько раз приезжали комиссии, составля-

ли сметы, говорили слова поддержки. Но дальше этого дело не шло: крыша по-прежнему текла, иконы, хоть и реже, продолжали воровать.

Тогда-то Пироговы и приняли решение перебраться из Благовещенского в Троицкое, чтобы быть поближе к старой деревянной церкви. Начали самостоятельно ремонтировать ее. Были благодарны людям за любую помощь. Друг семьи, бывший военнослужащий и хороший рисовальщик Владимир

Кормить малыша молоком из бутылки для Татьяны уже давно привычное занятие

Елизаров, помог Пироговым с ремонтом колокольни, очистил и обновил иконостас. Друзья из Череповца сделали новую железную крышу для церкви, удалось поставить ее вместо старой, которую, как рассказывали местные жители, оплатил Савва Морозов в 1905 году. Другие помогли привлечь внимание к ремонту Ростоханкультуры. Приехавший отдохнуть в Троицкое профессиональный реставратор привел в порядок покосившиеся главки и кресты. Потом в селе появилась журналистка. Написала статью о ремонте храма. И незнакомые люди начали помогать Пироговым деньгами, церковной утварью, облачениями. Изготовление одного из колоколов оплатил прихожанин Троицкой церкви, остальные – заслуга Горьковской железной дороги...

К тому времени, когда ремонт приближался к концу, Пироговы уже выяснили, что Троицкий храм был построен до 1713 года.

Он стоит на холме, который сельчане называют Бабьей горой или Бабым бугром. Кстати, в 1894 году в сборнике «Действия Нижегородской губернской ученой комиссии» была опубликована статья «О находках в Макарьевском уезде Нижегородской губернии», подписанная А.П. Поливановым. В ней в том числе рассказывалась любопытная легенда о холме Бабья гора. «На мои расспросы, крестьяне рассказали, что этот холм или, как они называют, «шихан», именуется «Бабья гора», – писал автор, – потому что на нем когда-то, очень давно, жила баба Степанида с двенадцатью разбойниками, над которыми была атаманшей. С возвышенного места им было удобно следить за добычей, а до них добраться было мудрено. Добытые ими сокровища спрятаны в этой горе, которую они долго защищали от нападения окрестных жителей, но при последнем нападении все разбойники были убиты, а Степанида

бросилась в реку и до сих пор живя и стережет клады, выходя по ночам на гору; неоднократно видели, как она сидит на обрыве и расчесывает волосы. Поэтому никто и не смеет раскачивать Бабью гору. Однако оказалось, что это запрещение теперь уже не имеет значения и местные крестьяне охотно и с любопытством отправились со мною осматривать гору»...

Пироговы также разыскали выписку из синодика 1667 года, присланного из Москвы личным садовником царя Алексея Михайловича Богданом Андрониковым, в котором тот расписал правила поминования своих родителей. На синодике указан адрес: «Казанский приход Кузмодемьянского уезда, церковь Троицкая, что на Красной горе, в Черноезерский монастырь (Бабегорский тож)». Пироговы считают это первым документом, в котором упоминается Троицкая церковь. Не менее важной находкой стала уже упоминавшаяся челобитная старцев Варнавиной пустыни царю Алексею Михайловичу. Эти документы Пироговы долго не передавали в Троицкий храм – некому было их отдать. После того как отца Панхария перевели в другую епархию, постоянного батюшки в Троицкой церкви не было. Иногда приезжали священники, останавливались в доме Пироговых, службу проводили и уезжали. Пироговы пытались их уговорить остаться служить в храме, но те лишь головой качали: глушь, село пустеет, дороги нет...

Наконец Александр Михайлович обратился в местную епархию с просьбой назначить постоянного священника в Троицкий храм и предложил остановить выбор на отце Евгении Горбунове, который еще во времена СССР служил в этом храме псаломщиком. Так и случилось.

Сегодня к храму ведет хорошая дорога, есть даже удобная автобусная остановка, сложенная из бревен. В село Троицкое потянулись на жительство люди.

Еще до первой зеленой травы эти тюки сена исчезнут

Полюбоваться на старинный деревянный храм в Троицкое приезжают из обеих столиц

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

...Вечером Татьяна Борисовна спрашивает мужа, заходил ли он сегодня к овцам. «Заходил, все здоровы», – отвечает Александр Михайлович. Овец романовской породы Пироговы держат ради удовольствия. А вот шерсть их девять некуда. Стоит в мешках на чердаке. Татьяна Борисовна рассказывает, что ее мама, Александра Петровна, которая последние годы жила вместе с Пироговыми, первое время не понимала ни дочь, ни зятя. Что за жизнь у них? Лошади. Коровы. Овцы. Птицы. Думала, у дочери временное помешательство. Знакомым стеснялась говорить, как они живут. Ведь она с мужем с таким трудом перебралась в город, а дочь вдруг взяла и вернулась в умирающую деревню...

Татьяна Борисовна окончила факультет промышленно-гражданского строительства. Ее отец был руководителем проектного управления на Горьковском автозаводе, но к нему работать она не пошла. Трудилась геоде-

Планируется, что эти вольеры будут отданы под Центр реабилитации диких животных

зистом в строительном тресте, затем – в отделе технического планирования. Говорят, скучно было. А потом в ее жизни появился Александр Михайлович Пирогов, такой же любитель животных, как она.

Пирогов девять лет отработал судосборщиком и пять – оператором радиохимической установки на «Красном Сормове». В 1984 году бросил все и уехал жить в колхоз им. Тимирязева Краснобаковского района. Когда отец приехал звать сына назад в город, ответил: «Папа, я не поеду, пообещал, что не сбегу».

В колхозе Пирогов завел коров, кур, лошадей, разводил норок, хорьков и нутрий. В 1992 году устроился лесником в Варнавинском районе и занял-

ся пушным промыслом. Создав хозяйство, о своих бывших коллегах по колхозу не забыл. До сих пор ездит за 70 километров помогать старикам. Семь человек под его опекой. Пирогов возит им дрова, зерно, коз, овец, кур. В Троицком Пироговы тоже взяли на свое попечение одиноких стариков. Навоз со своей конюшни они бесплатно раздавали жителям окрестных сел.

А не так давно, когда прошел ледяной дождь, полторы сотни пятнистых оленей вышли на окраину хозяйства «Серая лошадь» в надежде, что люди спасут их от голода. Пироговы потратили на них все свои запасы сена... Любопытно, что теперь сказал бы отец Пирогова о своем

сыне? Михаил Федорович был военным летчиком, учился, кстати, вместе с Мариной Расковой, в войну летал на бомбардировщике, был сбит, бежал из немецкого плена. После войны был летчиком-испытателем. Держал дома певчих птиц – соловьев, щеглов, канареек... «Отец про меня так говорил: собак ему надо сто. Голубей – сто, коней – сто, – вспоминает Александр Михайлович. – А у нас сейчас коней – полторы сотни!» «А дело-то хлопотное, до сих пор горе мыкаем», – замечает Татьяна Борисовна. И просит мужа: «Расскажи про Гришина!» Владимир Гришин работал старшим тренером Московского конного завода №1, а потом пришел к Пироговым. Со всей России собирали для них

лучших лошадей. Хотел перебраться на жительство в Троицкое. Да не успел... После его смерти директор Московского конного завода №1 позвал Пирогова и показал ему красивую кобылу по кличке Гордость Хана. Оказалось, Гришин купил ее Александру Михайловичу в подарок, но подарить не успел. Когда Пирогов увидел ее, то задумался: что же в ней Гришин нашел? Он знал, что Пироговы предпочитают серых лошадей, а тут – рыжая кобыла. Директор конезавода ему объяснил: у кобылы родители и прабабки серые были, значит, она, хоть и рыжая, будет давать серых жеребят...

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ

Вместе с Зоей Владимировной Черуховой мы осматриваем Троицкую церковь. Бревна, из которых она сложена, действительно поражают своими размерами. Замки на толстых деревянных дверях сделаны в виде секир. Паникадило старинное, иконы и сундуки – тоже. Пол деревянный, его скоблят кирпичом и натирают речным песком с Ветлуги. А вот и та самая икона Казанской Божией Матери.

Звения связкой ключей, Зоя Владимировна обходит церковь и обращает мое внимание на узкие, как в соловецких скитах, оконца. Решетки на них тоже старинные.

«Холодно, а уходить не хочется», – говорит Зоя Владимировна. Это правда, уходить отсюда не хочется. Здесь тихо и спокойно. Но нам уже пора.

Мы выходим из церкви. Зоя Владимировна запирает тяжелые двери, одновременно рассказывая о том, сколько сделали Пироговы для сохранения Троицкого храма. «Я Александру Михайловичу часто говорю: сократи ты лошадей! – объясняет она. – Он так много трудился. Надо остановиться, чтобы немного пожить спокойно!»

Слова Зои Владимировны я передаю Александру Михайловичу, когда он показывает мне

Две эти фотографии (вверху и внизу) объединяет неподдельная нежность, которая у Александра и Татьяны Пироговых безгранична

свою голубятню в деревянной башне. На нижнем ее этаже разместились голуби-бабочки николаевской породы. Обычно с них и начинают разводить этих птиц все городские мальчишки. На втором этаже – почтари. Рядом – высоколетные курские, свердловские, ижевские голуби.

На каждый этаж башни ведут крутые ступени. Обычно сюда никто, кроме Пирогова, не ходит, потому что никому своих птиц он не доверяет. Даже супруге.

Птиц для храма, которых выпускают на Благовещение, Александр Михайлович отбирает сам. А в День Победы рассказывает по садкам 200 голубей и выезжает с ними в конный поход по окрестным селениям. Первый «салют» из голубей происходит в Троицком, после памятника участникам Первой мировой и Великой Отечественной. Кстати, памятник этот Пирогов вместе с единомышленниками поставил.

Насыпав птицам зерно, Александр Михайлович присматривается к голубям, выбирает пару почтарей и показывает мне: «Хороши ли?» Я киваю: голуби отличные, словно выплеснутые из белоснежного гипса. Этих птиц Пирогов собирается выпустить с паперти в день венчания Алексея и Елены, когда у его друга заживет нога и он вместе со своей избранницей придет в деревянный Троицкий храм на берегу старицы Ветлуги. А может, в честь венчания еще и тройку серых рысаков им подгонит... ●

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru